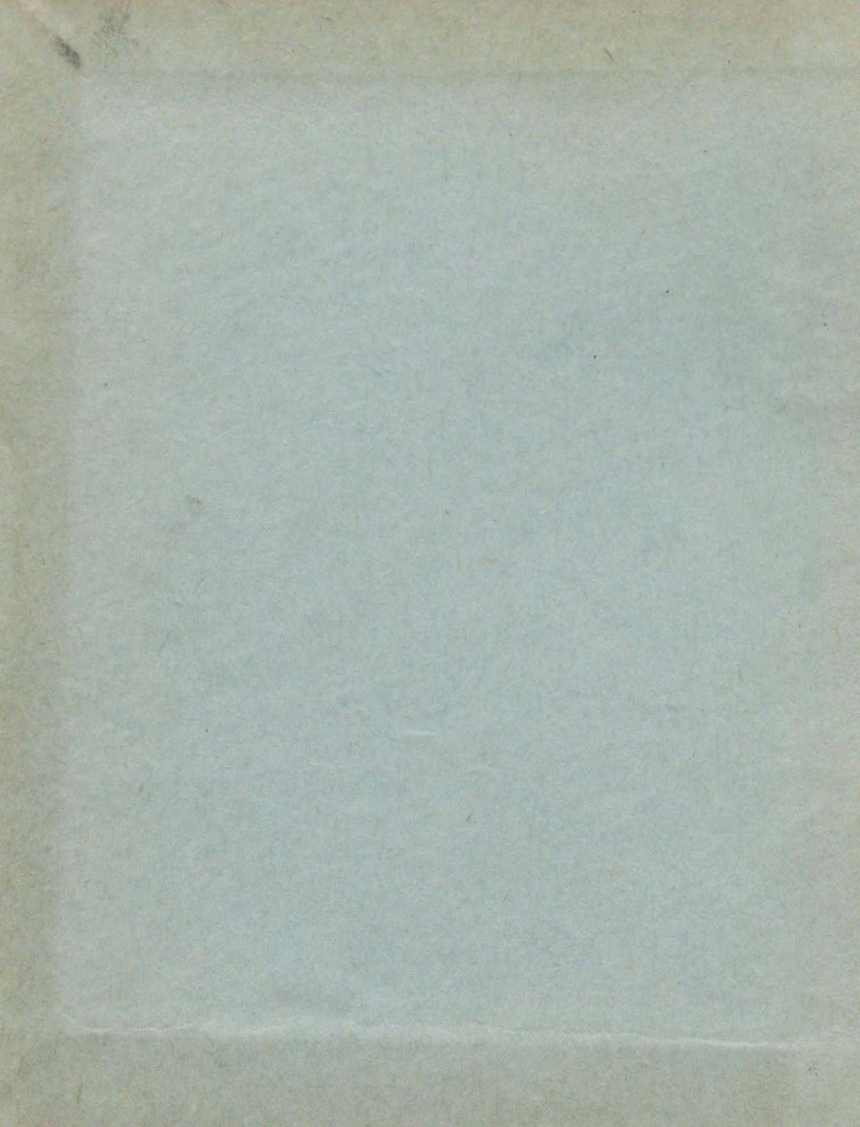

Z $\frac{13}{141}$

cs. 2

100

7011

Alupka Devlet Muzej-Sarajb

Fol'klor cъbъntьoъ № 2.

ОСА
NASREDDIN
VE
AXMET AQAJ
HAQQUNDA
ANEKDOTLAR

Tekstlerni Alupka Muzej-Sarajbny
fol'klor brigadasъ jazdъ.

Tekstni basmaqqa hazъrlaqan
S. D. Kotsybinskij

Mesul' redaktorъ Ja. P. Birzgal

Qrm ASSR Devlet Neşriyatъ

1937

7-13/141
Алупкинский Государственный
Дворец-Музей

Фольклорный сборник № 2

174
9871

АНЕКДОТЫ
О
ХОДЖЕ
НА СРЕДДИНЕ
И
АХМЕТ АХАЕ

Тексты записаны фольклорной бригадой
Алупкинского Дворца-Музея

Подготовка текста к печати
С. Д. Коцюбинского

Ответств. редактор Я. П. Бирзгал

Государственное издательство Крым. АССР
1937

Техредактор А. Бондаренко.

Рисунки и обложка художников

А. Варфоломеева и К. Муратова.

Ответств. корректор В. Терабилло.

54-5679.

21692-22
+ ОК 31112 ✓

2015170449

ОДЖА НАСРЕДДИН И ЕГО МЕСТО В КРЫМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

I

Литературная судьба Насреддина оджи так же парадоксальна, как и его приключения.

Бесподобный философ и чудак, он принадлежит к золотой когорте непреходящих образов мировой литературы. Он может занять в ней почетное место рядом с Жиль-Блазом и Пантагрюэлем, в том же ряду, где стоят monsieur Ренар, барон Мюнхаузен и скорбный рыцарь печального образа. Он дружественно близок Фальстафу и Козьме Пруткову, его связывает кровное родство с Лазарильо из Тормеса и с Тилем Эйленшпигелем.

Этот великолепный насмешник и весельчак спокойно и безмятежно пробрался в пантеон мировой литературы и, прикрываясь многочисленными псевдонимами, получил в ней такой головокружительный успех, которому бы позавидовали многие образы, созданные прославленными писателями.

Расторопного старичка Насреддина-оджу знают десятки миллионов людей. Его знают и любят древние старики и маленькие дети, ученые философы столиц и неграмотные крестьяне отдаленнейших кишлаков. Имя Насреддина близко и понятно трудящимся Турции, Ирана, Аравии, Узбекистана, Грузии, Болгарии, Сербии, Азербайджана, Греции, Таджикистана, Крыма, Кабардино-Балкарии и Армении. Без имени или под другими именами приключения оджи знакомы на Украине, в Литве, на Балканах и в Сицилии. Во всем мире повторяют крылатые слова оджи о том, что если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету. Добрая половина пословиц, циркулирующих на Востоке, так или иначе связана с похождениями этого удивительного героя.

Существует легенда о том, что семь городов Греции спорили о праве называться родиной Гомера. В пятнадцати городах Востока показывают могилу оджи Насреддина. Вот где литературная слава!

Неувядаемый оджа благополучно живет вот

уже шестое столетие. Насчитывается огромное количество анекдотов, связанных с его именем. И все-таки никогда никакого самого полного собрания сказаний о Насреддине не будет полным. Ибо Насреддин обладает завидным здоровьем и вовсе не рассчитывает умирать. Вновь и вновь создаются удивительные приключения, в которых выступает оджа, его своенравная жена и его бессмертный осел. Снова и снова появляются на устах бесчисленных сказителей веселые новеллы, в которых немало достается какому-нибудь мулле или кадию от хитроумного старика с потертой шапченкой на голове и с совершенно неповторимым характером.

Однажды тонул один мулла. Кинулись его спасать.

— Дай руку! Дай руку!—кричали спасатели, бегая по берегу.

Но мулла руки не протягивал и начал уже пускать пузыри.

— Глупцы,—сказал присутствовавший при этом Насреддин.—Да неужели же вы до сих пор не знаете характера священнослужителей? Ну где вы видели муллу, который что-нибудь дает? Запомните, невежды, муллы никогда ничего не дают. Они только берут. Вот смотрите:

И подойдя ближе к воде, Насреддин крикнул:

— Мулла, нà руку!

Барахтающийся служитель корана тотчас же

высунул свою руку из воды и протянул ее Насреддину.

Именем Насреддина назывался журнал, основанный в 1906 году в Тифлисе и бичевавший абсолютизм, тьму и мракобесие.

Имя Насреддина принял в качестве псевдонима известный писатель Азербайджана Д. Мамед-Кули-Заде¹.

Имя Насреддина написали трудящиеся советского Баку на борту агитационного самолета, построенного в 1923 году на средства, собранные через газету „Бакинский рабочий“. При введении латинского алфавита в дружественной нам Турецкой республике учебным материалом являлись напечатанные латинским шрифтом „Анекдоты Хаджи Насреддина“.

— Наш апанди!—говорит хлопкороб туркмен и раздвигает рот для радостной улыбки.

— Джаным-оджа!—произносят на рабочих полях Крыма татары-колхозники и, заранее предвкушая удовольствие, собираются на перекурку слушать удивительные сказания о своем любимце.

Кто же он, этот вездесущий Насреддин? Какова история этого внешне глуповатого, в меру плутоватого и абсолютно никогда не унывающего

¹ См. Д. Мамед-Кули-Заде (Молла Насреддин) „Избранные сочинения“. Зак. издат. Тифлис, 1936 г., где имеются также сведения и о журнале „Молла Насреддин“.

человека, занимающего такое большое место в фольклорном наследстве народов советского Востока и в крымском народном творчестве в особенности?

II

Говорят, что оджа Насреддин жил некогда в действительности.

Утверждают, что он родился в середине XIV века в Турции, в одной из деревень, лежащих неподалеку от Анкары. Указывают, что ему пришлось быть в войске завоевателей Тамерлана—железного хромца, покорителя Малой Азии. В Ак-Шехире показывают наиболее достоверное надгробие оджи с эпитафией, которой не откажешь в лукавстве.

„Здесь Наср-Эд-Дин оджа; старайтесь не входить сюда, о моем здоровьи спросите у того молодца, который выйдет отсюда“.

Неизвестный автор предисловия к одному из самых известных турецких сборников латаифи¹ сообщает, как достоверное, что Насреддин родился в царствование султана Орхана (1326—1360), жил в царствование Баязида I (1389—1403) и умер в возрасте более шестидесяти лет.

¹ „Латаифи Оджи Насреддина“ издана в Константинополе Усеином в 1327 г. гиджры (1909 г. нашего летосчисления). Типография „Хиял“. Книготорговля „Икбаль“ (Высокая порта).

„По предположениям,—пишет автор,—покойный оджа обучался в медресе в городе Кония или в Ак-Шехире, непродолжительное время был кадием в Ак-Шехире и окрестных деревнях и путешествовал по вилайетам Анкары, Конии и Бруссы“.

„Он вел существование бедняка,—говорит далее тот же автор,—средства к жизни добывал трудами и потом. То землю пахал, то дрова в лесу рубил, зимой же занимался охотничьим промыслом“.

Дмитрий Кантемир, один из первых познакомивший Европу с личностью Насреддина, в своей „Истории оттоманской империи“ приурочивает деятельность оджи к известному историческому факту—битве Тимура в 804 г. гиджры (1402 г. нашей эры) с Баязидом I и пленению этого последнего при осаде Ангоры. Описывая эту битву, Кантемир так рассказывает о первой встрече Тимура с Насреддином: ¹

Наши историки присоединяют к сему обстоятельству, вполне достойное вероятия, а именно, что перед битвой Тамерлан, который расположился лагерем вблизи Ени Шехира (сего Неаполя Малой Азии), провел три дня, слушая Насреддина Ходжу (Nasruddin Hoja). Этот гаер, или вернее

¹ Цитирую по французскому изданию „Histoire de l'Empire othoman etc. par Demetrius Cantimir“. Paris, 1743, т. I, страницы 164—167. Этот Кантемир—молдавский господарь, отец русского сатирика Антиоха Кантемира.

турецкий Эзоп, столь сильно очаровал завоевателя своими баснями, что тот забыл даже, что пора грабить город.

Узнав о приближении Тамерлана, жители Ени Шехира, среди которых жил Насреддин, начали готовиться к защите. Насреддин сделал все от него зависящее, чтобы отговорить их от этого, предлагая свои услуги в качестве посла от города к Тамерлану.

Далее Кантемир рассказывает, что, когда Насреддину удалось убедить своих сограждан, он стал обдумывать, какой бы подарок поднести страшному врагу, чтобы смягчить его гнев. Остановился на фруктах.

„Но добрый совет всегда уместен,—решил оджа,—пойду ка посоветуюсь с женой“.

Разыскал жену, спрашивает ее, что лучше понести Тамерлану, инжир или айву? Жена советует нести айву.

— Прекрасно, раз ты советуешь айву, значит я понесу инжир.

Тамерлан, рассерженный нелепым подношением, приказывает раздавить все ягоды на голове дарителя. Каково же было его удивление, когда, весело смеясь, Оджа стал благодарить аллаха.

Тимур полюбопытствовал о причинах такой непонятной радости. И тогда веселый посол ответил:

— Я благодарю аллаха, что не последовал совету жены и не взял твердых как камень плодов айвы. Невозможно представить, что стало бы с моей головой.

Таково, по Кантемиру, первое знакомство Насреддина с Тамерланом.

Можно было бы привести немало сведений, подтверждающих как-будто бы реальность исторического Насреддина оджи. Однако эти сведения чрезвычайно противоречивы, запутаны и почти несводимы одно с другим. В частности, описанная

встреча Насреддина с Тимуром известна в десятках других редакций. Согласно им, эта встреча каждый раз происходит в совершенно иных условиях, при иных обстоятельствах, в других городах и в иное время. С другой стороны, известны десятки рассказов, передающих буквально то же событие, но таким образом, что оно никакого отношения к Насреддину не имеет.

Основываясь на подобных „фактах“, восстановить биографию Насреддина совершенно невозможно.

Во-первых, противоречивы сведения о национальности его. К наиболее популярной версии о том, что Насреддин—турок вдруг присоединяются известия о том, что он выходец из Аравии. Существует арабская рецензия XVII века на анекдоты о Насреддине (в ней, между прочим, приведена ставшая знаменитой фраза оджи о Магомете и горе—сколок с древнейшей формулы: „Если пальма не идет к Джохе, то Джоха идет к пальме“). Эта рецензия, подписанная 1631-м годом, представляет собой перевод с турецкой рецензии, которая в свою очередь заимствована с еще более древней арабской. Арабы приписывают все шутки Насреддина своему земляку Джохе и называют его полное имя Ходжа Наср-Эд-дин-джоха Эр-Руми. Это вызывает целые филиппики турецких исследователей, стремящихся отгородить оджу от арабских уподоблений. Цитированный нами кон-

стантинопольский автор прямо призывает „Остерегайтесь подделок! Не сравнивайте Насреддина ни с Джохой Аравии, ни с Тальхаком Персии“. Кстати, имеются данные считать Насреддина—иранцем. Вдруг еще неожиданность. Оказывается, Насреддин не кто иной как грек. Попробуйте доказать, что Анастратин-оджа, выступающий в том же самом амплуа и пользующийся широкой популярностью в Греции,—не грек. Наконец, как опровергнуть притязания болгарского фольклора на Насреддина национального болгарского¹.

По нашему мнению (и мы попытаемся дальше его обосновать, не опасаясь вызвать упреки многонациональных компатриотов оджи), оджа Насреддин, кроме всего прочего, является также и „крымским татаринoм“.

Столь же противоречивы данные о профессии оджи.

¹ В Болгарии большинство анекдотов распределяется между равнозначными образами—хитрым Петром и Насреддином ходжой. О всеобщей любви к Насреддину в Болгарии рассказал автору этой статьи научный сотрудник ГАИМК болгарин С. Д. Димитров. О колоссальной популярности Насреддина в Греции сообщил директор библиотеки „Таврика“ греческий уроженец Д. С. Спиридонов.

Литературным путем проникнув во Францию, Насреддин и там сделался всеобщим любимцем: роман французского писателя Пьера Милля—„Nasr-Eddin et sa femme“ принадлежит к числу весьма популярных книг во Франции.

Судя по титулу, — он школьный учитель. Термином „оджа“ или, по другой транскрипции „ходжа“ (hodja)¹ обозначают одновременно также и вообще всякого уважаемого человека. В некоторых анекдотах Насреддин выступает наставником детей и педагогом. С другой стороны, в некоторых закавказских анекдотах Насреддин фигурирует в роли моллы, что впрочем нисколько не мешает ему быть грозой мусульманского духовенства. Здесь мы должны напомнить, что термин м о л л а отнюдь не равнозначущ термину м у л л а и вовсе не покрывает собой понятия клерикала — служителя церкви. На Востоке, в частности в Турции, моллой называют всякого человека, получившего образование, иногда, правда, ограничивая это образование медресе — духовной семинарией. Таким образом термином „молла“ обозначается не профессия, но обращение, сходное по значению с эффенди (туркменское — апанди). Отсюда и фонетическая разница слов мулла и молла.

В крымском фольклоре Насреддин не имеет ни того ни другого имени. Он называется исключительно оджой. Характерно, что в настоящее время именем оджа крымская учащая молодежь называет вообще всех своих педагогов, причем

¹ Не смешивать с „хаджи“, что значит — человек, побывавший в Мекке.

это имя имеет оттенок особого доверия и уважения.

Если попытаться составить „послужной список“ Насреддина по анекдотам, то он получится поистине удивительным. Оджа выступает в качестве дровосека, кузнеца, охотника, учителя, рыбака, хлебороба, пастуха и еще в десятках других амплуа. Таким образом и в этом отношении всякие данные для биографии Насреддина являются целиком апокрифичными.

Не менее противоречивы сведения, определяющие хронологические рамки жизни оджи. Известный путешественник и исследователь Анатолии Зия бей приурочивает смерть Насреддина к 683 году (1285 год гиджры). Однако на акшекирском дюрбе показан 386 г. (998 г. гиджры). Противоречие явное. Чтобы избежать его, Зия бей предлагает такое толкование: „Не забывайте о характере Насреддина! Если год его смерти хронологически неправдоподобен, так это не что иное, как последнее чудачество оджи: читайте цифры не так как обычно, а с другой стороны, и искомое число будет налицо“. Допустим на минуту, что Насреддин смог на своем надгробии поставить при жизни год смерти. Но ведь и год, указанный Зия беем, не внушает доверия хотя бы потому, что он на целые двести лет отстоит от анкорской битвы и от царствования Баязида и Тамерлана. А как должен чувствовать себя биограф, когда он

вдруг узнает, что оджа Насреддин существовал оказывается уже во время омайядов, т. е. в VIII и IX веке? И в то же время присутствовал при взятии Византии турками в 1453 году? Как должен он почувствовать себя, узнав, что Насреддин продолжает еще жить в XVI веке? Что, наконец, должен испытать биограф, узнав, что этот Мафусаил вероятнее всего совсем никогда не существовал?

Почему же так противоречива эта удивительная биография? Ответ на это очень несложен. Апокрифичность сведений о Насреддине вполне объяснима; ведь они, эти сведения, взяты из единственного источника—из самых анекдотов, героем которых является оджа. А анекдоты, как известно, не особенно то претендуют на пунктуальность временной ориентировки и фактографическую точность, потому что они являются продуктом продолжающегося развиваться творчества.

Поэтому менее всего можно черпать сведения о жизни Насреддина из анекдотов с его участием, хотя в них и часто фигурируют исторические места, события и лица.

III

Реальное бытие Насреддина сомнительно. Существовал или не существовал этот вездесущий оджа—этот вопрос в конце концов не так уж важен. Ведь подлинная реальность Гомера тоже

сомнительна. А ведь Илиада и Одиссея живут вот уже третье тысячелетие и продолжают оставаться несокрушимой познавательной и эстетической силой. Что мы знаем об авторе „Слова о полку Игореве“? Ровным счетом ничего, а в то же время мы не перестаем удивляться мощи и зрелости этого произведения.

Правда „насрединский вопрос“ заключает в себе сложность иного порядка. Сложность эта как раз в том, что Насреддин-человек ожил в Насредине-герое. Литература последних пяти веков была свидетельницей примечательной эволюции образа. Ничем в сущности не выдающийся турецкий юморист Наср-Эд-Дин оджа (если все-таки допустить его реальность) прожил положенные ему 50—60 лет, создал может быть десяток-другой басен и сказок и умер в одном из пятнадцати претендующих на это городов. Умер, чтобы на другой день начать новое литературное существование, существование фольклорного образа с все более и более устанавливающимися чертами, с все более и более расширяющимся географическим полем воздействия. Он начал становиться героем тех сказаний, которые существовали задолго до появления его имени, его имя стало прививаться целой армии маленьких новелл, существовавших уже целые столетия прежде. Эта прививка повлекла за собой приурочивание к имени Насредина новых новелл, возникающих

в пределах аналогичных жанров. Бытующие по всему Востоку народные анекдоты (латифелер) становятся особенно популярны тогда, когда в них фигурирует оджа Насреддин. Целый ряд пословиц и сентенций получает путевку в жизнь только вложенными в уста Насреддина. Имя Насреддина делается нарицательным. *Оджа Насреддин становится конденсатором всех многочисленных произведений восточного юмора.*

Малые формы восточного фольклора, как железные опилки, находят себе магнитный полюс в лице Насреддина. Необычайная жизненность, продуктивность и действенность этого жанра превращают Насреддина оджу в общего любимца, дают ему лавровый венок и литературное бессмертие.

Биографию вот этого, литературного Насреддина следует восстановить.

IV

Несомненно, что возникновение части сюжетов, прикрепленных к имени оджи Насреддина, нужно отнести к древнейшим временам. В частности, целый ряд сюжетов коренится в той ранней демократической устной литературе Индии, из которой к первым столетиям нашей эры выросло знаменитое пятикнижие *Панчатантры*, а позднее

сформировалось и распространилось по всему Востоку многочисленное количество редакций, переделок и заимствований (Хитопадеша, Калила и Димна, басни Пильпая, рассказы попугая и др.).

Основной повествовательной линией этих сборников являются либо проказы антропоморфизированных животных, либо, большей частью, происхождения ловких и изворотливых купцов и ремесленников. Во многих случаях эти происхождения поразительно напоминают действия Насреддина. Вот для примера содержание 21-го вставного эпизода из первой Панчатантры.

„Отправившись странствовать, купец Лакшман оставил на сохранение свои весы другому купцу Нандуку. Попутешествовав, он возвращается домой и идет взять весы обратно. Нандук сообщает, что они съедены мышами. Нечего делать— Лакшман принимает извещение за истину. Спустя некоторое время, пожелав сделать у реки омовение, Лакшман просит Нандука, чтобы тот позволил своему сыну сопровождать его. Нандук соглашается и отпускает сына. С купанья Лакшман возвращается один (мальчика он прячет над рекой в пещере). Происходит такой разговор:

Н. — А где же мой сын?

Л. — Увы, его унес сокол.

Н. — О, лгун, где же это видано, чтобы сокол мог унести мальчика?

Л. — Ох, правдивый! Если мыши могут съесть из тяжелого железа весы, то почему же сокол не может унести мальчика?

Уже в этой сказке, в общем достаточно отдаленной от насрединовского анекдота, диалог купцов почти идентичен рассуждениям Насредина о рождении миски и смерти котла (см. 20). Более близко подходит к насрединовскому анекдоту 5-й эпизод из 5-й Панчатантры, где рассказывается о глупцах, которые „изучив премудрость“, приступают к любому действию не иначе, как буквально истолковывая попадающиеся в книгах изречения¹. Происходят несусветные глупости, „поступки не попад“, столь известные русскому читателю по сказке об Иване-дураке, который на похоронах говорил: „носить вам не переносить“, пел за упокой на свадьбе и плясал на пожаре. В насрединовском цикле очень остроумный вариант этой истории мы находим в анекдоте № 108.

В Панчатантре же впервые появляется очень распространенный анекдот о разбитом горшке (Панч. V, 9). Содержание этого анекдота известно

¹ Например, когда один попадает в реку и начинает тонуть, другой вычитывает в книге изречение: „Мудрый, погибель свою ожидая, отдает половину и предпочтёт обладать половиной, чем все потерять“. Следуя этой сентенции, он хватает тонущего за волосы и отрезывает голову.

русскому читателю по сказке о мужике, который подстерегая зайца, размышлял о будущих прибылях¹.

Интернациональный характер подобных сюжетов, исходящих из Панчатантры, подтверждается изучением фольклоров Западной Европы и фольклоров народов СССР.

Крымская устная поэзия ассимилировала, таким образом, в насрединском цикле некоторые наиболее отстоявшиеся и проверенные временем и пространством крупницы индийской культуры.

Сказочное творчество Востока оказало, как известно, огромную роль на развитие некоторых жанров европейской литературы. В насрединском цикле мы можем найти целый ряд таких сюжетов, которые издавна уже усвоены фольклором романских стран. Стихотворные новеллы, порожденные в крестьянских и городских кругах Франции XIII—XIV века, так называемые фавль, являются реминисценциями, а иногда и переделками тех занесенных с Востока сказок, которые через другое русло проникали и в фольклор Крыма (и Турции). Анекдот о том, как оджа излечил ленивых оружейников султана

¹ Как известно Лафонтен оформил этот сюжет в басню „La latière et le pot de lait“. Подробнее о нем см. в примечаниях,

(№ 181) передает (в ином, конечно, воплощении) тот самый сюжет, который лег в основу одного из самых популярных фавль о крестьянине-лекаре („Le vilain Mire“), оформленном в свое время Мольером в целую комедию. Несколько приключений Насреддина могут быть сближены с похождениями Рейнеке-лиса (также нашедшего себе впоследствии новую форму в произведении Гете).

Неожиданные аналогии мы можем найти и в литературе Италии Возрождения, которая особенно сильно культивировала жанр демократической городской новеллы (Боккаччо, Мазуччо, Фиренцуола, Саккети, Поджьо и др.). Итальянские народные новеллы, превратившиеся к XV—XVI в.в. в мощное оружие против средневекового мракобесия и церковщины, во многих отношениях могут быть сближены с крымской Насреддинадой. В частности, несколько анекдотов о Насреддине имеют общие сюжеты с фацетиями крупнейшего гуманиста и просветителя Поджьо Браччолини (1380—1459). Фацетии XLVII, XLVIII, LI, CLII, CLXV, CXCVII, в меньшей степени LXXV, CCXII и CLXL почти целиком совпадают с анекдотами 11, 170, 144, 181, 9, 37, 74, 16 и 78 нашего сборника, а анекдот 35 заставляет вспомнить соответствующую новеллу Боккаччо.

Было бы наивностью усматривать во всех подобных случаях непосредственное заимствование. Если даже не иметь в виду простых совпадений,

наличие общих сюжетов и мотивов в фольклоре Крыма и, скажем, в литературе Италии, в значительной части может и вовсе не означать взаимосвязи. В подавляющем большинстве случаев эти параллели—результат самостоятельных, независящих друг от друга насыщений от одного общего источника, хотя бы от того же индийского фольклора. Однако нельзя полностью игнорировать и взаимосвязь. В отдельных случаях некоторые мотивы крымских анекдотов могли быть занесены и из Средиземноморья, либо непосредственно в связи с торговыми сношениями, либо через посредство Турции. Наряду с этим мог быть и обратный процесс экспорта части мотивов из Крыма и Турции в Европу.

Может быть более значительное место следует отвести тем, более близким и более вероятным влияниям, которые, несомненно, оказывало на фольклор крымских татар сказочное творчество русского и украинского народов. Что эти влияния имели место, можно судить по обратному результату, а именно по тому, что в сокровищнице русской и украинской сказки мы имеем определенное количество татарских и турецких сюжетов. Это довольно убедительно доказано П. Кузьмичевским в его обстоятельной работе „Турецкие анекдоты в украинской народной словесности“¹.

¹ „Киевская старина“. 1886 г., февраль, март.

Реализация этой фольклорной взаимосвязи шла отнюдь, конечно, не по линии дипломатических сношений между Россией и Турцией, сношений столь многочисленных в XVI—XVII в.в. Источник этой взаимосвязи следует искать прежде всего в том обмене пленников и невольников, которые пригонялись с набегов как русских на Крым, так и крымцев на южно-русскую низменность.

Как в том, так и в другом случае пленники могли заносить новые культурные элементы, легко прививавшиеся на новой почве. Нам представляется вполне вероятным занесение в Крым подобным путем таких анекдотов как № № 7, 9, 108 и др.

Следуя по соблазнительному пути подыскивания аналогий насреддиновским анекдотам, можно было бы подобрать целый ряд любопытнейших примеров в самых разнообразных фольклорах и литературах. Отсылая читателя к нашим комментариям (которые отнюдь не претендуют ни на какую полноту и, конечно, не имеют назначения универсального справочника), мы ограничимся здесь лишь одним примером. Этот пример может показать, сколь богатое, поистине международное наследие стоит за маленькими анекдотцами Насреддина оджи.

Насреддин рубил ветку, на которой сидел. Прохожий чабан заметил одже, что он свалится на землю. Насреддин не послушался и через

минуту действительно упал вниз. Изумленный тем, что предсказание пастуха сбылось, Насреддин счел его прорицателем и догнав стал упрашивать, чтобы тот предсказал ему, когда он, оджа, умрет. Чтобы отвязаться, чабан ответил, что смерть оджи наступит после троекратного крика осла. Через некоторое время осел кричит три раза и Насреддин считает себя мертвым. Спустя три дня односельчане находят его в лесу неподвижным и несут хоронить. Когда подошли к реке, остановились—не знают брода. Замешательство. Насреддин не выдерживает, поднимается из гроба и говорит: „Когда я был жив, я всегда переходил вон в том месте“ (№ 16).

Вот крымский анекдот. Соответствия ему мы находим: *В Индии*, где та же история происходит с браминским монахом Дандьякой, который рубит дерево. Прохожие ему кричат: „Эй, монах, первейший из дураков, не руби той ветки, на которой сидишь...“ и т. д. почти также, как в татарском анекдоте¹. *В Италии*—менее выраженный сюжет с человеком, уверовавшим в свою смерть (см. ССХІІ фацетию Поджьо). *В Турции*—почти полная аналогия крымскому анекдоту с некоторыми дополнительными деталями. *На Украине*—тот же эпизод с цыганом, рубящим ветку

¹ „Двадцать три истории о наших монахах“ (см. об этом „Киевская старина“, 1886 г. февраль).

(конец анекдота видоизменен)¹. В России — особая сказка, почти повторяющая украинскую², у черемисов, сходная с крымской и украинской³. Кроме того мы имеем указание Гастона Пари на наличие подобной сказки в северной Франции, П. Кузьмичевский называет⁴ также целый ряд романских вариантов: *сицилийский, тосканский, бискайский, гасконский*, а также *транильванский, литовский и сербский*⁵. Таким образом получается целая изобата распространения одного только анекдота на фольклорной карте мира.

Еще больше сходных сюжетов (других анекдотов) мы обнаруживаем в фольклорах братских республик Советского союза. Они есть в армянском фольклоре⁶, кабардинском⁷, грузинском⁸,

¹ „Труды экспедиции в югозападный край“, т. II, стр. 582—583.

² Афанасьев. Русские народные сказки, 2 изд. Т. III, стр. 472—3.

³ Колосов. Заметка о языке и народной словесности в области северно-великорусских наречий. СПб 1877, стр. 278—279.

⁴ Op. cit., стр. 230—232.

⁵ См. также наш комментарий в конце книги.

См. например, сказку „Мудрый ткач“ (в сб. „Армянские сказки“, изд. „Academia“, 1935).

М. Талпа. Устное творчество кабардинцев. „Литературный критик“. 1935 г., № 12, стр. 189.

⁸ Для дореволюционного фольклора см. Бебур „Грузинские народные сказки“. СПб. 1884.

азербайджанском¹ и, как сказано выше, — туркменском, узбекском и таджикском². В некоторых, повторяем, с именем Насреддина, в других — без него.

Таким образом насреддиновские анекдоты являются неисчерпаемым материалом для сравнительной фольклористики.

V

Пути и способы распространения сказок — вопрос, еще ждущий своего решения. Буржуазные теории, пытавшиеся разрешить этот вопрос, сменялись одна другою и поочереды терпели крах независимо от своих различий. Так оказалась несостоятельной мифологическая школа, пытавшаяся объяснить бытование аналогичных сюжетов в разных странах развитием праарийских олицетворений различных явлений природы. (А. Кун, М. Мюллер, А. А. Потемня). Так опровергнуты были теории Ланга (1873) и Бадье (1893) о „полигенезисе сюжетов“, объяснявшие это бытование случайными совпадениями, обусловленными какими-то общими законами человеческой психики.

¹ Для дореволюционного фольклора см. „Сборник материалов по изучению местности и плем. Кавказа“, 1899, вып. 26.

² См. библиографию в конце статьи.

Наконец, сравнительная теория Бенфея (1859)¹ наиболее оснащенная научно зарегистрированными фактами, разработанная и продолженная крупнейшим русским ученым Александром Веселовским, вынуждена в лице ее позднейших приверженцев во многих частях сдавать прежние позиции².

Сила сравнительного метода Бенфея—Веселовского—в той сумме зарегистрированных, изученных и классифицированных фактов, которые явились плодом длительной работы целой плеяды филологов и самого Веселовского прежде всего.

Слабость сравнительного метода—в тех выводах, которые делались его апологетами, выводах, в полной мере несущих на себе отпечаток классовой ограниченности буржуазной идеологии. Игнорирование генетических законов, устремление всей силы анализа на формальные категории привело этот метод к его логическому завершению—к нынешней буржуазной школе финских филологов, приписывающей сказке „странствование“, как „род имманентной особенности“.

¹ Выраженная им впервые в знаменитом предисловии к немецкому изданию Панчатантры.

² Критику новейших буржуазных теорий с частичным указанием библиографии см. хотя бы в ст. А. И. Никифорова „Теория сказки Альберта Вессельского.“ („Сов. этнография“, 1934, № 3).

Все богатство фольклорных произведений сводится этой школой к некоей константе — заранее данной группе сюжетов, вся жизнь которых выражается в непрерывных миграциях. Отсюда подбор аналогий, изучение основных трасс передвижений и полное игнорирование социальных почв и подпочв, на которых вырастают и на которых прививаются фольклорные произведения.

Кто-то остроумно заметил, что, применяя сравнительный метод к явлениям письменной литературы, неизбежно нужно притти к убийственному выводу: во всей трехтысячелетней разнациональной литературе оказывается есть только десятков или два оригинальных произведений. Все остальное лишь варианты этих двух-трех десятков сюжетов.

Таким образом окажется, что „Евгений Онегин“ — не что иное, как жалкое подражание тысячу раз перепетому произведению на сюжет о неразделенной любви. В самом деле, каков сюжет Онегина? Он может быть выражен, говоря упрощенно, в двух фразах. Она любит его, а он ее не любит. Потом он любит ее, а она уже не может любить его. Ну чем не бродячий сюжет? Ну что же после этого нового в „Евгении Онегине“? Продолжая сравнения из области письменной литературы, можно было бы напомнить, что согласно этой теории „Ифигения“ Эврипида, Расина и Гете суть одно и то же, а Байрону, Мериме и

Пушкину не следовало бы браться за Дон-Жуана, чтобы не делать того, что уже сделано Мольером и Тирсо де Молина.

Таковы (пародийно) выводы, естественные для фольклористов „финского“ типа.

Советская фольклористика, созидающаяся на новых принципиальных основах, отнюдь не отбрасывает вопрос о странствованиях сказочных сюжетов¹. Она лишь переносит центр тяжести на иную сферу сюжетной „биографии“. Фольклор — часть литературы и он подвержен тем же законам, которые лежат в основе явлений литературных. Стало быть, фольклор требует применения к себе тех же методов, которые применяются и к произведениям письменной литературы. Миграция фольклорных элементов (сюжетов или мотивов) есть лишь более выраженная, но отнюдь не специфическая черта этой области общественного творчества. И изучать эти миграции нужно *в связи с изучением среды, порождающей то или иное произведение*. Обмен материальных ценностей одновременно содействует и обмену фольклорных ценностей. Вслед за великими передвижениями кочевых организаций, вслед за караванами и торговыми флотилиями, на горбах верблюдов, на бортах каравелл и фрегатов, вместе с заморскими товарами двигались, обмениваясь между странами,

¹Что пытались было делать под воздействием школы В. Ф. Переверзева некоторые фольклористы-механисты.

сказки, порождаемые разными народами. На историческом перепутье Крыма, на скрещении караванных путей с морской торговой магистралью, такой обмен мог реализоваться особенно интенсивно. Богатый сказочный экспорт мог в еще большей мере компенсироваться сказочным же импортом. Но при этом обмене новая сказка прививалась на новой родине только в том случае, если она соответствовала по духу, по содержанию, по целеустремленности запросам народа-восприемника. И прививаясь, она обязательно облекалась „колоритом“, свойственным этой стране, впитывая этот „колорит“ не только стилистически, но и самым своим содержанием, изменяясь и развиваясь дальше, соответственно потребностям ее восприемников. Наиболее живучие сказки расползались по всему свету. „Разноцветные шелковые нити их простирались по всей земле, покрывая ее словесным ковром изумительной красоты“ (Горький). Наиболее выносливые сюжеты становились международными. Произведение одной страны, становясь достоянием других стран, как бы теряло свои прежние *национальные* рамки и превращалось в произведение *интернациональное*. Но в то же время, для каждой новой страны оно приобретало новые *национальные* черты, свойственные оригинальным творениям данного народа, и становилось самостоятельным его памятником.

Такова диалектика „странствующей“ сказки. Она может быть проиллюстрирована на примере все того же классического сюжета о „шкуре не убитого медведя“. Мы осмеливаемся утомить читателя, приведя этот международный сюжет в трех его национальных воплощениях:

1. Индийская сказка.

В некоем селении брахман жил по имени Свабха-вак-рипана (что значит „скупой по природе“). Собранный милостыней—ячменной крупой, оставшейся от еды,—его горшок был наполнен. И тот горшок на гвоздь он повесил и постоянно, не сводя глаз, на него смотрел.

И вот ночью, однажды, он стал размышлять: „Ячменной крупой доверху полон теперь этот горшок. Если голод случится, рупий сто мне горшок принесет. Тогда на это пару коз я куплю. Потом, благодаря шестимесячному приплоду,—стадо коз у меня будет. Потом ценою коз коров куплю. Когда коровы отелятся—телят продам. Потом коров—ценою буйволиц. Ценой буйволиц—кобылиц. От приплода кобылиц много коней будет. От продажи их много золота будет. Ценою золота чертог воздвигнется.

Потом некий брахман, в мой дом придя, с готовым приданым дочь мне отдаст. От нее сын у меня родится. Его я Самашярма назову.

Когда он подрастет и в возрасте, доступном качанью на коленях, будет, я книгу куплю и, позади конюшни сев, читать ее стану. А Самашярма, с колен матери меня увидит и полный желанья на коленях качаться, к копытам близко от меня стоящих лошадей подойдет. Тогда я жене разгневан-

ный скажу: „Возьми же, возьми дитя!“ А она, занятая домашней работой, мою речь не услышит, тогда я вскочив ее ногой ударю

Тут он, увлекшись размышлением, нанес ногой удар так, что горшок разбился. От бывшей в горшке ячменной крупы он белым стал.

Поэтому я говорю:

В будущем замысли кто невозможные вздумает строить, будет тот белым лежать, как Самашармы отец.

Панчатантра V, 9.

2. Русская сказка.

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидел под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то. Возьму этого зайца убью плетью да продам за четыре алтына. На те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков, поросеночки вырастут и принесут еще по двенадцати. Я всех приколю, амбар мяса накоплю, мясо продам, а на денежки дом заведу, да сам оженюсь, жена-то родит мне двух сыночек: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: „Эй вы, ребята, — крикну, — Васька да Ванька! Шибко людей на работу не туганьте, видно сами бедно не живали“. Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал.

(Записано в Пермской губ. в Осинском уезде).

Афанасьев. 1913, ч. V, стр. 228.

3. Крымско-татарский анекдот о Насреддине.

Насреддину одже подарили однажды десяток яиц. Не зная от радости, что с ними делать, оджа положил их в шапку и, нахлобучив ее на голову, устремился домой.

По дороге он стал мечтать.

— Эти десять яиц я положу под наседку и из них вылупятся десять цыплят. Когда цыплята вырастут и превратятся в кур, они снесут в год по сто яиц. Десять раз по сто—это составит тысячу яиц. Из тысячи яиц получится тысяча цыплят, которые потом станут курами. Тысяча кур снесет в свою очередь по сто яиц. Тысяча по сто—это будет сто тысяч яиц. Если даже я продам девяносто девять тысяч яиц, то и тогда у меня в хозяйстве останется тысяча яиц, или, что все равно, тысяча кур. И если эта тысяча кур снесет по сто яиц, то на продажу у меня останется, тыфу ты, шайтан, сколько же у меня останется на продажу? Сколько у меня осталось до этого?

И сбившись в счете, Насреддин принялся считать сначала. Он до того увлекся, что снова потерял счет, снова начал сначала и снова сбился. Наконец он совсем запутался. Выведенный из терпения он рассердился и хлопнул себя по башке:

— Ну думай же, думай же!

Такого удара яйца не выдержали. Шапка слетела с головы, яйца высыпались на землю и, стукнувшись о камни, разбились вдребезги. Вместе с ними разбились вдребезги и мечты Насреддина.

(Записано со слов Мустафы Топала, дер. Гаспра Крым. АССР 1935 г.).

Этот пример очень показателен. Он наглядно доказывает, как одна и та же сюжетная схема наполняется плотью и кровью в зависимости от всех особенностей „почвы“, на которую она попала. По этим трем „вариантам“ можно судить о том, что особенности эти влияют не только на внешнюю форму сказки, но также и на внутреннюю ее жизнь, не только придают ей *couleur*

local (местный колорит), но и в корне меняют ее содержание, делая таким образом в каждом случае и художественным документом, по которому можно судить о специфических чертах быта и экономики. Можно с полной уверенностью сказать, что в этом примере мы имеем место не с одной сказкой, в различных ее видах, но с тремя *разными, самостоятельными* сказками.

Такова судьба и остальных заимствованных сюжетов крымской Насреддиниады. Будучи элементом мировой многонациональной культуры, крымские анекдоты об одже Насреддине являются прежде всего самостоятельным национальным памятником татарского народа. И если они могут служить богатейшим материалом для филологии, то не менее богатым материалом служат они для истории татарского трудового народа, для социологии крымской дореволюционной деревни.

VII

Нелишне поэтому напомнить о некоторых особенностях этой истории.

В начале XIII века на территории Крымского полуострова появляются части Золотой Орды, которые расселяются сначала в степной части Крыма, а затем распространяются и по всему полуострову. Переход кочевых организаций к оседлому земледелию и скотоводству повлек за

собой порабощение татарского народа политической организацией ханства.

Классовая дифференциация и усиление государства с особенной силой проявились во время недлительного периода независимости крымского юрта от Золотой Орды (конец XIV—начало XV в.) с тем, чтобы при переходе ханства под протекторат Турции (1457 г.) окончательно укрепиться и принять незыблемые формы дальнейшего развития.

Как это бывает всегда, зависимость Крыма от Турции меньше всего отразилась на эксплуататорской верхушке и более всего на трудовом крестьянстве и ремесленном населении. К существующим элементам эксплуатации прибавился еще один—подчиненность стамбульскому султану. В то время, когда отстраивалась и обогащалась резиденция Гиреев—Бахчисарай с утопающим в роскоши ханским дворцом, в это самое время трудовой народ обременялся все новыми налогами и податями.

Одним из самых могущественных факторов воздействия на трудовое крестьянство Крыма явилась „принятая“ татарами мусульманская религия — ислам — верный помощник ханства. Татарские клерикалы оперировали кораном не менее ловко, чем ханские чиновники ярлыками, а султанская полиция плетью. Опираясь на аграрную базу, имея в своем распоряжении огромные

вакуфные угодья и личные латифундии, татарские муллы огромными дозами внедряли в крестьянство идеологию корана, искусно выбирая такие его законы, которые предписывали полную покорность существующему порядку. Роль корана и его бытового приложения—шариата в условиях крымского ханства была ничуть не меньшей, чем роль католической церкви и папства в определенные периоды западного феодализма. В руках мусульманского духовенства была монополия главных видов культурного оружия—школа, письменность, а впоследствии и печать. Тысячами нитей опутывая широкие массы, вторгаясь во все области общественной и частной жизни, мусульманская религия лежала тягчайшим ярмом на шее татарского народа. И чем больше укреплялось государство Гиреев, тем сильнее давило это ярмо. Оно не уменьшилось и с переходом Крыма в руки Российской империи¹.

¹ Утверждение буржуазных национал-историков миллифирки о том, что Крым до самого его завоевания Россией представлял собою сплошной земной рай, объясняется лишь классовой целеустремленностью этих „историков“, сознательно игнорировавших документальный материал. Еще не написана подлинная история крымского народа. Начавшиеся в крымской АССР работы по ее подготовке внесут решительный корректив в предыдущие исследования и на основе изучения документов покажут, что дооктябрьская история Крыма полна жесточайших трагедий народа, закабаленного не только иноземной, но и своей национально господствующей классовой организацией.

Самим развитием своего хозяйства вынужденная пробиваться к южным морям, Российская империя, затратив доброе столетие на военные операции с Крымом и Турцией, в конце XVIII века захватывает полуостров и подчиняет себе все его татарское население. „Протекторат“ Турции сменяется оккупацией (с 1774 г.), а затем и окончательным господством (с 1783 г.) Российской империи над трудовыми слоями Крыма.

Новые хозяева очень скоро показывают себя. Уже во время прославленного путешествия Екатерины II (1787 г.) лучшие земли степного и горного Крыма переходят в руки российских крепостников. Потемкины, Мордвиновы, Ревелиоти, Мальцовы, Воронцовы, наконец, Романовы становятся не только хозяевами „благоприобретенной“ земли, но и закабалителями народа, на ней трудившегося. К татарским помещикам-мурзакам прибавились русские помещики. Гнет усилился, и этого гнета татарское крестьянство не выдержало. В результате царской политики вытеснения оно вынуждено было эмигрировать за море, к малогостеприимным берегам Порты. О массовых размерах эмиграции говорят цифры. По данным П. Сумарокова за десять лет после завоевания „полуденной Тавриды“ из Крыма в Турцию выехало свыше 300 000 человек, т. е. 75% всего населения полуострова. Имеются сведения, что свыше 60 000 человек не увидело берегов Турции,

погибнув от голода, холода, заразных болезней, кораблекрушений и злоупотреблений чиновников.

Это была трагедия целого народа. Русские крепостники, создавшие эту трагедию, извлекли из нее определенные выгоды. Новая волна колонизаторов захватывает остающиеся еще земли и окончательно утверждает в Крыму господство российского государства.

О том, каково было это господство, можно судить по тому, что в 60-х годах XIX века новая волна татарской эмиграции уносит еще более ста тысяч человек коренного населения.

Подгоняемые русской полицией, крестьяне покидали свои очаги и устремлялись в чужие края. очевидцы говорят, что татары плакали, целовали землю своей родины, завязывали в узелки горсточку земли, но все-таки ехали, ибо из двух зол всегда выбирается меньшее.

О том, что одно лишь немногим стоило другого, как оказалось впоследствии, говорит нам сам татарский фольклор, донесший до наших дней потрясающие песни о бедствиях эмигрантов.

Характерна роль татарской эксплуататорской верхушки во время русской колонизации. Мурзачество, духовенство, чиновничество благополучно осталось на своих местах и никуда не поехало. Татарские феодалы—Ширинские, Мансуровы и др.—стали опорой феодалов русских в

дальнейшем угнетении оставшихся трудящихся. В частности мусульманское духовенство начало гостеприимно использовать коран и для новых хозяев. Разоренный, обнищавший народ во имя аллаха призывался работать в поте лица и на помещичьих виноградниках, и на вакуфных полях, и на участках мурзаков, щедро получавших от новых хозяев дворянские титулы.

Дооктябрьская история татарского трудового народа в Крыму сохранилась более всего в памятниках с „отрицательным знаком“. Она—в сожженных деревнях, разрушенных постройках, разбитых фонтанах, красноречивых тесных кладбищах. Эти памятники—свидетельство как ханского угнетения, так и царской национальной политики — политики порабощения и уничтожения завоеванных народов.

Но история татарского народа не только в мертвых развалинах и остывших письменах. История эта живет в устах местного коренного населения. Крымский фольклор—сказки, песни, сказания, анекдоты — хранят в себе следы этой истории.

А. М. Горький сказал, что „не зная народной поэзии, мы не можем знать подлинной истории трудового народа“. Наряду с другими фольклорными образами—Чора-Батыром, Эдиге, Ашик Керибом, Алимом и др.—образ оджи Насреддина является одним из своеобразнейших документов,

воссоздающих в парадоксальных и неожиданных формах богатую и сложную историю татарских народных масс.

VIII

Как литературный и фольклорный образ, Насреддин воспринят крымской устной поэзией еще в „дорусский период“ истории Крыма. Все внешние исторические аксессуары анекдотов соответствуют почти всегда мусульманско-феодальному миру. Общественное и политическое окружение Насреддина—это Крым или Турция эпохи ханства или султаната, в их столичном или провинциальном выражении. Второстепенные герои, безразличные или отрицательные, так же, как и центральный герой—большей частью члены того же мусульманского, феодального общества. От Тимура до деревенского муллы—все представители власти являются чаще всего представителями именно „дорусского“ Крыма. За редкими исключениями внешняя обстановка „русского периода“ почти совсем не отразилась в анекдотах.

А между тем исключительная популярность оджи Насреддина ничуть не уменьшилась и в этот последний период дооктябрьской истории Крыма. Более того, в этот период она приобрела особенно устойчивый характер.

Ключ к пониманию этой необычайной популярности Насреддина нужно искать в самой специ-

фике анекдота, в самом образе его основного героя. Что же представляет собой этот образ и каковы его отличительные свойства?

Уже первое знакомство с Насреддином оджой позволяет судить о том, что фольклорный образ этот целиком соткан из противоречий. Противоречия эти, как правило, и движут интригу анекдота.

То до предела ловкий и прозорливый, то беспредельно неуклюжий и глуповатый, то сверкающий молниеносно-остроумными ответами, то поражающий чудовищной наивностью и простодушием—Насреддин, как канатный плясун постоянно на грани—между мудростью и глупостью, между скепсисом и легковерием, между язвительным сарказмом и невинным добродушием. Это—комический герой, в самом абсолютном и первоначальном смысле этого слова, это сплошной парадокс в самом решительном значении термина. Отсюда и анекдоты Насреддиниады—причудливая и невероятная энциклопедия самых неожиданных *qui pro quo*, самых острых ситуаций, самых каламбурных сентенций и афоризмов. Не всегда скажешь сразу, в какой роли выступает оджа и чем похождения его закончатся. Не везде узнаешь с первой фразы—притворяется ли Насреддин или выступает в своем „натуральном“ виде. Многогранность и противоречивость характера оджи представляется нам главным внешним элементом этого

образа. В этом смысле Насреддин—диаметрально противоположен, например, маскам *Commedia dell'arte*, с их заранее данными неподвижными характерами.

Однако противоречивость образа оджи не нарушает его целостности. На самом деле это— очень цельный и монолитный образ, лишенный какого бы то ни было схематизма. И эта цельность теснейшим образом связана с основной темой анекдотов.

Кардинальная, вынесенная за скобки тема их— жизнь маленького бедного индивидуума, брошенного самою судьбою в общество, где человек человеку волк, где тысячи опасностей подстерегают на каждом шагу, где все виды государственной машины—хан, мулла, кадий и губернатор, все- сильный бей и просто богатый сосед в любую минуту могут смять, раздавить и уничтожить, если не призовешь к себе на помощь все возможные формы защиты, если не разработаешь в себе все виды иммунитета и противодействия. И много же нужно изворотливости индивидууму, чтобы выныривать невредимым из смертельных приемов этой ожесточенной повседневной борьбы. При этом выныривать, нанося попутно внушительные удары.

В наиболее острых социально анекдотах оджа выступает носителем того чрезвычайного лукавства, которое в целях достижения необходимого

эффекта использует любые методы, лишь бы они оправдывали себя. Необходимость заставляет иногда Насреддина принимать облик доверчивого простофили и только благодаря этому получать четверть дозы побоев там, где другой бы получил полную дозу.

Своеобразное „применение к обстановке“ вынуждает оджу паясничать перед Тамерланом, но таким образом, что грозного властителя от этого паясничания бросает то в жар, то в холод.

Насреддин прикидывается дурачком и это помогает ему так насолить мулле, что тому и взять с него нечего.

Приняв на себя защитную окраску „невменяемого простака“, Насреддин загибает такие штучки по адресу корана и его блюстителей, которые бы не обошлись ему так дешево, если б он эту окраску не принял.

В связи с изменением ситуации Насреддин умело меняет тактику и почти всегда достигает желаемого. Прочтите, например, анекдот о двух зайцах или анекдот о 999 рублях.

В этом „стратегическом искусстве и тактической гибкости“ заключается глубокая художественная правда. И это необходимо подчеркнуть в связи с тем, что говорилось выше об истории татарского народа. Вековая закабаленность и бесправность нашла себе, между прочим, осязаемый протест как раз в лице лукавого Насреддина—

умелого и неуязвимого мстителя за унижение и чинет. Наряду с открытыми выступлениями против феодального порядка трудовой народ дореволюционного Крыма в пределах своего идеологического оружия—фольклора воспользовался образом оджи Насреддина, создал из него своего ходатая и карателя и меткой сатирой направил против своих угнетателей.

Диапазон действий оджи действительно очень велик. Оджа обрушивается с язвительнейшими намеками на самого верховного феодала (№№ 213—42, 182, 183, 6), он по-своему борется против крупного и мелкого чиновничества (№№ 3, 11, 29, 76, 124, 131), он тонко иронизирует над представителями земельной олигархии (№№ 23, 54, 82), он ни минуты не оставляет в покое муллу и его приспешников (№№ 1, 7, 8, 10, 17, 18, 53, 129, 132), он, наконец, одурачивает самого аллаха (№№ 9, 24).

Особенно важно отметить как раз эту сторону Насреддинады—ее антиклерикальность и антирелигиозность. В целом ряде анекдотов Насреддин выступает убежденным безбожником. Он прекрасно знает повадки мусульманского духовенства и умеет их обернуть против религии вообще (см. особенно анекдот о тонущем мулле, № 4). Для него коран—оселок для оттачивания острouмия, и, внешне выполняя его ритуалы, оджа уничтожающе издевается над всеми его законами.

Укажем хотя бы на непременный элемент молитвы—абдест (омовение). Насреддин демонстрирует целую гамму разнообразных способов осмеивания этого священного процесса (№№ 24, 25 98, 152). Или классическое толкование о пользе корана (№ 2). Вот анекдот, которому поистине место в любом антирелигиозном сборнике.

В анекдотах насреддиновского цикла превосходно отразился стихийный атеизм трудовых слоев татарского крестьянства. Массовое распространение анекдотов, обусловленное их глубокой социальной заостренностью, делало свое дело—Насреддин в очень значительной степени подрывал гнетущий авторитет самого корана.

Актуальность анекдотов о Насреддине не уменьшилась и после Октября. Разъедающий сарказм Насреддина играл свою роль в деле искоренения остатков религиозного мировоззрения, тормозившего коренную перестройку экономики крымской деревни. Приучая молодое поколение скептически относиться к действовавшему еще в силу инерции корану, насреддиновский цикл во многих случаях заменял печатную антирелигиозную пропаганду. Беспощадно компрометируя фигуру муллы, насреддиновские анекдоты очень убедительно и всегда понятно вскрывали эксплуататорскую и одурманивающую сущность мусульманства.

Это не должно казаться преувеличенным хотя

бы уже потому, что специальной антирелигиозной литературы на татарском языке в Крыму почти не было, а газеты не всегда доходили до той глубокой периферии, где свободно мог оперировать Насреддин оджа. В таких отдаленных от краевого центра деревнях, как Озенбаш, Ускуп, Туак и т. д., анекдоты о веселом одже звучали не менее сильно, чем, скажем, сказки о попах-загребущих руках в русских деревнях.

Итак, резюмируя сказанное, мы можем наконец ответить на вопрос о значении Насреддина и объяснить причины его чрезвычайной популярности.

Это главное из главных значений состоит в том, что Насреддин оджа является поэтическим воплощением неугасимого протеста трудового татарского народа против угнетателей всяческих категорий. Семя, упавшее на плодоносную почву, дало могучие ростки, из него выросло обширное дерево Насреддиниады, уходящее корнями в самую глубь почвы и питающееся очень здоровыми социальными соками.

В этой классовой направленности, в этой функциональной силе и кроется ключ к пониманию необычайной популярности анекдотов с оджой Насреддином.

IX

Было бы однако ничем не оправданным вульгаризаторством утверждать, что все без исклю-

чения анекдоты об одже обладают подобной классовой направленностью.

Целый ряд анекдотов, бóльшая их часть, внешне стоит безусловно вне поля непосредственных классовых столкновений.

Это относится прежде всего к тому разряду анекдотов, которые представляют собой либо развернутые пословицы, либо каламбурные сентенции. Установка их очень проста—они рассчитаны на добродушный смех восхищенного слушателя. В таких анекдотах оджа и выступает чаще всего глуповатым тетехой или хитроватым шолоховским дедом Шукарем.

Однажды у Насреддина спросили:

— Кто старше ты или твоя сестра?

Насреддин ответил:

— В прошлом году сестра была на год старше. В этом году я ее догнал. Стало быть теперь мы ровесники.

Таких анекдотов много. Они очень типичны для восточного остроумия. Казалось бы к ним не приложимы критерии социальной значимости. А между тем на подобных „аполитических“ анекдотах лучше всего можно проследить еще одну замечательную черту татарского фольклора и устной народной поэзии вообще.

Эта черта—неугасимый оптимизм их создателей. В анекдотах о Насреддине отразились лучшие качества всякого народа—жизнерадостность,

стойкость и оптимизм—те качества, которые не удалось уничтожить в татарском народе ни турецкому и ханскому гнету, ни русской кабале, ни полицейским чиновникам, ни мусульманским муллам. А. М. Горький, указывая на эту особенность устного творчества, говорил:

Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно—рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь—бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенности в его победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора—дурак, презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда—победитель всех житейских невзгод¹.

Даже беглый просмотр предлагаемого сборника позволяет подтвердить это высказывание Горького. Никогда ни одно приключение, заканчивающееся плачевно для оджи, не вызывает в нем реакции уныния. В любом самом безнадежном и унылом конце Насреддин умеет найти утешающие стороны.

Однажды он решил взобраться на рога своего быка. Долго ему не удавалось это сделать. Наконец случай подворачивается, и Насреддин прыгает на голову животного. Свирепый бык встряхивает головой, оджа летит на несколько саженей

¹ Речь на открытии I Всесоюзного съезда советских писателей 17/VIII 1934.

и пребольно ударяется о камни. Когда он очнулся, первые слова его были:

— Ну, слава богу! хоть и здорова я ушибся, но все-таки достиг своей цели (№ 107).

То же самое происходит с Насреддином, когда он вытаскивает из колодца ведро. Разбившись о камни, он доволен тем, что хотя и помучился, но луну на прежнее место водворил (№ 105.)

Потеряв осла, Насреддин благодарит судьбу за то, что он не был на нем, когда тот терялся (№ 179). Избитый по повелению губернатора инжиром, он радуется, что вместо инжира не была твердая как камень зйва (№ 113). Сброшенный ослом на землю, он счастлив, что ему не пришлось слезать самому (№ 104).

Примеры можно было бы продолжить до бесконечности.

Композиционно такие анекдоты построены по следующему принципу: Насреддин чего-нибудь добивается, в результате этого попадает в беду или чего-нибудь лишается, тем не менее находит в этом выгодную сторону.

Особенно часто такое настроение в тех анекдотах, где конфликт происходит между Насреддином и его женой, или между Насреддином и его ослом, или между Насреддином и его соседями.

Здесь мы обнаруживаем любопытный факт: безымянные авторы анекдотов (т. е. сам трудовой народ) охотно допускали одурачивание Насреддина его близкими. Оджу дурачат жена, дети, соседи и даже собственный его осел. Но вот что

замечательно: ни в одном анекдоте не встретить случая, чтобы Насреддин был одурачен кадием, муллой или Тамерланом. Одураченным оказывается кто угодно, только не оджа Насреддин. И этот замечательный факт является лучшим доказательством подлинной демократичности фольклорного героя, называемого Насреддином оджой.

Х

Не случайны поэтому те попытки, которые делались со стороны враждебных народу кругов по приспособлению Насреддина к своим нуждам. Мы до сих пор еще не учитываем полностью той борьбы, которая велась в фольклоре вокруг популярных образов, наделенных социальной силой. На примере Насреддина оджи эта борьба может быть констатирована довольно наглядно.

Стремление кулацких и клерикальных элементов крымской деревни парализовать социальную остроту анекдотов о Насреддине, желание сгладить и нейтрализовать их демократичность не раз приводило к тому, что оджа наделялся качествами, примирявшими с ним самых бдительных и яростных его врагов. В некоторых закавказских вариантах для этой цели зачастую использовалась аттестация Насреддина, как муллы¹. Те,

¹ К сожалению, эта двусмысленность ввела в заблуждение даже редакцию журнала „Безбожник“, который напечатал в № 2 за 1935 г. двенадцать анекдотов о Насреддине, представив его муллой как таковым (о чем свидетельствуют иллюстрации), тогда как сами образцы вопиют против этого.

кому это было нужно, выдавали оджу за простодушного, но находчивого слугителя аллаха, стерилизуя, понятно, в первую очередь, антирелигиозность анекдотов. Те кому это импонировало, навязывали Насреддину такие сюжеты, в которых оджа издевался над бедняком и горемыкой, играя под сурдинку корана. Так анекдот № 8 в подобной переделке рассказывает о том, как Насреддин, спасаясь от преследующих его односельчан, соблазнил чабана должностью муллы и, завязав его в мешок, помог утопить в реке. В примечании к № 8 мы приводим в качестве примера этот анекдот полностью и предлагаем сравнить оба варианта. Сравнение убедительное.

О том, насколько противодействовало подлинно народное устное творчество подобным фальсификациям своего героя, можно судить по тому, что подобных „вариантов“ в крымской Насреддиниаде не так уж много.

Стремилась приурочить Насреддина к своим политическим концепциям и издатели анекдотов. Мы ограничимся здесь лишь указанием двух полярно противоположных способов этого приурочивания.

Упоминавшийся нами стамбульский издатель анекдотов в своем предисловии к сборнику всячески старается уберечь оджу от каких бы то ни было социальных эксцессов. Стремясь, сколько возможно, затушевать классовые симпатии и антипатии оджи, он особо настойчиво подчеркивает его

„общечеловеческое“ значение. Увлечшись восхвалением Насреддина, он договаривается до таких, например, истин: „Целью его (Насреддина) было служить благу человечества и быть счастливым его счастьем. Он был ангелоподобен! (ferişte misilli)“.

Иными глазами смотрит на оджу русский¹ дореволюционный издатель крымских анекдотов о Насреддине. Мы имеем в виду небезызвестного в крымоведении этнографа В. Х. Кондараки. В своем тринадцатитомном „Универсальном описании Крыма“ (1875 г.) этот апологет русских колонизаторов приводит десяток анекдотов об одже и, раздраженно иронизируя над его „бессмертностью“, прямо называет Насреддина „негодяем“ (т. 13, стр. 108 и 112). Понятно, что и приведенные анекдоты целиком носят на себе печать своеобразной „интерпретации“, присущей Кондараки. Именно в его сборниках мы находим эпизод с потоплением чабана.

Итак—от ангела до негодяя—такова амплитуда толкований этого многоспорного образа. От „внеклассового борца за братство муллы с чабаном“, до бесцеремонного жулика, измывающегося над крестьянином. Таковы голоса чуждых нам адвокатов и прокуроров. Они, конечно, не противоречат друг другу, эти голоса. Каждый из них по своему служит одному и тому же делу. Это дело—обезоруживание Насреддина.

¹ Хотя и грек по национальности.

Но Насреддина обезоружить не так-то просто. И только к безобидной болтовне анекдоты о нем свести не так-то легко. Уж если ставить вопрос о вооруженности оджи, то ответ на вопрос нужно искать ни у хвалителей, ни у хулителей. Ответ дают те, кто о Насреддине рассказывают.

Настоящий сказитель, подлинно народный рассказчик, прекрасно понимает своего Насреддина. Приступая к рассказам о нем, он, как правило (и это надо заметить), начинает с тех анекдотов, где социальная подоплека проявляется наиболее явственно. И Мустафа Топал, и Абибула Софу, и другие сказители, давшие для настоящего сборника свои образцы при рассказывании, извлекают из памяти прежде всего анекдоты с классово-подчеркнутой интригой. Это явление, проверенное неоднократно, удостоверяет тот примечательный факт, что сам сказитель из трудового народа, будь он даже неграмотный старик, всегда имеет в виду социальную окраску рассказываемого.

Вот—лучший аргумент против тех, кто захотел бы увидеть в насреддиновских анекдотах только занимательную болтовню.

XI

В заключение необходимо сказать несколько слов о двойнике Насреддина Ахмет-Ахаве, несколько анекдотов о котором приводятся в качестве образца в настоящем сборнике,

Издатель сатирического журнала „Чынгыраклы татар“, турецкий писатель Чайлак Шевфик бей в предисловии к изданию анекдотов о Насреддине рассказывает следующее:

В царствование султана Мурада Салиса в Сиври Гисаре жил человек, называвший себя внуком покойного оджи Насреддина. Однажды этот человек отправился в Стамбул, чтобы получить причитающуюся ему часть наследства из вакуфной казны. Однако для того, чтобы получить эту часть, понадобилось доказать свое происхождение от Насреддина. У ходатая никаких доказательств не оказалось. Бедный внук отправился в соответствующее учреждение, предварительно привязав своего осла у самого входа к огромному давулу (барабану), предназначенному для оповещения правоверных.

Пока внук оджи терпеливо дожидался всяческих аудиенций, ишаку захотелось есть. Он потянулся к росшей невдалеке траве и сдвинул барабан с места. Раздался громкий грохочущий звук. Испуганный осел шарахнулся в сторону и потянул за собой барабан. Тот начал подпрыгивать по камням и при этом грохотать с такой силой, что бедный осел в ужасе кинулся бежать. Чем быстрее бежал осел, тем громче и отчаяннее гремел позади него огромный давул.

В это время навстречу двигался караван, состоявший из пятидесяти верблюдов, груженных

посудой и жестью. Услышав страшный грохот и увидев мчащееся на них круглое чудовище, верблюды в диком ужасе бросились врассыпную. Через пять минут весь Стамбул был в панике. По улицам носились обезумевшие верблюды, производя неопиcуемый грохот жестью и бьющейся посудой. Люди выскакивали из своих домов, стараясь узнать о причинах суматохи, и увеличивали эту панику еще больше. Вопли погонщиков, плач детей, крики женщин, грохот, звон, треск и дребезжание слились в такую адскую музыку, что казалось наступил конец света. Когда паника докатилась до дворца падишаха, этот последний пожелал узнать ее причины. После долгих розысков было установлено, что причиной паники явился осел, привязанный к давулу своим хозяином, который называет себя внуком оджи Насреддина. Услышав такое известие, те, от кого это зависело, призвали бедного просителя и сказали:

— Получи свою часть из казны. Документов не нужно. Нет сомнения, что ты действительно внук бесподобного Насреддина оджи.

Описанное анекдотическое происшествие в одном отношении довольно интересно. Оно знаменует собой зачаток того любопытного явления, которое можно назвать литературным отпочкованием основного персонажа. Такое отпочкование свойственно художественной литературе, в особенности жанру авантюрного романа. Мы имеем

в виду тех случаи, когда автор какого-нибудь многотомного романа, закончив серию смертью главного героя, ввиду возрастающей популярности его, вынужден продолжать серию, или воскресив его или призвав другого ближайшего родственника героя. Такой прием был довольно обычен в средневековом романе (Амадис Гальский), им же позднее пользовались авторы исторических (А. Дюма) и детективных (Понсон дю Террайль, Конан-Дойль) романов, а еще позднее и сценаристы кино („Знак Зоро“, „Сын Зоро“).

Нечто подобное мы имеем и с нашим оджой.

Плодовитость и популярность анекдотов о Насреддине естественно повлекли за собой создание новых циклов, в которые потекли струйками те анекдоты, которые какими-нибудь своими сторонами не умещались в обычное представление о Насреддине.

Возникновению нового цикла содействовало еще и то обстоятельство, что турецкие лубочные сборники анекдотов, оказавшие заметное влияние на устные крымские рассказы о Насреддине, приурочивали его похождения к чуждым слуху географическим названиям, которые мешали запоминанию, а иногда придавали анекдотам оттенок чего-то чужеродного. Все эти Ак-Шехиры, Сивры Хисары, Кони, Бруссы и Анкары не могли, конечно, не вызвать в татарских любителях Насреддина желания более коренизовать его, более

приблизить к Крыму, связать его действия с знакомыми географическими понятиями, дать, наконец, ему национальное татарское имя. Назревшая необходимость была удовлетворена. Именно таким образом от Насреддина оджи отпочковался полностью на него похожий, но целиком местный вариант оджи—Ахмет-Ахай. При этом новый персонаж Ахмет-Ахай стал существовать наряду с Насреддином, отнюдь не отесняя его на второй план, но наоборот, довольно часто обмениваясь с оджой сюжетами.

Ахмет-Ахай действительно целиком крымский персонаж. Фольклор приписывает ему происхождение из деревни Озенбаш, Бахчисарайской округи. Таким образом бытовое окружение Ахмет-Ахая соответствует быту татарской деревни горной части Крыма. Подчеркнута оторванность деревни от ближайшего городского центра—анекдоты рисуют Озенбаш, как замкнутую сферу, находящуюся вне влияния городской культуры. Отсюда обычная интрига анекдота: озенбашцы находят на дороге какой-нибудь незнакомый для них предмет и, стараясь познать его назначение, делают страшные глупости. Характерен в этом смысле анекдот о находке сапог (№ 1). Он показывает, до какой же степени должна была быть примитивна экономика дореволюционной крымской деревни. О том же говорят и те ахметахавские анекдоты, в которых герой попадает в

Бахчисарай и вступает в конфликт с неизвестными ему объектами городского обихода (№ 11).

Любопытно отметить, что большинство анекдотов об Ахмет-Ахае записаны „на месте происшествия“ — в самой деревне Озенбаш — деревне, являющейся, кстати сказать, в настоящее время полной противоположностью своему фольклорному двойнику, — одной из самых зажиточных и культурных деревень горного Крыма.

Специфической чертой ахметахаевского цикла, отличающей его от цикла насрединиовского, является усиление роли соседей героя, самих жителей деревни. В большинстве случаев озенбашцы ведут основную интригу, а их старшина Ахмет-Ахай является как бы рычагом, направляющим эту интригу в ту или иную сторону. В некоторых анекдотах Ахмет-Ахай лишь дает совет своим односельчанам, в иных его роль ограничивается каламбурным резюме.

Озенбашцам свойственна исключительная простодушность и незнание самых простых явлений жизни. Так, например, они охотно верят Ахмет-Ахаю, что арбуз является лошадиным яйцом (№ 7). Вместе с Ахмет-Ахаем они верят в то, что сапоги это футляры для топора (№ 1). В этом отношении они сильно напоминают пошехонцев русского фольклора или простаков цикла об Эйленшпигеле.

В цикле об Ахмет-Ахае мы имеем типичный

для фольклора пример осмеивания какой-нибудь одной злополучной деревни.¹ Это осмеивание, однако, вполне добродушно и отмечено не клеймом издевательства, но печатью юмора. И, что особенно важно, тут, так же как в насреддиновских анекдотах осмеивание это продолжается лишь до тех пор, пока дело не дойдет до столкновения с классовым врагом. Один из лучших анекдотов (№ 2) рассказывает, как Ахмет-Ахай не позволил мулле издеваться над собой и отучил его от, слишком уж явного вымогательства. Помимо того, что этот анекдот во весь рост показывает хищнические замашки деревенского мุลлы, он также и ярко живописует, как это хищничество прикрывается елейным ханжеством. Нужно себе представить обстановку дореволюционной крымской деревни, чтобы понять, насколько велико было антирелигиозное, антикоранное значение этого и подобных им анекдотов. Этой своей стороной ахмет-ахаевский цикл вплотную смыкается с циклом о Насреддине.

Жизнь течет, меняется, вырастают люди новой крымской деревни. Гаспринский дровосек Мустафа Топал, озенбашский работник Абибула Софу, Кикенеизский кузнец Ислям Демерджи, симеиз-

¹ См. например, у В. Даля последний отдел в „Пословицах русского народа“. М. 1852 г.

ская колхозница Ахтатай Хурбедин, алушкинская колхозница-ударница Земине Кенайская—все те, кто знает прежний Крым не только по анекдотам о Насреддине, но и по своим собственным биографиям, — собственными глазами видят новую жизнь. Эта новая жизнь таит в себе столько энергии, столько уверенности и мощи, что новому уже создающемуся фольклору предстоит широчайшее поле для самой кипучей деятельности. И перед крымскими сказителями вырастают новые благодарные задачи—показать эту новую жизнь в новых произведениях, с новым, светлым и радостным содержанием.

Алупка, апрель 1936 г.

С. Коцюбинский.

Библиография

Литература о Насреддине и отдельные публикации анекдотов о нем довольно многочисленны. Старейшее европейское издание анекдотов, приписывавшее авторство этих анекдотов самому Насреддину, относится к 1694 г. Это издание Palland „Paroles remarquables et maximes des orientaux (Paris). В 40-х гг. XVIII века *Д. Кантемир* в своей „Истории Османского государства“ (французское издание II, 1743, немецкое—Гамб, 1745) поместил несколько анекдотов, переведя их с неизвестного нам турецкого сборника. В 1854 г. анекдоты о Насреддине вышли отдельным изданием в сборнике *Малуффа* (Смирна), а в 1876 г. появилась книга *Decourdetanch'a* „Les plaisanteries de Nasr-Eddin-Hodja,“ (Paris, Leroux, 1876), повторенная с дополнениями тем же автором под новым заглавием: „Sottisier de Nasr-Eddin-Hodja, bouffon de Tamerlan, suivi d'autres faceties turques, traduit sur les manuscrits inedités“, в Брюсселе у Pay et Doucé в 1878 г.

Одним из лучших немецких изданий анекдотов нужно считать сборник *Камерлоэра* и *Прелога* (Триест. 1857).

Из многочисленных турецких изданий укажем лишь на два наиболее популярные сборника— константинопольский, изданный в 1909 г. *Усеином*, и двухтомный сборник *Чайлак Тевфик Бей*, а также на книгу *Murad'a Efendi* „Nasr-Eddin-Hodja“ (1894).

Русских специальных сборников не было, но зато в по-

временных изданиях отдельные образцы печатались довольно часто. Кавказские записи появлялись три раза в „Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа“ (Тифлис), а именно — в 1868 г. (выпуск 1), в 1890 г. (выпуск 9) и в 1899 г. (выпуск 26). В последнем случае даны азербайджанские тексты в количестве 57 номеров. В газете „Кавказ“ за 1876 г. напечатаны анекдоты дважды — в № 54 и 56, в „Терских ведомостях“ за 1881 год — три раза в № 31, 33 и 34.

Интересные образцы записаны были *В. С. Миллером* (Материалы для изучения еврейско-татарского языка „СПБ 1892 г.).

В 1890 г. газета „Новое обозрение“ в №№ 2267—2367 напечатала 149 анекдотов, переведенных с татарского (кавказского) *А. Д. Эрицовым*. Эрицов перечисляет также известные ему различные издания о Насреддине и говорит, что в его распоряжении было до 800 образцов.

В Крыму анекдоты о Насреддине (и частично об Ахмет Ахае) записывались *В. Х. Кондараки* — „Универсальное описание Крыма“ (М. 1875) — 10 номеров и *Арк. Кончевским* „Сказки, легенды и предания Крыма“ Ф. и С. 1930 г. (8 номеров).

Собственно исследования по поэтике и истории анекдотов о Насреддине имеются у *Келлера* в „Orient et Occident“ I (431—448, 764), у *П. Хорна* в „Revue orientale“ (Будапешт, 1900 № 1), у *Рене Бассе* — тоже в „Revue orientale“ (1900 № 1). Много внимания уделяли этим исследователям украинские фольклористы. Укажем на статьи *В. Кузьмичевского* („Киевская старина“, 1886 г., февраль—март), *Сумцова* („Киевская старина“, 1895, июль—август) и на статью *О. Крымского*, снабженную библиографическим указателем („Литературно-наукова биб-ка“ сер. 11, кн. 6, 1896, Львов). Указания о Насреддине в связи с крымско-татарскими пословицами имеются в „Известиях Таврической ученой архивной комиссии“ (т. 52, 1915). У *В. Смирнова* в „Очерке истории османской литературы“ (глава „Всеобщей истории литературы“ под ред. В. Корша и А. Кир-

пичникова, т. IV, СПб. 1872) также даны некоторые сведения о Насреддине, как о турецком фольклорном персонаже.

Краткие сведения о Насреддине можно найти в каждой энциклопедии. В энциклопедии *Майера* („Просвещение“) и у *Брокгауза* и *Ефрона*—эти статьи написаны *А. Крымским*. В „Литературной энциклопедии“ (1934, т. VII)—*Гр. Янским*.

Из новейших публикаций анекдотов о Насреддине укажем на парижское издание *Булака* (1923), к сожалению, оставшееся нам не известным.

В художественной литературе насреддиновские приключения нашли место в романе *П. Милля*—„Насреддин и его жена“ (перев. Н. И. Мартыновой и Е. В. Голубева, изд. „Сеятель“ М. 1925).

В последнее время, в связи с усилившимся вниманием к памятникам устного творчества, анекдоты о Насреддине стали появляться на страницах нашей периодической печати. Так например, было напечатано 12 узбекских анекдотов в журн. „Огонек“ (1935 г. № 17), несколько туркменских в „Литературной газете“ (1935 г.), 7 татарских номеров в журн. „30 дней“ (1935 г. № 12), запись *Н. П. Дмитриева* (12 номеров) без указания национальности, в журн. „Безбожник“ (1935 г. № 2). На страницах газет „Красный Крым“, „Всесоюзная Здравница“ и „Udarnik“ неоднократно появлялись анекдоты, записанные Алупкинским музеем.

Одновременно с печатанием предлагаемого сборника в издательстве „Academia“ также ведется работа по подготовке книги о Насреддине.

С. Коцюбинский.

АНЕКДОТЫ
О
ХОДЖЕ
НАСРЕДДИНЕ

1

**О трех ответах оджи Насреддина и о том, как
мулла остался в дураках**

Однажды после вечернего намаза у ворот мечети собралась большая толпа. В центре ее стоял мулла и рассказывал о добродетелях Магомета.

В это время мимо мечети проезжал на своем осле оджа Насреддин.

Мулла, который кипел злобой против Насреддина, решил воспользоваться случаем и при всем народе как-нибудь осрамить оджу.

— А вот и наш мудрец!—закричал он.—Ну-ка, Насреддин, повесели нас, расскажи что-нибудь.

Насреддин придержал осл.

— Говорят, что ты все знаешь,—не унимался мулла.—Поведай же нам неучам, где находится середина земли?

— Она под правой задней ногой моего ишака, — ответил Насреддин, не слезая с седла.

— А как убедиться в этом?

— Проще простого: измерь расстояние до всех концов земли, и если они не будут равны, я отдам тебе моего ишака.

Смутившийся мулла не нашелся, что возразить. Присутствующие засмеялись.

— Ну ладно, — сказал мулла, — скажи тогда, сколько звезд на небе?

— Ровно столько же, сколько волос на теле моего ишака, — ответил оджа.

— А какие у тебя доказательства?

— Если не веришь — сосчитай то и другое.

Присутствующие засмеялись еще громче, а мулла позеленел от злости.

— Хорошо! — сказал он. — Раз уж ты так мудр, то скажи, сколько волос находится в моей бороде?

— Это самый легкий вопрос, — ответил оджа, — их там столько же, сколько в хвосте того, на ком я сижу.

— А чем ты докажешь это? — закричал вне себя мулла.

— Пожалуйста, — засмеялся Насреддин. — Давай, я буду вырывать по одному волоску и оттуда и отсюда, и мы докажем это самым убедительным образом.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

Рассуждения Насреддина о пользе корана

У Насреддина был сын. Как-то раз, когда он был совсем еще маленьким, жена обратилась к одже и стала жаловаться:

— Что делать с ребенком, ума не приложу. Криком кричит и никак спать не хочет. Ты бы, оджа, написал для него какую-нибудь нусху, чтобы он хоть на минутку угомонился.

— Не волнуйся,—ответил Насреддин.—Мы его сейчас урезоним.

И, достав из сундука толстенную книгу корана, оджа раскрыл ее и сунул кричащему мальчишке под нос.

— Да ты что, смеешься надо мной?!—рассердилась жена.—Ты, видно, и над трупом моим будешь петь да отплясывать.

— Подожди, подожди,—успокоил ее Насреддин.—Ты ничего не понимаешь. Эта книга является таким превосходным снотворным средством, что когда я был учеником и изучал коран, то не мог выдерживать над ней и семи минут, на седьмой уже спал крепким сном. Так неужели же ты думаешь, что если взрослые люди так легко засыпают над кораном, то этот мальчишка устоит против его чудесных свойств.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О том, как уместным ответом можно приобрести хорошее джуппе

Однажды Насреддин гулял по лесу. Вдруг он увидел под деревом человека, который спал крепким сном.

Насреддин подошел ближе. Спящий оказался кадием. Над головой кадия на ветке висело его джуппе.

Походил-походил оджа около этого джуппе, и взял его великий соблазн. Видит—спит кадий, как убитый, а джуппе новенькое и нарядное.

— Хорошо,—принялся рассуждать Насреддин.— Допустим, что я увидел джуппе, но не заметил под деревом кадия. Может это быть? Может. Стало быть, если я возьму джуппе, будет ли это кража? Ни в коем случае. А что же это будет? Находка. Правильно! Да и к тому же нажито это джуппе кадием нечестно, на взятки и поборы. Значит можно его взять?—Можно.

И, недолго думая, Насреддин снял с ветки джуппе и благополучно понес его домой.

Когда кадий проснулся и не увидел своей одежды, он пришел в ярость. Вернувшись домой, он приказал своим чиновникам тотчас же разыскать и привести к нему того человека, на котором они увидят пропавшее джуппе.

Но Насреддин разве дурак?

Он спрятал джуппе в сундук и решил не надевать его до тех пор, пока кадий не забудет о пропаже.

Прошел месяц. Наступил курбан-байрам. Никак не мог утерпеть оджа, чтобы не пощеголять на празднике в красивом наряде.

— Кадий, должно быть, и цвет уже забыл его,— подумал оджа.— Сколько уж времени с тех пор прошло.

В первый же день байрама чиновники кадия увидели на Насреддине знаменитую одежду. Они тотчас же схватили оджу и потащили его к кадию.

Следом за ними пошла толпа зевак, а когда соседи узнали о происшествии, к дому кадия собралась почти вся деревня.

— А, дорогой оджа,— злорадно засмеялся кадий.— Наконец-то я осрамлю тебя перед всем народом. Ну-ка скажи мне, откуда у тебя, голоштанника, такие наряды? Это мое джуппе! Станешь ли ты еще упираться?

Насреддин обвел глазами всех присутствующих, потом посмотрел на кадия и сказал:

— О, благоверный судья! Нечего делать— придется сознаться. Слушайте же внимательно—я чистосердечно расскажу, как это случилось. Месяц тому назад, гуляя по лесу, я заметил под деревом спящего человека. На ветке над головой этого человека висело вот это джуппе. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, кто же это

спит, и увидел такое зрелище, о котором мне стыдно рассказывать перед всеми стоящими здесь. Да простят мне мои друзья, — этот человек, хозяин этого джуппе (лица его я не различил), лежал в объятьях одной известной блудницы, имя которой считает долгом поносить каждый уважающий себя человек. Да, да! И они лежали в такой бесстыдной позе, что я предпочту умолчать об этом. И тогда я (чтобы посмеяться потом над этим похабником) снял джуппе, рассчитывая возвратить его по первому требованию. Если ты, о, благоверный кадий, говоришь, что хозяин этого джуппе ты, то бери его — вот оно целое и невредимое.

— Нет! нет! нет! — закричал кадий. — Это не мое джуппе. Можешь им пользоваться, сколько хочешь.

Му ста фа То п ал, дер. Гаспра.

4

**О способе, которым можно спасти утопающего
муллу**

В соседней деревне был праздник. После ужина Насреддин вместе с другими приглашенными пошел к пруду, чтобы совершить абдест (омовение).

Пока они занимались этим делом, произошла беда. Мулла этой деревни, который тоже был вместе со всеми, поскользнулся и упал в пруд.

— Давай руку! Давай руку! — закричали все, кто был вблизи, желая вытащить из воды муллу.

Однако мулла руки своей не протягивал и начал уже постепенно пускать пузыри.

— Отойдите прочь, — сказал Насреддин оджа. — Глупцы, как до сих пор не привыкли вы к муллам?! Где вы видели муллу, который когда-нибудь, что-нибудь, кому-нибудь дает? Запомните, невежды: муллы никогда ничего не дают, они только берут. Вот смотрите.

И, подойдя к барахтавшемуся священнослужителю, оджа закричал:

— Мулла, а мулла, нà руку!

Мулла тотчас же высунул свою руку из воды и протянул ее Насреддину.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

5

О том, в какую сторону обращать свой взор, когда услышишь священнослужителя

Сосед Насреддина, приготовившись искупаться в речке, разделся, но, прежде чем влезть в воду, спросил у оджи:

— Скажи мне, оджа, в том случае, когда купаешься в речке и вдруг услышишь призыв муэдзина—в какую сторону лучше всего обратить свой взор?

— В сторону одежды,—ответил Насреддин.

Абдураман-оджа, дер. Уркуста.

6

Об ошибках ханских детей и об их благоразумном наставнике

Одно время в тех краях, где жил оджа Насреддин, по повелению султана жителям запрещено было иметь при себе какое бы то ни было холодное оружие.

Насреддин оджа, состоявший в это время наставником ханских детей, продолжал, невзирая на закон, носить под своим джуппе длинный турецкий ятаган.

Однажды стражники заметили это нарушение, схватили оджу и поволокли к шерифу.

Шериф очень сурово принял преступника, грозно посмотрел ему в глаза и спросил:

— Как осмелился ты, несчастный, столь дерзновенно преступить законы нашей страны и носить при себе этот ятаган?

— Да какой же это ятаган?—возразил оджа.— Это просто-напросто нож, которым я счищаю ошибки моих учеников в их тетрадах.

Этот ответ привел шерифа в ярость.

— Ты как видно вздумал насмехаться надо мною!—закричал он.— Где же видано, чтобы ошибки в тетрадах счищали таким огромным ножом?

Насреддин горько улыбнулся и ответил:

— Поистине, эфенди, неведение твоё не имеет границ. Да если бы ты только знал, на какие ошибки способны мои ученики, то увидел бы, что и этот ятаган слишком мал для исправления их!

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и,
дер. Маркур.

7

О том, как оджа Насреддин приобрел девяносто девять рублей, хорошую шубу и доброго ишака

Каждый вечер перед тем, как ложиться спать, Насреддин оджа поворачивался к Каабе и читал молитву.

Но молитва у него была особенная. Он говорил:

— Ой, алла! Пошли мне, пожалуйста, сто рублей. Очень тебя прошу—пошли сто рублей. Но имей в виду, если ты мне пошлешь хоть копейкой меньше—не возьму. Сто рублей—и ни одной копейки меньше!

Однажды мимо сакли Насреддина проходил мулла. Он услышал эту удивительную молитву и решил проверить, действительно ли Насреддин откажется от аллаховых денег, если их будет не сто, а девяносто девять рублей.

Нимало немедля, мулла достаёт кисет, отсчитывает в него девяносто девять рублей и, поднявшись на крышу, опускает кисет с деньгами по веревке через трубу прямо к ногам Насреддина.

— Ага, есть!—обрадовался оджа, увидев спускающийся сверху мешок с деньгами.— Ну-ка, ну-ка, чего он туда наложил?

И, развязав кисет, Насреддин принялся считать деньги.

— Десять, двадцать, пятьдесят, девяносто. Девяносто девять. Странно! Может быть я ошибся? Снова пересчитывает оджа, опять получается девяносто девять рублей. В третий раз считает— то же самое.

— Как же так?—подумал оджа.—Неужели надул аллах на старости лет? Удивительно!

Вдруг Насреддин хлопает себя по лбу и смеется.

— Ну и ну! Как же я раньше не догадался. Да и туговат же аллах! Все рассчитал точно. Девяносто девять рублей, да кисет рубль стоит, вот как раз сто и получается.

И, не переставая смеяться, Насреддин сунул кисет с деньгами в карман своих шаровар.

Кубарем скатился с крыши мулла, как только услышал вычисления Насреддина.

Вошел в саклю и заявил:

— Ну, оджа, пошутил я над тобой. Давай деньги.

— Какие деньги?—удивился Насреддин.

— Как какие?! Брось голову морочить! Так и поверил, что аллах может деньги прислать? Это я тебе через трубу опустил их.

— Знаем мы вас,—засмеялся Насреддин.—Выходит, что ты не веришь в силу аллаха. Шутки оставь! Деньги я получил от него по-честному и они принадлежат мне одному.

Спорил-спорил мулла, видит—ничего с Насреддином не поделаешь. Придется тащиться к кадию.

Насреддин добродушно согласился, и на утро спорщики отправились в соседний город к блюстителю порядка.

Вот движутся—мулла верхом на осле, одетый в хорошую шубу, оджа Насреддин рядом идет пешком, дрожит от холода в рваной одежонке.

Шел-шел, потом остановился и говорит:

— Знаешь что, молла, а я ведь не пойду дальше. Вернусь сейчас домой. Что же это такое—ты будешь в теплой шубе ехать, а я в одной рубашке дрожать! Обратно, обратно!

Видит мулла—не переспоришь Насреддина, а деньги свои вернуть хочется, снял с себя шубу и дал ее Насреддину, чтобы теплее тому было.

Движутся дальше. Мулла едет верхом на осле, Насреддин хоть и в шубе да трусит пешком около.

Прошел Насреддин еще с полверсты, остановился и говорит:

— Не пойду дальше! Сейчас же вернусь до-

мой. Что же это получается: ты себе как султан сидишь в седле, а я буду пешком итти? Сейчас же возвращаюсь домой!

Видит мулла—и на этот раз придется уступить, а то вернется Насреддин,—и пропали деньги. Слезает с осла и дает его Насреддину.

Едет оджа верхом на осле в теплой хорошей шубе, мулла рядом идет, дрожит от холода.

Добрались до кадия.

— В чем ваш спор?—спрашивает кадий.

— Вот этот самый негодяй,—указывает мулла на Насреддина,—хочет присвоить мои деньги, которые я ради шутки спустил в его саклю через трубу. Деньги эти мои и он обязан мне их вернуть.

Долго кричал мулла, требуя от Насреддина деньги. Наконец кадий обратился к Насреддину и спросил его, правда ли деньги принадлежат мулле?

И Насреддин ответил:

— Видишь ли, кадий эфенди, я чувствую, что ты не знаешь еще характера нашего муллы. Иначе ты и разговаривать бы долго не стал, а просто попер бы этого вымогателя в шею. Наглость его известна всей нашей деревне. Подожди, он еще скажет, что и шуба, в которую я одет, тоже его?

— Ну конечно же моя!—закричал мулла.

— Ну вот видишь,—улыбнулся оджа.—Мало того, этот пройдоха в состоянии заявить, что и осел, на котором я, как ты видел, приехал, тоже принадлежит ему?

— Конечно мне!—закричал мулла.

— Понял ты теперь, что за птица этот мулла?— засмеялся оджа, обратившись к кадию.

И кадий, уверовав в слишком явные свидетельства наглости муллы, приказал вытолкать его в шею.

А оджа Насреддин, выиграв тяжбу, вернулся домой на добром ишаке, в теплой шубе, с девятью рублями в кармане.

А л и Б у б у ш, дер. Кикенеиз

8

О том, как мулла захотел отомстить Насреддину и что из этого получилось

Долго не удавалось мулле отомстить Насреддину за то, что срамил его тот перед всем народом. Злился-злился мулла и решил наконец избавиться от Насреддина чужими руками. Собрал он самых отъявленных хулиганов и подговорил их подстеречь и избить Насреддина до смерти, как только отправится он куда-нибудь из деревни. И посулил мулла за это дело хорошую плату.

Порядком таки пришлось ждать бандитам, потому что жил себе поживал оджа и не собирался никуда в дорогу. А в деревне расправиться с ним было немыслимо. Так прошло две недели.

И вот в одно утро взял Насреддин оумку, по-

ложил туда кусок хлеба и отправился в соседний город на базар.

Только что вышел он из деревни, выскочила, откуда ни возьмись, подговоренная муллою банда, накинулась на оджу и начала его избивать чем попало.

Но ловкость оджи не уступала его мудрости, вырвался он из рук негодяев и кинулся бежать вперед по дороге.

Так быстро бежал оджа, что отстали от него преследователи. Бежит-бежит, вдруг навстречу мулла, возвращающийся из города.

— Куда это вы бежите, оджа?—спрашивает он у Насреддина.

— Ой, мулла, горе мне! Сегодня джемаат вздумал выбрать меня главным имамом всей округи. А на кой мне шайтан эта должность, если я с ней и справиться не сумею?! Вот я и бегу, куда глаза глядят, от джемаата.

У муллы глаза разгорелись при этих словах.
— Ой, оджа, чего же вы отказываетесь? Сколько почету, сколько денег! Будь я на вашем месте, я бы ни за что не отказался от имамства.

— Да что вы?—воскликнул Насреддин.—Ну так переодевайтесь же скорей в мою одежду и становитесь на берегу. Джемаат, который вот-вот появится здесь, примет вас за меня и изберет главным имамом. А потом, когда увидят ошибку, отступиться будет уже стыдно.

Мулла поспешно переоделся в насреддинову одежду, а оджа спрятался в кустах.

Бандиты налетели на муллу и, не разобрав, что это их же подстрекатель, сбили его с ног, отколотили до потери сознания и сбросили с кручи в реку.

Так поплатился злой мулла за свою жадность и коварство. И получил он то возмездие, которое приготовил другому.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

9

Свечка с мачту или о том, как Насреддин одурачил самого аллаха

Довелось как-то Насреддину одже ехать морем на корабле вместе со своим сыном.

Разбушевалась буря. Судно бросало по волнам, как щепку,

Насреддин начал готовиться к смерти. Совершив омовение, он обратился лицом к каабе и начал, призывать аллаха:

— О, всевышний аллах! Ты же, как говорит мулла, все можешь сделать. Помоги же нам грешным пристать к берегу живыми и невредимыми. Помоги, алла, и я, как только вернусь в деревню, поставлю тебе свечу размером вот в эту мачту.

— Отец!— потрогал оджу сзади его сын.— Отец, но ведь ты же беден, где тебе достать такую большую свечку?

— Молчи ты, бесенок,— зажал ему рот оджа.— Дай только на берег выбраться, а там ищи ветра в поле, и в палец толщиной не получит.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

10

Важно начинать с самого главного

В сад к Насреддину забралась корова соседнего муллы. Жена выскочила из комнаты и кинулась бить их чем попало.

В этот момент Насреддин увидел, что к нему во двор вошел сам мулла.

— Стой, жена!—закричал Насреддин.—Дело не в коровах. Их можно выгнать и потом. Гони-ка сначала этого длиннородого, ибо убытков он наделает больше, чем его коровы.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш,

11

О том, как оджа продал десять ослов и купил одну лошадь

Однажды градоначальник поручил Насреддину продать на базаре десять ослов и купить на вырученные деньги одну лошадь.

Выслушав наставления, оджа оседлал одного из ишаков, сел на него верхом и погнал весь табун в соседний город.

Дорогой он решил проверить, не растерял ли он свой товар. Не слезая с седла, принялся считать ослов. Что за оказия, их оказалось не десять, а девять. В ужасе пересчитал оджа еще раз, в самом деле, перед ним шло девять ослов.

Удрученный и обеспокоенный слез Насреддин с седла и в третий раз пересчитал ослов. Все десять были налицо.

Страшно обрадовавшись, Оджа снова взобрался на осла и погнал табун дальше.

Однако злое подозрение встало в его сердце и решил он еще раз просчитать стадо.

Посчитал—оказалось девять ослов. Снова слез с седла и снова пересчитал—оказалось десять.

— Ничего не понимаю!—воскликнул он.—Придется вернуться домой, пусть жена посчитает—она в арифметике сильнее меня.

Приехав домой, Насреддин слез с осла, позвал жену и рассказал о пропаже.

— Ах ты чудака этакий!—рассмеялась жена.—Да ведь ты не посчитал того, на котором сам ехал. Вот они все десять стоят перед тобою.

Оджа хлопнул себя по лбу и тоже засмеялся. Потом взобрался в седло и спокойно поехал в город.

Так он ехал, время от времени слезая на землю и пересчитывая табун.

Приехав в город, он вывел ослов на базар и вскоре, найдя покупателя, продал все стадо за очень хорошие деньги.

Покончив с продажей, Насреддин облегченно вздохнул и пошел погулять по базару.

Долго ли коротко ли он разгуливал, видит, едет верхом на лошади старый богач—кадий из дальней деревни.

— В какие края, эфенди, направили вы стопы свои?—поинтересовался оджа.

Кадий назвал город, в котором жил оджа.

— Ах, добрый человек,—обрадовался Насреддин.—А я как раз туда. Возьми-ка меня с собой, подвези маленько. Ноги мои совсем уж не ходят, а я не тяжел, посижу позади тебя, и да вознаградит аллах твою доброту лучшими комнатами в своем эдеме.

Кадий хотел было выругать оджу, но потом решил, что лишний голос перед аллахом ему на-руку, придержал коня и позволил Насреддину усесться за своей спиной.

Оджа не заставил себя ждать, вскарабкался на лошадь, уселся поудобнее, и всадники тронулись.

Когда до родного города оставалось не более полверсты, Насреддин обратился к кадию и сказал:

— О, благочестивый праведник! Нет слов чтобы передать тебе всю мою благодарность, но позволь мне еще раз попросить тебя. Я боюсь ехать сзади. Неровен час—упаду с хвоста, посади меня, добрый человек, впереди себя, и да вознаградит тебя аллах лучшими гуриями своего сада.

Внял богач и этой просьбе, придержал коня и пересадил Насреддина, куда ему хотелось.

Въехали в город—навстречу градоначальник.

— А, Насреддин-оджа. Ну как, продал ослов, купил лошадь?

— А как же, разве не видишь?—ответил Насреддин.

Потом обернулся к сидящему позади кадию и как ни в чем не бывало сказал:

— Ну, приехали. Слезай с коня, да благодари, что подвез тебя. Платы мне не надо, слезай да и ладно.

— То-есть как это так слезай?—поразился кадий.—Я внял твоим мольбам и посадил тебя, а ты вот что?

— А, так ты еще плутовать будешь!—закричал Насреддин.—Убирайся сейчас же, пока я не рассердился. Ишь какой шарлатан выискался.

— Чтобы и ноги твоей не было видно здесь,—рассвирепел градоначальник и схватил кадия за шиворот.

Кадий развернулся и ударил градоначальника. Градоначальник ударил кадия. Началась драка.

Насреддин не стал дожидаться, чем кончится свалка двух богачей, сунул уздечку „купленной“ лошади в руку градоначальника и спокойно пошел домой с вырученными деньгами в кармане.

Ахтотай Хурбеддин, дер. Симеиз.

12

О том как Насреддин взялся выпить Черное море

Однажды один богатый бей объявил, что уплатит тысячу червонцев тому, кто выпьет всю воду из Черного моря.

Насреддин тотчас же явился к бею и заявил, что он это сделает.

В объявленный день толпы народа собрались смотреть на представление.

— Я готов,—сказал Насреддин бею.

— Ну, так и начинай,—сказал бей.

— Невежда!—засмеялся Насреддин.—Ты же не соблюдаешь условия. Отведи сначала все реки, впадающие в море. Я же взялся выпить море, но не реки.

Присутствующие сочли требование оджи законным и предложили бею его выполнить.

И так как бей выполнить его не мог, то ему пришлось раскошелиться.

Али Бубуш, д. Кикенеиз.

13

О том, как оджа Насреддин отвадил своего кредитора

Так как у оджи было много долгов, то кредиторы не упускали случая, чтобы досаждать ему своими напоминаниями.

Однажды, увидя из окна подходящего к сакле кредитора, Насреддин подозвал жену и так ей сказал:

— Как только подойдет этот шайтан, ты ему скажи, что меня нет дома. И скажи ему, чтобы он не беспокоился, ибо я пошел приготовить ему

свой долг. Скажи так: оджа Насреддин отправился в деревню, чтобы посеять вдоль дороги репейник. Если репейник благополучно примется и взойдет, то совершенно ясно, что когда он вырастет, около него будут ходить овцы наших соседей. Они будут ходить и чесаться об его колючки. При этом шерсть овец будет цепляться за репья и в конце-концов на репейнике будет висеть ее немало. Тогда Насреддин (так скажи этому чорту) пойдет на этот свой посев и соберет изрядное количество войлока. Этот войлок он повезет на базар и, продав его, выручит денег даже больше, чем нужно, чтобы расплатиться с долгами всей деревни. Таким образом кредитор может быть совершенно спокойным—долг свой он получит сполна.

Пока Насреддин говорил эту речь, кредитор стоял под окном и подслушивал. Убедившись, что ему не удастся получить ни одного пиастра, он наконец плюнул и подался во-свояси.

А великолепнейший Насреддин оджа, увидев это, весело засмеялся и сказал жене:

— До чего же простодушны и доверчивы люди! Этот дурень и в самом деле поверил, что он получит свой долг. Он настолько обрадовался, что у него даже слюни потекли, и он без оглядки побежал домой, чтобы поделиться удачей со своей женой.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

14

О первой смерти оджи Насреддина

Насреддин задолжал большую сумму своему богатому соседу.

Подошел срок расплаты. Оджа позвал жену и сказал ей, чтобы она немедленно отправилась к соседу и сказала бы, что Насреддин умер.

— Скажи ему, что перед смертью я просил, чтобы он разорвал мой вексель, ибо иначе душа моя будет терзаться и в том мире.

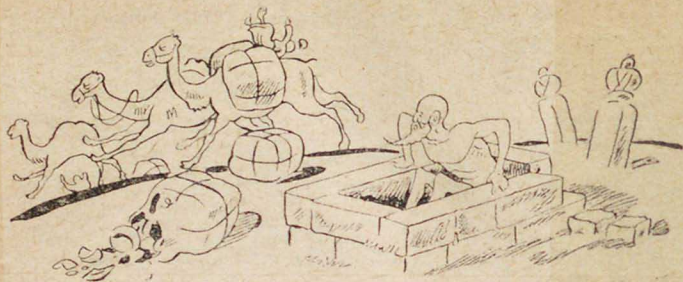
Жена точно исполнила поручение. Она надела такого шума и плачу, что богач прибежал удостовериться в смерти оджи.

Насреддин лежал в гробу со сложенными руками.

Пристыженный соседями богач вынужден был разорвать вексель.

Насреддин оджа тотчас же поднялся и возблагодарил аллаха.

Сент Халиль Шюкри, дер. Маркур.

15

О второй смерти оджи Насреддина

Показалось однажды одже, что сочтены уже дни его жизни и близок последний его час. Простился он со всеми односельчанами, пошел на кладбище и лег там в одном из склепов. И приготовился достойно встретить смерть.

Лежит час, лежит два. Вдруг слышит надвигается издали какой-то шум, звон и стук.

— Эге, — решил оджа, — значит уже идут за мной. Это, как видно, Мункир и Некир. Узнали, стало быть, о моей смерти и идут, чтобы взять у меня отчет о всех моих прегрешениях.

И стало Насреддину немного не по себе.

А этот шум исходил, между тем, от большого каравана верблюдов, который вез вьюки с посудой и в этот момент шел по дороге мимо кладбища.

Чем ближе подходил караван, тем страшней и страшней становилось Насреддину. Наконец, когда звон раздался чуть ли уже не над самым его ухом, Насреддин не выдержал и как был, голый и босый, выскочил из могилы.

Внезапное появление оджи так напугало верблюдов, что они со всех ног бросились врассыпную и как безумные начали прыгать через склепы и могилы. От этой скачки выюки с посудой стали биться о надгробия и скоро от хрупкого груза остались только жалкие осколки.

Гнев хозяев невозможно описать. Они поймали Насреддина, повалили его на землю и избили до полусмерти.

Когда Насреддин приплелся домой, вся деревня высыпала встречать воскресшего из мертвых.

— Ну как, оджа, на том свете? Что ты там видел? Хорошо ли там?

— Дети мои!—ответил Насреддин.— На том свете прекрасно. Но когда вы отправитесь туда, советую вам: не пугайте по дорогам верблюдов.

Абдуль-Алим-Билял-оглу, дер. Кикенеиз.

О третьей смерти оджи Насреддина

Однажды Насреддин оджа рубил в лесу дрова. Он взобрался на дерево, сел на ветку лицом к стволу и стал подрубливать сук, на котором сидел.

В это время мимо проходил чабан. Он увидел Насреддина и предупредил его:

— Эй, оджа! Кто же так рубит? Сядь спиной к стволу, а то ты упадешь на землю вместе с веткой.

Насреддин не послушался доброго совета, рубанул еще несколько раз и со всего размаха треснулся на землю.

Очнувшись после падения, оджа поднялся, потер бока и кинулся догонять чабана.

— Подожди, добрый человек, подожди минутку!—остановил он его.—Аллах наградил тебя даром прорицания. Если уж смог ты предвидеть свое падение, то вероятно сможешь предсказать и день моей смерти. Скажи мне, прошу тебя, долго ли мне осталось жить и по каким признакам узнаю я приближение своей смерти?

Сколько ни отнекивался чабан, не мог убедить оджу, что он не прорицатель. Все с большим и большим жаром упрашивал Насреддин указать рок его жизни. Наконец, чтобы отделаться от настойчивого оджи, чабан сказал:

— Ну, ладно. Знай, что смерть настигнет тебя сейчас же после того, как осел твой трижды закричит громким голосом.

И, посмеявшись в душе над простодушием Насреддина, чабан пошел своей дорогой.

Оджа собрал дрова, нагрузил ими до отказа своего ишака и двинулся домой.

Ноша осла оказалась такой тяжелой, что не прошло и десяти минут, как бедное животное остановилось и испустило резкий крик.

— Ля иллях!—воскликнул Насреддин.—Смерть моя, вероятно, уже близко.

И, огорчившись до бесконечности, оджа погнал ишака, чтобы успеть вернуться домой.

Но не прошел Насреддин и двадцати шагов, как ишак снова остановился и, несмотря на усилия оджи зажать ему рот, огласил лес громким криком.

— Значит скоро,—подумал оджа.—Азраил, как видно, уже подстерегает меня. Пора готовиться к смерти.

И, не теряя ни минуты, Насреддин снял свое джуппе, чтобы набросить его на себя перед тем как ангел заберет его душу.

Как только он снял его, осел раскрыл рот и закричал в третий раз.

Услышав сигнал смерти, Насреддин решил, что его уже нет в живых, упал на землю и прикрыл свое тело одеждой.

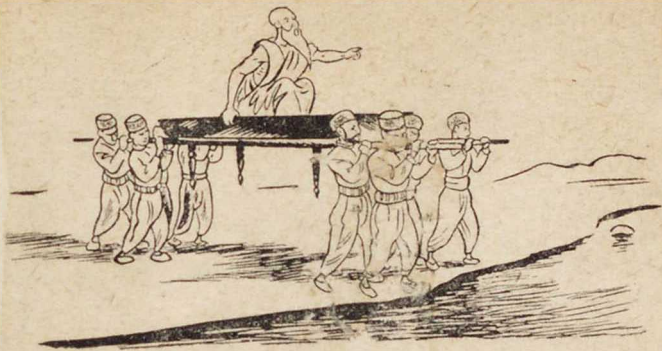
Прошел день, прошел другой—пропал Насреддин оджа. Родичи с ног сбились, разыскивая его, вся деревня подняла тревогу. Целый день разыскивали в разных концах. И, наконец, нашли оджу лежащим без движения там, где застал его ослиный крик.

Навзрыд плакали все соседи, криком кричала жена, но слезами горю не поможешь: положили оджу на арбу, прикрыли его ветками и повезли в деревню.

Там, по обычаю, омыли его тело, одели в саван и, положив на катафалк, повезли на кладбище. Вся деревня пошла провожать своего любимца.

Везли-везли Насреддина, вдруг на дороге речка. Нужно вброд перевозить. А где мельче брод—никто не знает.

Стали обсуждать, где лучше перевозить. Спорили-сперили, прямо зло берет на глупость их

смотреть. Приподнялся Насреддин, показал пальцем на мелкий брод и

— Глупцы! Когда я был в живых, я со своим шаком всегда переходил вот в этом месте.

Али Б. Буш, дер. Кикенеиз.

17

**О тепле звезд, долготерпеливых гостях и не
состоявшемся ифтаре или о том, как обманщик
остался обманутым**

В один холодный зимний день односельчане Насреддина, собравшиеся в кофейне, стали спорить—смог ли бы кто-нибудь из них выйти сейчас на улицу совершенно голым.

В это время в кофейню вошел Насреддин оджа. Присутствующие, чтобы вовлечь в эту затею оджу, стали спорить с еще большим жаром.

— Я отдам свою корову тому, кто голым проведет на улице ночь, не обогреваясь около огня,— заявил сидевший в кофейне мулла.

Раззадоренный Насреддин не выдержал и сказал:

— Что ж тут такого, почтенные друзья, да-
вайте, я покажу вам, что ничего особенного в
этом нет.

С этими словами Насреддин сбросил с себя
рубаху, снял штаны и, в чем мать родила, вышел
на улицу. Кейфующие односельчане целую ночь
покатывались со смеху, наблюдая за оджой. А
Насреддин, тысячу раз проклиная аллаха и его
служителей, подпрыгивая от холода, проторчал
в снегу до самого утра. На следующий день вновь
собрались в кофейне спорщики. Явился и На-
среддин.

— Ну-ка, давай корову!—обратился он к про-
спорившему мулле.

Благочестивый служитель корана уже готовил
одже ответ.

— О, мудрейший оджа!—возговорил он.—Ты
провел голый всю ночь на улице, это такая же
правда, как то, что Магомет пророк аллаха. Но
позволь мне задать вопрос: смотрел ли ты в это
время на светящиеся в небе звезды?

— Да, смотрел,—удивился этому вопросу На-
среддин.—А что?

— Ну в таком случае ты не выполнил условия,
дорогой оджа. У нас был такой договор, чтобы
ты не грелся возле огня, а ты преступил это
условие и всю ночь обогревался теплом этих
звезд.

— Правильно, правильно!—закричали те, кото-

рые были на стороне мุลлы.—Нечего тебе теперь, оджа, рассчитывать на корову.

Как ни бесновался Насреддин—ничего не помогало. Пришлось ему обманутому вернуться домой ни с чем.

— Ладно же, окаянный прихвостень Магомета!—подумал он,—припомнятся же тебе эти звезды.

В скором времени довелось Насреддину встретить муллу с его приятелями на базаре.

Дело это случилось вечером и было это на исходе священного дня Уразы. В этот вечер правоверные должны были вознаграждать себя за длительные часы поста жирным пловом, шашлыками и чебуреками.

— Селям алейкум, благоверные дети пророка!—обратился Насреддин, подходя к обманщикам.— Не откажите мне в этот святой день своим высоким посещением. Не обидьте, прошу вас, отказом, пойдемте ко мне отведать вместе вечерний ифтар и да пошлет вам пророк на своих небесах тысячи гурий за вашу любезность.

Ничего не подозревающие святоши, уже успев забыть о тепле звезд, с удовольствием приняли предложение, ибо решили, что объесть Насреддина им повелевает сам бог.

Насреддин оджа тут же на базаре закупил баранины, фасоли, жира и катыка и повел гостей в свою саклю.

Придя домой, он развел на дворе костер и при-

готовил три кастрюли. В одну положил он мяса, в другую—овощей и в третью—бараньего жиру. Приготовив все это, поставил он эти кастрюли никак не ближе, чем в тридцати шагах от огня.

Гости, не видевшие этого, терпеливо стали ждать ужина. Прошел час, прошел другой и третий, наступила, наконец, полночь. Насреддин, наевшийся заранее, как ни в чем не бывало, беседовал с муллою о богоугодных делах. А тот уже поводил носом и поглядывал на дверь в ожидании вкусного угощения. То же проделывали и его друзья. Ждали, ждали гости и стали спрашивать у гостеприимного хозяина, скоро ли, наконец, будет готов ужин?

— Еще минуточку,—отвечал невозмутимый оджа,—вот только подогреются кастрюли.

Еще ждали гости, совсем свело им бока от голода, а об ифтаре не было ни слуху, ни духу.

Почуяв, наконец, что они попались на удочку, благочестивцы поднялись, чтобы попрощаться с хозяином, но Насреддин опередил их, выскочил из комнаты, запер гостей на ключ и закричал со двора:

— Не могу я, о, правоверные, взять на себя такой грех и отпустить вас без ифтара. Придется вам потерпеть еще немножко.

Хочешь не хочешь, пришлось гостям промучиться у оджи целую ночь. На утро стали они упрашивать Насреддина дать им хоть кусочек хлеба.

— Что вы, что вы!—воскликнул со двора оджа.—Как могу я, правоверный сын аллаха, преступить законы корана. Повремените еще немного и ифтар будет готов.

Прождали гости еще целый день. Вечером Насреддин открыл наконец дверь и повел шатающихся от истощения гостей к костру.

— Ну, теперь пойдете, почтенные друзья мои, посмотрим, авось наш ифтар действительно уже готов.

Невозможно описать ярость гостей, когда увидели они кастрюли с сырыми продуктами, стоящими в тридцати шагах от костра.

— О, гостеприимный сын пророка!—воскликнули они.—О, любимец аллаха! Разве твой великолепный ум не мог постигнуть того, что продукты никогда не сварятся будучи удалены от огня на тридцать шагов.

— Благословен аллах,—скромно возразил Насреддин.—А вы разве не помните, о, благочестивые внуки Иблиса, как обогрел меня, голого, свет звезд, отстоявших от меня на тысячу тысяч шагов? Почему же было не вскипеть воде в кастрюлях, отстоящих от огня на таком пустяковом расстоянии?

Ничего не оставалось делать мулле и его друзьям, как согласиться с доводами Насреддина и уйти восвояси не солоно хлебавши.

Гарун, дер. Алупка.

18

О цене оплеухи

Мулла той деревни, где жил Насреддин оджа, отличался невероятной жадностью. За венчание он брал совершенно невыносимый побор.

Терпели—терпели парни той деревни, да и пришли с жалобой к Насреддину.

— Не беспокойтесь, друзья,—сказал оджа,—отныне венчать вас буду я. И на зло мулле буду венчать бесплатно.

— Но ведь ты же не мулла,—возразили парни,—и аллах, вероятно, не утвердит твое венчание.

— Подумаешь, какое препятствие!—засмеялся Насреддин.— Я надену чалму и сверху аллах примет меня за своего служителя. Вот и все дело.

Парни нашли эти доводы убедительными и с тех пор, избегая настоящего муллу, стали приходить к Насреддину.

Узнав об этом, мулла принялся призывать проклятия на голову своего конкурента. Но это ничуть не действовало на оджу.

Тогда мулла решил отомстить Насреддину и хлеб свой у него все-таки отвоевать. Он призвал к себе одного пьянчугу и стал подговаривать его за хорошее вознаграждение избить Насреддина.

— Боюсь я, что притянет он меня за это к шарияту,—с опасением сказал пьяница.

— Чего ж тебе бояться,—ответил мулла.—Я ведь и есть шарият, ни к кому другому Насреддин тебя не приведет. А я уж найду средства оставить тебя не в убытке.

Таким образом мулла убедил своего пособника, дал ему хорошую мзду и послал на дело.

Вечером пьяница подстерег Насреддина и, подкравшись к нему, ударил его по щеке. Оджа изловчился, схватил босняка за шиворот и, ни минуты не раздумывая, потащил его к шарияту.

Расспросив тяжбщиков, в чем дело, мулла, будто бы ничего не зная, стал разбирать законы. Долго он рылся в своих книгах и объявил, наконец, что босьяк должен уплатить потерпевшему два акча (сорок копеек).

Пьянчуга принялся рыться в своих пустых

карманах и, не найдя там ни одного пиастра, выпросил у муллы разрешение сбегать за деньгами домой.

Долго ждал Насреддин возвращения хулигана. Ждал он—ждал и увидел, наконец, что дело это совершенно безнадежное. Тогда он подошел к мулле и со всего размаха залепил ему добрую оплеуху.

Мулла так и присел от испуга и удивления.

— Что это значит?!—возопил он.

И тогда оджа Насреддин ответил спокойно и невозмутимо:

— Когда вернется осужденный тобой, то возьми у него эти два акча, которые полагаются мне. Если по твоему шариату одна оплеуха оплачивается сорока копейками, то в таком случае мы с тобой будем квиты.

Садык Топал, дер. Гаспра.

19

О том, как оджу силой заставили есть халву

Проголодавшийся Насреддин забрел в лавку торговца сладостями. Там он подобрался к ящику с халвой и, как ни в чем не бывало, принялся уписывать дорогие лакомства.

Хозяин пришел в ужас.

— Что ты делаешь?!—завопил он.—Разве не

знаешь ты, что за товар нужно сначала заплатить?

Оджа как будто не слышит и продолжает пиршество.

Видя такой раззор, торговец хватает непрошенного гостя за рукав и изо всей силы оттягивает в сторону.

Но с аппетитом оджи справиться не так-то просто. Он зачерпывает халву обеими пригоршнями и набивает ею рот, не обращая ни малейшего внимания на хозяина.

Тогда торговец хватает первую попавшуюся палку и начинает лупить ею Насреддина по чем попало. Однако увлекшийся оджа не чувствует даже ударов.

И только когда вся халва перешла в желудок оджи, он обернулся к толпе, которая собралась посмотреть на представление, и воскликнул:

— О, как счастливы должны быть обитатели сей страны, где голодного человека силой заставляют есть такие прекрасные вещи!

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О рождении миски и смерти котла

Насреддин попросил у своего соседа на некоторое время миску. Тот дал.

Через два дня Насреддин возвращает соседу миску и протягивает вдобавок еще маленькую-премаленькую мисочку.

Удивленный сосед поинтересовался, что это значит?

— Ничего особенного,—ответил оджа.—Твоя большая миска родила эту маленькую.

Обрадованный сосед поблагодарил оджу за восприимчивость и радостно понес обе миски жене.

На другой день Насреддин снова пришел к соседу и попросил у него на время котел. Тот дал с большим удовольствием.

Прошла неделя. Насреддин не возвращает котла.

Проходит месяц. Насреддин о котле ни слова.

Наконец сосед приходит за своим котлом.

— Давай котел, оджа. Понадобился в хозяйстве.

— Увы, увы!—ответил Насреддин,—твой котел, царствие ему небесное, скончался.

— То есть как это скончался?!—закричал сосед.

— Да очень просто. Умер. Уже вторая неделя пошла.

— Ты как видно с ума сошел, старый хрыч! Где это видано, чтобы неодушевленный котел мог умереть?

— Удивляюсь я, дорогой сосед, твоему неверию,—ответил смиренно оджа.—Ведь ты же легко поверил рождению миски. Отчего же так трудно тебе верить смерти котла?

Зелине Кевайская, дер. Алупка.

21

О том, как оджа поспорил с соседом

Один из соседей Насреддина был страстный спорщик и хвастался всегда тем, что его никто никогда не переспорит.

— Ну, ладно,—сказал ему однажды Насреддин.—Давай поспорим, что я поведу тебя к реке и ты вернешься обратно, не напившись воды.

Сосед самодовольно засмеялся и сказал:

— Ой, оджа, ты же проспоришь в два счета. На что спорим?

— На барашка.

— Идет!

Не теряя времени, спорщики двинулись к речке. Но едва только подошли они к самой воде, Насреддин хлопнул себя по лбу, засмеялся и сказал:

— Ну и дураки! А свидетель?

- Какой свидетель?
— А как же мы докажем, кто из нас прав?
— А ведь и правда,—согласился сосед.

И спорщики пошли обратно в деревню за свидетелем.

Вошли в кофейню.

— Ну, давай барашка,—сказал Насреддин.

— Какого барашка?

— Мы у речки были?

— Были

— Ты воду из нее пил?

— Нет.

— Ну так чего ж ты медлишь? Давай барашка.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

22

Еще один спор Насреддина с соседом

— Давай поспорим, что тебе не удастся меня обмануть,—сказал однажды Насреддину один сосед.

— Давай,—согласился оджа.—А на что?

— На сотню орехов.

— Хорошо,—сказал Насреддин,—только подожди меня здесь, я сбегаю посмотрю, есть ли у меня дома орехи.

Стоит спорщик и ждет оджу. Стоит час, стоит два, стоит три—нет Насреддина. Так простоял до вечера.

На другое утро встречаются.

— Ну, давай орехи,—говорит Насреддин.

— Да ведь никто из нас еще не проиграл,— заметил спорщик.

— Давай, давай,—засмеялся оджа.—Неужели за целый день, пока ты, как дурак, торчал, ожидая моего прихода, ты не догадался, что я уже обманул тебя?

А бибула Софу, дер. Озенбаш.

23

О чудесном бурдюке или о том, как Насреддин отпустил грехи Сары-бею

Как-то раз оджа Насреддин остался без единой копейки в кармане. Нужно было доставать денег.

Недолго думая, он вытащил из сарая старый овечий бурдюк, надул его и, взяв подмышку, отправился на базар. Там он выбрал самое людное место и закричал:

— Эй, правоверные, кому угодно избавиться от грехов?!

Зазывания Насреддина тотчас же привлекли внимание всего базара. Из толпы выделился один человек и подошел к одже. Это был самый зловредный богач деревни, алчный и трусливый Сары-бей.

— Хотя я и не чувствую за собой грехов,—сказал он,—но если ты выпустишь из меня некоторые из них, я отдам тебе целый червонец.

— Хорошо,—сказал Насреддин,—дуй же, что есть мочи, в этот бурдюк. Чем больше будешь ты дуть, тем больше выдуешь из себя грехов.

Сары-бей уплатил червонец и, взяв отверстие бурдюка в рот, принялся дуть, напрягая все силы.

В эту минуту Насреддин незаметно от бея, надавил на бурдюк. Воздух из бурдюка сразу же вырвался через отверстие и ворвался в рот и легкие Сары-бея.

— Что я наделал!!—закричал в ужасе бей.—Я напустил в себя миллион чужих грехов! Ради аллаха, спаси меня, оджа, иначе мне не избежать когтей Иблиса.

— Давай сто червонцев, тогда спасу,—сказал Насреддин.

Скуп был Сары-бей, но трусость его была сильнее скупости. Хоть и жалко ему было ста червонцев, но страшнее был ад со своими чертами.

Раскошелился богач и вынул деньги.

Получив деньги, Насреддин выпустил из бурдюка весь оставшийся там воздух и заставил бея надуть его своими грехами.

После этого он отпустил с миром Сары-бея и начал принимать очередных клиентов.

Али Бубуш, дер. Киксенеиз.

Половина абдеста

Как-то раз во время совершения обычного абдеста Насреддин заметил, что воды у него так мало, что хватит только на омовение одной ноги, на другую же ничего не останется.

Несмотря на это, оджа заканчивает священный обряд на половине, проходит на свое место и начинает творить намаз. Но становится не так, как все остальные, а лишь на одну ногу. Неомытую же ногу, как гусь, поджимает под себя.

Удивленные молеельщики, не понимая, в чем дело, задают Насреддину вопрос: чем вызвана такая необычная поза?

— Тише, тише,—шопотом ответил оджа.—Я прячу неомытую ногу от аллаха. Прошу вас, не говорите об этом громко. А то он услышит, в чем дело, и весь мой намаз пропадет даром.

М у с т а ф а Т о п а л, дер. Гаспра.

Об одном неудавшемся абдесте или о том, что старая туфля ценнее молитвы, посылаемой аллаху

Готовясь к обычному намазу, Насреддин совершал абдест на берегу реки. От неловкого движения одна из его туфель упала в воду и поплыла вниз по течению.

В мгновение ока Насреддин пачкает вымытые ноги и кричит:

— Стой, стой, окаянная речка! Забирай к чорту свой абдест, давай назад туфлю!

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Надо же когда-нибудь отдохнуть

Надоело Насреддину каждый день ходить в мечеть. Вот как-то закричал муэдзин с минарета свой обычный изан,—оджа взял да и спрятался у себя в чулане.

Прошел час, прошел другой—нет Насреддина. Заходит случайно в чулан дочка оджи, смотрит—лежит отец под бочкой и спит.

— От кого ты прячешься, отец мой?—спросила она, растолкав оджу.

— От аллаха, ну его совсем. Оставь меня в покое, дочь моя, я хочу хоть одни сутки не быть мусульманином.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

27

О том, что ответил Насреддин дервишу, когда тот назойливо приставал к нему

Один назойливый дервиш досаждал Насреддину своими приставаниями.

— Да откуда ты взялся тут на мою голову?— рассердился наконец оджа.

— Я—божий гость.

Оджа схватил прощальную за рукав и потащил в мечеть.

— Всякому овощу свое место! Для божьих гостей вот божий дом.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

28

Шутки аллаха не всегда уместны

Настреляв однажды на охоте перепелов, Насреддин решил прихвастнуть и задать пир соседям. Он заставил жену изжарить дичь и приготовить все, чтобы достойно встретить гостей.

Когда все было готово, Насреддин и его жена отправились звать гостей.

В это время один из проказников, желая подшутить над оджой, вытащил из сагана изжаренных перепелок и посадил вместо них, прикрыв крышкой, живых перепелов.

Рассадив за столом гостей, Насреддин еще раз поведал всем об удаче, а затем, призвав насладиться результатами охоты, торжественно открыл крышку сагана.

Каково же было изумление всех, когда из открытого сагана выпорхнули живые перепелки и, хлопая крыльями, устремились в окно.

Когда все пришли в себя, Насреддин сказал:
— Я всегда говорил, что аллах велик. И я рад, что он возвратил души этим симпатичным пичугам. Но позвольте его спросить: возвратит ли он мне мое масло, перец, соль и дрова?

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

29

Об ученых зайцах и о глупом кадии или о том, как, не имея гроша в кармане, можно не только хорошо пообедать, но и приобрести тысячу червонцев

Однажды, когда у Насреддина вышли все деньги, он пошел к знакомому охотнику и попросил у него двух живых зайцев, которых тот принес с охоты.

Вернувшись с этими зайцами домой, оджа позвал жену и сказал:

— Я возьму одного из этих зайцев и пойду к нашему кадию. А ты тем временем займи у соседки бараньего мяса и приготовь из него супу, шашлыков и чебуреков. Мы придем с кадием

сюда, и когда он спросит, откуда ты узнала, что он идет к нам в гости, ответь, что тебе сказал об этом заяц. При этом укажи на того зайца, которого я оставляю дома.

Сказано-сделано. Жена побежала к соседке, а Насреддин положил в мешок одного из зайцев и отправился к кадию.

Кадий, хоть и был зол на оджу за прежние истории, однако принял его по законам гостеприимства и, посадив на тахту, постарался занять его разговорами.

Так они посидели с полчаса. Наконец Насреддин обратился к кадию и сказал:

— Знаете ли что, кадий эфенди, не пойти ли нам ко мне? Я сейчас же отсюда передам жене, чтобы она приготовила нам обед, и мы проведем приятно время, оставшееся до намаза.

— А как же вы передадите ей это?—спросил кадий.—До вашего дома не так-то уж близко.

— Это совсем нетрудно,—ответил Насреддин.— Я скажу моему зайцу, который сидит здесь у меня в мешке, и он в мгновение ока передаст жене заказ на те кушанья, которые мы здесь с вами пожелаем.

— Что это вы, оджа, выдумываете?—засмеялся кадий.—Разве может заяц выполнить такое поручение?

— Так вы разве не знаете еще до сих пор моего зайца?—воскликнул удивленно Насреддин.—

Разве я не говорил вам о нем? Ну так знайте же, что этот заяц ученый, и мудрость его превосходит мудрость нашего муллы. Да вы сами убедитесь в этом. Скажите мне, чего бы вам хотелось к обеду?

— Ну я бы хотел, например, шашлыку,—недоверчиво сказал кадий.

— Вот и прекрасно! А я закажу себе бараньего супу и чебуреков. И вы увидите сами, какое сокровище я имею в лице этого длинноухого.

С этими словами Насреддин вытащил из мешка зайца и, наклонившись к его уху, сказал:

— Беги домой и передай жене, чтобы она тотчас же приготовила нам шашлыку, чебуреков и супу с бараниной.

После этого оджа открыл дверь и выпустил зайца на улицу.

Тот быстрее ветра кинулся бежать.

— Эх, убежит он в лес,—сказал кадий.—Не верю что-то в его способности.

— Как вы маловерны, эфенди,—засмеялся оджа.—Пойдемте!

И Насреддин повел гостя к себе на угощение.

Когда кадий вошел в саклю оджи, удивлению его не было пределов. На столе стояли блюда с шашлыком и чебуреками, а в миске дымился суп с бараниной. Еще больше поразился кадий, когда увидел зайца, сидящего себе спокойно на кушетке.

— Ой, оджа!—воскликнул кадий.— Заяц ваш действительно чудодейственный. Продайте его мне.

— Что вы, что вы!—замахал руками Насреддин.— Да разве можно говорить такие слова? Да без этого зайца я как без рук. Разве может итти речь о продаже.

Кадий уселся за шашлык, но мысль купить зайца не покидала его. Эта мысль все больше и больше завладевала им. Он уже представлял себе, сколько выгоды принесет ему такой расторопный слуга.

— Вот что, оджа,—сказал он наконец.— Что если бы я предложил вам за него сто червонцев?

— Нет, нет!—закричал оджа.

Кадий помолчал.

— А если двести?

— Не теряйте даром времени! Зайца я не продам.

Кадий раззадорился еще больше.

— Оджа, а оджа! Пятьсот червонцев дам я за этого зайца! Уступите, прошу вас.

— Ой, эфенди, вы что, смеетесь надо мной?

Кадий не унимался.

— Я дам семьсот.

— Нет.

— Я дам восемьсот!

— Нет!

— Ой, оджа. Я вам тысячу червонцев дам. Продайте зайца. Ну, я вас прошу, продайте!

— Ну, так и быть!—закричал Насреддин,—ради

нашей дружбы я уж не в силах отказать вам. Давайте деньги!

Кадий вытащил кемер и отсчитал Насреддину тысячу червонцев. Насреддин с удрученным видом положил их в карман.

— Ну,—сказал кадий,—теперь мы заставим зайца сбегать к моей жене и передать чтобы она приготовила нам ужин. Чего бы вы хотели покушать сегодня?

Положение у Насреддина аховое.

— Да может быть не стоит беспокоить супругу вашу? Не отложить ли нам на другой день?

— Нет, отчего же, заказывайте ужин. Чего вы хотите?

Что было делать одже? Заказал баклаву.

— Ну и прекрасно. А я закажу фрукты: инжир и орехи.

С этими словами кадий берет в руки зайца и нашептывает ему на ухо. Потом отворяет дверь и выпускает его на улицу. И заяц стремглав отправляется по пути своего собрата.

Не особенно веселый шел Насреддин к кадию.

— Вот чортов сын,—думал он,—втемяшилось же ему в башку проверять зайца сегодня же. Не мог подождать хоть до завтра.

Когда подошли к дому, кадий с самодовольным видом открыл дверь и закричал:

— Ну-ка жена, все ли готово? Подавай баклаву, подавай инжир.

— Какую баклаву?—спросила жена.—Какой инжир?

— Давай, давай, нечего медлить! Тащи все, что приготовила.

— Ой, эфенди,—рассердилась жена,—вы видно смеяться надо мной вздумали. Ничего я не приготовила, откуда же я знала, что вы придете?

— Как так не знала? Да заяц разве тебе ничего не передавал?

— Помилуй, аллах, какой заяц?

— Заяц, мой посланник.

— Первый раз слышу.

Кадий обернулся к Насреддину. Тот смотрел на него со спокойным невозмутимым видом.

— Это что же такое, оджа Насреддин?—закричал кадий.—Это как же называется, а? А ну-ка, давай назад деньги, чортов обманщик, шайтанов прихвостень!

И на оджу посыпались такие проклятия, каких еще свет никогда не слышал. Кадий бесновался, брызгал слюной, бил себя в грудь и прыгал вокруг оджи, потрясая кулаками.

Насреддин выждал минуту, потом придержал кадия и сказал:

— А позволъ-ка, эфенди, спросить, какие это слова шепнул ты тогда на ухо зайцу?

— Я сказал ему, чтобы он приказал жене приготовить для нас баклаву, инжир и орехи.

— А больше ты ничего не говорил?

— Нет больше ничего не говорил.

Насреддин всплеснул руками и засмеялся.

— Эх ты, чудак, чудак! Да ты же адреса не сказал ему. Как же он мог найти твою квартиру? Ищи теперь ветра в поле!

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

30

О том, как не следует, где попало, забывать лестницы

Христианские попы, желая поставить оджу втупик, спросили у него:

— Скажи нам, эфенди, каким образом влез на небо ваш пророк Магомет?

— По лестнице, которую забыл снять ваш пророк Иса,—ответил Насреддин, не думая ни минуты.

Абдула Софу, дер. Озенбаш.

Тройная бухгалтерия

Однажды Насреддин отправился в соседнюю деревню, чтобы получить долг от своего знакомого (а долгу то всего было 3 акча).

На его беду из этого предприятия ничего не получилось. Должник клялся, божился и призывал в свидетели аллаха, что у него нет ни гроша. Пришлось Насреддину ни с чем повернуть во свояси.

Усталый, злой и голодный возвращался он домой. Есть так хотелось, что сосало под ложечкой.

Как на грех по дороге попалась пекарня. От аппетитного запаха, который оттуда шел, у оджи даже слюни потекли. Прямо на подоконнике лежали только что испеченные, еще теплые булки. Хоть и знал Насреддин, что у него нет ни гроша, но обшарил еще раз карманы. Пусто. Походил, походил около—нет больше мочи терпеть. Подошел и взял одну булку.

Потом отошел в сторону, сел под дерево и, возведя очи к небу, сказал:

— Аллах! Ты отлично знаешь, что я голоден. Не менее хорошо известно тебе, что у меня нет ни копейки. Сделай мне, пожалуйста, одолжение. Дурсун из деревни Пунар-баши, которого ты прекрасно знаешь, должен мне три акча. Не сочти,

алла, за труд, возьми у него из этих денег один акча и уплати, пожалуйста, пекарю.

И, очистив совесть, Насреддин принялся за трапезу.

Абдула Софу, дер. Озенбаш.

32

Первое завещание Насреддина оджи

Однажды Насреддин оджа тяжело заболел.

Призвав своих друзей и соседей, он сказал им:

— Вот что, друзья мои. Когда я умру, то похороните меня, прошу вас, не так, как обычно, а головой вниз.

— Почему же так?—спросили удивленные друзья.

— Да видите ли,—ответил оджа,—когда наступит конец света, и земля, как учит тому коран, перевернется, то все глупцы окажутся поставленными вверх ногами, и лишь я один буду находиться в подобающем такому важному моменту положении.

Сайдэ Усеинова, дер. Дереккой.

Второе завещание Насреддина оджи

Когда Насреддин заболел, он позвал к себе своих друзей и так сказал им:

— Друзья мои! Завещаю вам, когда аллах примет в свои руки мой дух, отнесите меня на кладбище, но яму мне не ройте, а похороните в какой-нибудь старой могиле.

— Почему же так?—спросили присутствующие.

— Какие же вы несообразительные,—ответил оджа.—Да, ведь, когда придут ко мне за допросом Мункир с Некиром и увидят, что я лежу в старой могиле, они подумают, что я уже давно допрошен, и мне удастся таким образом отвязаться от назойливости этих слуг аллаха.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

Совет оджи Насреддина на случай похорон

Насреддина спросили:

— Скажи нам, оджа, в тех случаях, когда приходится участвовать в похоронной процессии, где подобает находиться: перед гробом или за гробом?

— Безразлично,—ответил Насреддин.—Лишь бы не внутри его.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

Об одноногом подношении хромоногому владыке

Однажды Тамерлан обложил все население своей страны новой податью:—каждый житель должен был принести ему к празднику битой птицы.

Нечего делать, поймал и Насреддин последнего своего гусака, зажарил его и понес повелителю.

Вот он шел-шел (а итти было далеко), и разобрал его дорогою голод.

Поразмыслил немного оджа, отрезал у гуся одну ногу да и насладился ею.

Собственноручно приняв подать, Тамерлан хотел уже поблагодарить оджу, как вдруг обнаружил, что у гуся недостает одной ноги.

— Куда же делась вторая нога?—спросил он у Насреддина.

— Какая вторая нога? —изумился оджа.—За чем ты насмехаешься, повелитель? Разве ты не знаешь, что в этих краях у всех гусей только по одной лапке?

Тамерлана возмутила такая явная ложь, и он приготовился было притти в ярость, но Насреддин почтительно поклонился и предложил:

— Если ты мне не веришь, о, царь царей, то что нам стоит выйти к пруду и на примере убедиться в истинности моих слов.

Желая хоть раз припереть оджу к стене, Тамерлан подавил в себе гнев и усмехаясь согла-

сился с предложением Насреддина. В сопровождении свиты об руку с Насреддином он вышел во двор и подошел к пруду.

На бережку стояла целая стая гусей. Каждый гусь стоял на одной ноге.

— Ну вот видишь?—самодовольно улыбнулся Насреддин.

— Ударь в барабан,—приказал Тимур одному из телохранителей.

Телохранитель тотчас же исполнил волю повелителя. И как только он это сделал, все гуси стали на обе лапы и бросились в рассыпную.

Обрадовавшись, что ему удалось, наконец, осрамить Насреддина, Тамерлан обратился к нему и злорадно засмеялся.

— Не правда ли, оджа, у этих птичек все-таки по две ноги?

— Скажите, пожалуйста,—пожал плечами Насреддин.—Да если бы я тебя стукнул так по голове, ты бы не то что на двух, на всех четырех ногах заковылял бы.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О том, как оджа Насреддин обучил грамоте Тамерланова ишака

Однажды один из жителей Анатолии подарил Тамерлану великолепного ишака. Все царедворцы наперебой расхваливали перед Тимуром достоинства этого животного. При этом присутствовал и оджа Насреддин. Когда очередь дошла до него, Насреддин обратился к Тамерлану и сказал:

— Способность этого осла настолько велика, что я берусь научить его грамоте. И мне достаточно будет для этого только трех месяцев.

Тамерлан был очень удивлен таким предложением и сказал:

— Хорошо. Если за три месяца ты научишь его читать, я дам тебе тысячу червонцев. Если же не научишь, — прикажу утопить тебя в реке.

Три месяца жил припеваючи Насреддин, проедая деньги, выдаваемые из казны на учебные пособия для осла. Наконец наступил день проверки.

В этот день весь город собрался ко дворцу Тамерлана смотреть на невиданное зрелище.

Насреддин вывел своего ученика на середину круга, поставил перед ним стол и положил перед самой ослиной мордой толстую книгу корана.

Все затаили дыхание.

И случилось невероятное. Осел взял зубами обложку и раскрыл книгу. И начал внимательно водить мордой по странице, шевеля при этом своими губами. Прочитав таким образом страницу, осел перевернул ее губами и углубился в следующую.

Все сидели пораженные. А осел продолжал упиваться кораном.

Наконец Тамерлан поднялся с места и закричал:

— Получай деньги, Насреддин оджа! Ты выполнил свою задачу.

Оджа подошел к казначею и получил тысячу червонцев.

Когда он сел на место, на него обрушился целый град вопросов:

— Скажите, оджа, как это вы умудрились успеть в столь трудном деле?

— Какие методы применили вы при его обучении?

— Много ли пришлось вам помучиться с его характером?

Насреддин загадочно молчал.

Тогда поднялся главный мулла и сказал:

— Вот сила корана! Даже глупое животное подвержено могуществу священного писания, даже на него повлияли откровения Магомета.

— Дело обстоит значительно проще,—сказал наконец Насреддин.—И откровения твои тут, как пятое колесо к телеге. Просто я насыпал между страницами книги овес и за три месяца приучил ишака переворачивать эти страницы только после того, как весь овес с предыдущей страницы уже съеден.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

37

О том, что нужно знать хорошему педагогу

Насреддин оджа взялся научить грамоте любимого ишака Тамерлана.

— Через десять лет он будет умнее нашего муллы,—сказал оджа.

— Хорошо,—согласился Тимур.—Я тебе буду платить за труды сто червонцев в месяц. Но если через десять лет ишак не будет читать, я отрублю тебе голову.

— По рукам,—сказал оджа Насреддин.

— Что же ты сделал?—сказали Насреддину друзья.—Ведь ты теперь погиб. Где же это видано, чтобы ишак научился читать?

— Невежды!—засмеялся Насреддин.—Сто червонцев в месяц и добрый ишак в хозяйстве—это не каждому удается. А о голове моей не плачьте, за десять лет кто-нибудь уж обязательно умрет—или Тимур, или я, или ишак.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Насреддин на джериде Тамерлана

Однажды Тамерлан решил вызвать Насреддина на состязание в джериде.

— Скажи ему,—приказал Тимур посланцу,—чтобы он оседлал самого горячего своего скакуна и немедленно прискакал ко мне.

Наступил час джигитовки. Все готово, а Насреддина нет. Тимур от нетерпения скрипит зубами.

Наконец появляется дряхлый предряхлый вол, а на нем верхом оджа.

— Ты что же, смеяться надо мной вздумал?—закричал Тамерлан.—Кто же джигитует на таких развалинах?

— Не увидев речку, не снимай папучи,—ответил спокойно оджа.—Ты сначала разузнай, а потом кричи. Сорок лет назад, когда этот вол был еще теленком, он был так резв, что ни одна лошадь не могла за ним угнаться.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

О том, как оджа Насреддин не пожелал присниться Тамерлану

Насреддин оджа, живя при дворе Тамерлана, услышал как-то, что этот грозный царь казнит всех тех, кого он увидит во сне.

Не упуская минуты, оджа собрал пожитки и был таков.

Когда он вернулся к себе в деревню, односельчане встретили его с укоризной.

— Эх, оджа, оджа! Только ты один ведь и мог смягчать гнев властителя и защищать всю нашу округу от его жестокости. Ну почему, ну почему ушел ты от него?

— Дети мои!—ответил оджа.—Ваша правда— в моих силах было усмирять ярость этого чорта. Но мог я это делать только наяву. Чувствую же я, что как только попадусь ему во сне, растеряюсь тогда—и все пропало. И еще скажу вам: спрячьте меня куда-нибудь подальше.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

О слоне Тимура и сердобольном Насреддине

Могущественный Тамерлан направил в ту деревню, где жил Насреддин, на постой одного из своих слонов.

Слон оказался страшным обжорой, и вскоре от него прямо житья не стало. Крестьяне впали в уныние и не знали, что делать. Наконец они пришли к Насреддину и стали упрашивать его, чтобы он возглавил делегацию, отправляющуюся к Тамерлану с просьбой избавить деревню от прожорливого животного.

Нечего делать—согласился оджа.

Но случилось так, что когда просители явились к сералу, то один уже вид дворца грозного повелителя так напугал их, что у них душа ушла в пятки. И вот, подталкивая Насреддина вперед, трусливые просители мало-по-малу стали разбегаться и, наконец, улетучились все до одного.

Очутившись во дворце, Насреддин оглянулся вокруг и убедился, что добрые соседи оставили его один на один с грозным властелином.

— Прекрасно!— сказал Насреддин.— Вы меня подбросили в пасть этого волка, а сами разбежались. Прекрасно!

— Чего ты хочешь?— спросил Тимур.

— Да вот по поводу слона,— ответил Насреддин.— Видишь ли, падишах, ты изволил поместить в

нашей деревне одного из твоих слонов, да продлит его дни аллах. Так вот, мы немного недовольны.

— Чем же вы недовольны?—насупил брови Тимур.

— Да как же так! Несчастное животное одно ведь одинешенько. Скучно ему. Не с кем и душу отвести. Прямо извелись мы, глядя, как оно тоскует. Покоя не дает нам его уныние. Вот и пришли мы просить тебя, чтобы соизволил ты нам оказать еще одну милость и прислал бы к слону слоницу.

Тамерлан остался доволен такой просьбой и тотчас же приказал, чтобы ее исполнили.

Когда Насреддин вернулся домой, его спросили:

— Ну как?

— Все слава богу. Дело устроено. К вечеру ожидайте слоницу.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

41

О будущем человеческого рода

Тамерлан призвал Насреддина оджу и спросил его:

— Скажи мне, мудрец, до какого времени будут рождаться на земле люди?

— До тех пор, пока рай и ад не набьются ими до отказа,—ответил Насреддин.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

О том, как оджа Насреддин выполнил порученную ему дипломатическую миссию

В те времена, когда Константинополь находился еще в руках греческих царей, турецкий султан отправил к императору Константину посольство. Главным советником поехал Насреддин оджа.

Император принял оджу с великими почестями и пригласил его на высший государственный совет.

Открыв совет, Константин взял в руки мел и начертил на столе большой круг.

Насреддин оджа взял тоже кусочек мела и разделил этот круг пополам.

Император, поняв намек, вспылил и, выхватив свой кинжал, вонзил его в центр круга.

Тогда Насреддин оджа спокойно вытащил из кармана два яйца и положил их на стол.

После этого он обратился к недоумевающим визирям Константина и спросил их:

— Уразумели ли вы смысл наших переговоров?

Те в один голос ответили, что не поняли ни бельмеса.

— Внимайте же мне, о, светочи мудрости. Когда ваш падишах начертил круг, он хотел этим сказать, что весь мир принадлежит ему, греческому императору. Я же разделил этот круг пополам, давая понять, что если половина мира принадлежит ему, то другая половина принадлежит турецкому султану. Но гордость императора так же велика, как уши моего ишака, он не захотел делиться и, воткнув в середину круга кинжал, заявил, что он силой возьмет весь мир. Теперь я думаю вам все понятно?

— Но позволь!—воскликнул Константин,—я не могу понять, что хотел ты возразить на это, когда вытащил яйца?

— Невежда,—пожал плечами оджа,—как мог ты не понять, что этим я ответил тебе: Нако-ся, выкуси!

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Об одном разговоре, который произошел на свадьбе

Насреддина пригласили на свадьбу. Когда он туда пришел, то сразу же обратил внимание на то, что обувь гостей, стоящая в сенях, никем не охраняется.

Не желая рисковать своими туфлями, оджа снял их, завернул в свой платок и сунул за пазуху.

Во время ужина один из гостей, сидевший рядом с Насреддином, заметил отдувающуюся пазуху оджи и любопытствовал:

— Что это у вас, оджа, спрятано за пазухой? Вероятно какая-нибудь редкостная книга?

— Да, книга,—ответил Насреддин, желая отвязаться от любопытного.

— А к какой науке относится эта книга?—не унимался назойливый сосед.

— К экономической,—буркнул Насреддин.

— А позвольте узнать, Насреддин эфенди, вы что, купили ее у книжника?

— У сапожника!—закричал оджа, выведенный из терпения.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О четырех вещах, необходимых для изготовления халвы

В кругу своих друзей Насреддин однажды пожаловался:

— Сколько лет живу и ни разу не пришлось наесться вдоволь халвы, которую я люблю больше всего на свете.

— Как же так, оджа?—заметили ему друзья.— Неужто уж так трудно приготовить ее? Возьми муки, масла и сахару, раз-два и готова халва.

— Это, конечно, верно,—ответил Насреддин,— но в том-то и дело, что когда есть мука—нет масла, а когда найдешь масла—сахар весь вышел.

— О, оджа джаным, так неужели же за столько лет не удалось тебе ни разу свести это все вместе?

— Несколько раз удавалось—ответил оджа.— Но тогда меня дома не оказывалось.

Мустафа Топал, дер. Гаспра

Замечание Насреддина о временах года

Один человек постоянно жаловался то на сильный холод, то на сильную жару.

— Странные люди,—заметил кто-то.— Зимой недовольны морозом, летом проклинают зной. Никогда, никогда не угодишь им погодой.

— Я разделяю твое негодование,—сказал оджа Насреддин.— Но скажи мне, разве кто-нибудь жаловался здесь на весну?

Саиде Усеннова, дер. Дереккой.

46

Суп с утиной

Проголодавшийся Насреддин, бродя вдоль реки, увидел стаю уток, пасущихся на берегу.

— Поймаю и сварю суп,—решил оджа.

Но едва только он подкрался к стае, как утки закричали и все до одной бросились в воду.

Страшно огорчившись, Насреддин подошел к воде, достал из кармана корочку хлеба и, обмакивая ее в воду, принялся ее есть.

— Что ты ешь?—спросили его проходившие мимо соседи.

— А вы разве не видите?—ответил горестно оджа.—Суп с утиной.

Абдураман Оджа, дер. Уркуста.

О возможных пределах гостеприимства

Однажды к Насреддину пришел в гости знакомый охотник из соседней деревни и принес в подарок зайца.

Насреддин ласково принял гостя, сварил из зайчатины похлебку и щедро его угостил.

На другой день к одже явился уже незнакомый человек.

— Кто ты такой?—спросил его Насреддин.

— Я сосед вашего гостя, который вам подарил зайца.

Не желая отказать соседу своего гостя, Насреддин ласково принимает пришельца и угощает его похлебкой, оставшейся после зайца.

Через два дня заявляются к Насреддину пять человек.

— А вы кто такие?—спросил их оджа.

— Мы соседи соседа того вашего гостя, который подарил вам зайца.

Нечего делать,—принимает и их Насреддин. Приглашает в комнату, усаживает за стол и ставит перед ними огромную миску, наполненную чистой водой.

— Что это ты нам даешь?—осведомились гости.

— А это, дорогие соседи соседа моего гостя, похлебка с похлебки той похлебки, которая приготовлена из зайца, подаренного соседом вашего соседа.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

48

О том, как Насреддин помогал дровосеку

Сосед Насреддина рубил дрова. Насреддин подсел рядом и после каждого удара топором побряхтывал. Чем сильнее сыпались удары, тем больше тужился оджа.

Когда сосед кончил рубку и принялся переносить дрова к себе в саклю, Насреддин тоже взял охапку и потащил к себе домой.

— Стой, стой!—закричал сосед,—ведь это же мои дрова! Куда ж ты их забираешь?

— Я беру только свою часть,—ответил Насреддин.—Неужели ты думаешь, что я даром помогал тебе своим побряхтыванием.

Ах тотай Хурбедин, дер. Симеиз.

49

Почему Насреддин отказался писать письмо для соседа

Один из соседей обратился к Насреддину с просьбой написать для него письмо в Багдад.

— И рад бы, да не могу,—ответил оджа.

— Почему же?—полюбопытствовал сосед.

— У меня нет времени ездить по Багдадам.

— Но ведь я же и не прошу тебя ехать туда,— удивился сосед.— Я прошу только письмо туда написать.

— А ты думаешь, что кто-нибудь кроме меня самого сумеет разобрать, что в нем будет написано?—ответил оджа.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

50

О том, как Насреддин по-разному истолковал одно и то же проявление судьбы

Корова Насреддина подралась с коровой его соседа. Одна из коров рогами пробила бок у другой. Сосед тотчас же прибежал к одже и рассказал ему об этом.

— Ну что ж поделаешь,—ответил спокойно Насреддин.—Такова уж видно судьба твоей коровы. Воле аллаха нужно покориться.

— Ты не понял меня—возразил сосед,—это моя корова пробила твоей корове бок.

— Ах ты, шайтаново отродье!—закричал Насреддин.—К кадию! К кадию!

Ахтотай Хурбедин, дер. Симеиз.

Рассуждение оджи о качестве и количестве

Насреддин вез на ишаке две корзины винограда. Соседи обступили его и стали упрашивать, чтобы он дал им отведать хоть по одной грозди.

Оджа осмотрел многочисленную толпу, взял из корзины гроздь и, разделив ее на части, начал оделять соседей по одной яголке.

— Ой, оджа! Разве можно познать вкус винограда по одной ягоде?—упрекнули его.

Насреддин саркастически улыбнулся и ответил:

— О, правоверные! Дело не в количестве, а в качестве. Вкус одной ягоды точно такой же, как и вкус целой грозди.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

О том, как любовь преодолевает стыд

Насреддину нужно было съездить по делу в соседнюю деревню. Ишака, как на зло, не оказалось дома, а пешком итти не хотелось, и решил поэтому оджа подождать какой-нибудь оказии.

И вот как-то ночью мимо сакли оджи проезжал в ту деревню обоз с дровами. Услыхав скрип, оджа вскочил с кровати, выбежал на улицу и увидел обоз, уже скрывающийся из виду. Нас-

реддин и одеваться не стал, — в чем мать родила кинулся вдогонку. Нагнав последнюю арбу, он уселся на нее и в таком виде доехал до деревни.

Предупрежденные головным возчиком о прибытии оджи, жители деревни все как один высыпали навстречу. Это было невиданное зрелище. Оджа слез с арбы и, прикрывшись поленом, поклонился толпе.

— О, наш оджа! — слышалось со всех сторон. — Что это случилось у вас, что ты приехал к нам в таком виде? Посмотри на себя, ведь ты же, да простит нас аллах, совсем голый.

— Совершенно верно, — добродушно согласился Насреддин, — и это лишнее доказательство моей привязанности к вам. Я до того люблю вашу деревню, что, предчувствуя радость встречи, позабыл даже одеться.

Абдураман оджа, дер. Уркуста.

53

О бороде священнослужителей

Гуляя по базару, Насреддин оджа увидел муллу, отличавшегося своей неизмеримо длинной, окладистой бородой.

Насреддин вырвал из своей бороды три волоса, подошел к мулле и предложил ему купить эти волоски.

— Сколько же ты просишь за них?—спросил мулла, желая посмеяться над оджой.

— Сто червонцев,—ответил Насреддин.

— Но ведь это очень дорого.

— Ну, бери тогда за пятьдесят.

— Нет, я и этой цены не дам за них.

— Хорошо, давай десять.

— Они и ломаного гроша не стоят.

Насреддин схватил муллу за бороду, дернул ее, как следует, и закричал:

— Какого ж беса носишь ты тогда свою бороду, если ставишь их нипочем.

Али Бабуш, дер. Кикенеиз.

54

О сорока одной овечке и их догадливом чабане

Один богатый крестьянин нанял себе Насреддина в чабаны и дал ему пасти сорок одну овцу.

Пас оджа овец всю зиму. Пас, пас, потом зарезал одну из них и съел. А потом вообще решил не отдавать хозяину ни одной.

— Все равно они нажиты нечестным путем,—сказал он себе.

Повесил Насреддин через плечо шкуру зарезанной овцы и пошел к хозяину.

Тот спрашивает его:

— Ну как, оджа, поживают мои барашки?

— Случилось несчастье. Ударила молния и убила сорок штук.

— Ой, алла! А где же оставшаяся сорок первая?

— А ты разве не видишь на моем плече ее шкуру?

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

55

Ловкий ответ

Насреддин ехал верхом на своем осле.

Один из соседей, желая уподобить всадника его скакуну, обратился к обоим и спросил:

— Куда это вы, приятели, направили свои стопы?

Насреддин понял намек, слез с осла и, передав его в руки насмешника, сказал:

— К несчастью я забыл о цели нашего путешествия. Я сейчас сбегая домой и спрошу у жены, а вы поболтайте тут друг с другом. Я думаю вам обоим это будет приятно, ибо мой осел жалуется, что ему уже давно не приходилось отвести душу с близким существом.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

Об одной страшной угрозе Насреддина

Однажды у Насреддина украли одежду.

Недолго думая, оджа прикрываясь веткой, вышел на базар и закричал:

— Знайте, правоверные, что меня обокрали! Но знайте также, что если вор сегодня же не вернет мне украденного, то я поступлю точно так же, как однажды уже поступил в подобном случае.

Вор, который был на базаре, услышал загадочную угрозу оджи и так испугался, что к вечеру подбросил к сакле Насреддина все, что он у него украл.

Когда Насреддин сообщил об этом друзьям, его спросили:

— А скажи нам, оджа, что бы такое ты сделал, если б вор не вернул тебе одежду?

— Я пошел бы в лавку и купил себе новую, — ответил Насреддин.

Абибула Софу, дер. Озенбаш

О голодном одже и глупом пекаре

Однажды Насреддину довелось попасть в город Сивре Хисар. Пока он ходил по городу, осматривая его достопримечательности, ему захотелось есть, а в кармане как на зло не было ни копейки.

Проходя мимо пекарни, оджа увидел выставленные на стойке румяные, только что испеченные булки. У Насреддина даже слюни потекли от соблазна.

За стойкой стоял пекарь и даже не глядел на эти лакомства.

— Скажи, пожалуйста, добрый человек, кому принадлежат эти булки?—спросил его Насреддин.

— Как так кому? Мне, конечно.

— Странно! Очень странно,—сказал оджа.

И, отойдя от стойки, вышел на улицу.

Через несколько минут он снова вошел в пекарню и, благоговейно глядя на хлеб, спросил у пекаря:

— Добрый человек, ты мне все-таки правду скажи: неужели же эти булки твои собственные?

— Ну а чьи же?—удивился пекарь.—Конечно же, мои собственные.

— Поразительно! воскликнул Насреддин.

И вышел из лавки.

Через пять минут он снова был перед стойкой и с великим недоверием осведомился:

— Добрый человек, а, добрый человек. Скажи мне чистосердечно—твои это булки или не твои? Дай честное слово.

— Да мой,—ответил пекарь.—Честное слово.

— Так какого же дьявола ты на них смотришь! закричал оджа.—Чего ж ты не ешь их, если они твои?

А б и б у л а С о ф у , дер. Озенбаш.

58

О том, что благоразумие никогда не мешает

Насреддин купил на базаре фунт хурмы, принес домой и стал наслаждаться ею. Жена обратила внимание на то, что он ест ее, не выплевывая косточек.

— Не заболит ли у тебя живот, если ты набьешь его косточками?—спросила она.—Я советую тебе лучше выбрасывать их.

— Неразумная женщина!—ответил оджа.—Когда я покупал хурму, лавочник не сбрасывал же мне с ее веса вес косточек, и мне пришлось и за них уплатить. Так ты что же хочешь, чтобы соседи указывали на меня пальцами и говорили, что Насреддин оджа сорит собственными деньгами?

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и , дер. Маркур.

Еще об одном благоразумном поступке оджи Насреддина

Молодые сорванцы задумали стянуть у Насреддина туфли.

— Знаешь что, оджа,—сказали они ему,—а ведь ты ни за что не взберешься на это дерево.

— Чепуха!—ответил раззадоренный Насреддин,—в два счета взберусь.

И, сняв туфли, оджа полез на дерево. Но туфли он не оставил на земле, а благоразумно положил в карман.

— Стой, стой,—закричали ему,—зачем же ты туфли берешь?

— Невежды,—ответил оджа,—а вдруг наверху окажется какая-нибудь дорога, как же по ней я босиком пойду?

Зейтула Амет, дер. Кикенеиз.

Как оджа потерял самого себя

Остановив на улице незнакомого человека, Насреддин стал расспрашивать его о здоровье его и его жены, об его ишаке, о житье-бытье и о видах на будущее.

Оторопевший человек, не переставая удив-

ляться, отвечал на все вопросы. Потом улучил минуту и спросил Насреддина:

— Скажите же мне, наконец, эфенди, отчего вы разговариваете со мной, как со старым знакомым, тогда как я вижу вас первый раз в жизни?

— Не может быть?! — изумился Насреддин. — Ну, значит, я ошибся. Ваша одежда до того похожа на мою, что я принял вас за самого себя.

Абдураман оджа, дер. Уркуста.

61

Об орехе и арбузе

Возвращаясь домой из соседней деревни и утомленный дальней дорогой, Насреддин сел под ореховое дерево, чтобы отдохнуть, и незаметно для себя заснул.

Во время его сна с ветки свалился орех и упал прямо на лысину оджи.

Как ошпаренный, вскочил Насреддин со своего ложа. Потом, увидев, что удар нанесен орехом, упавшим с дерева, он поднял руки к небу и вознес к аллаху молитву:

— О, аллах! Благодарю тебя, что на ореховом дереве растут такие пустяковые орешки. Воображаю себе, что стало бы с моей головой, если бы на нем росли арбузы.

Абдураман оджа, дер. Уркуста.

О том, как оджа Насреддин обучал садовника искусству торговать лестницами

Пожелав полакомиться фруктами из сада своего соседа, Насреддин взял свою лестницу, перебросил ее через забор соседского сада и, поставив к дереву, подобрался к спелым плодам.

Увидев в темноте силуэт оджи, сосед выбежал в сад и закричал:

— Эй, кто ты такой?

— А ты сам кто такой?—закричал оджа.

— Я хозяин сада.

— А я хозяин лестницы.

— Что же ты с ней делаешь?

— Продаю.

— Какой же дурак продает лестницы в таком месте?

— Глупец ты,—ответил оджа.—Ведь в нашей деревне нет специального базара для лестниц. Где же и продавать садовую лестницу, как не в самом саду?

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

И покойники имеют память

Возвращаясь как-то из лесу, Насреддин прилег на берегу речки, чтобы отдохнуть, и крепко заснул. И приснилось ему, что он умер.

В это время к этому месту подошел один чужеземец и собрался перейти речку. Но, не зная брода, он разбудил оджу и спросил у него, где наиболее мелкое место.

Насреддин открыл глаза, указал на брод и сказал:

— О, добрый странник! Когда я был еще жив в сем тленном мире, то эту речку я переходил вон в том месте. А где переходят сейчас—не знаю.

И, закрыв глаза, оджа снова погрузился в небытие.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

Об одном разумном ответе оджи

Однажды, когда слава о мудрости оджи распространилась уже по всему Востоку, к нему в Ак-Шехир приехал один мулла, чтобы получить совет.

Перед тем как явиться к Насреддину, мулла

купил десяток персиков. Представ перед оджой, он предложил ему эти персики и стал задавать вопросы.

Насреддин ел персики и отвечал. Как только последний персик прекратил свое существование, Насреддин отвечать перестал.

— Но у меня есть еще вопрос,—сказал мулла.

— Но у меня нет больше персиков,—ответил Насреддин.

Земине Кенаяская, дер. Алупка.

65

О преимуществе индюка перед попугаем

Бродя по базару, Насреддин оджа увидел, что один торговец продает какую-то разноцветную птицу величиной с голубя.

— Сколько же она стоит?—спросил оджа.

— Двенадцать рублей.

— Скажи, пожалуйста,—подумал Насреддин.—

Если эта птица стоит двенадцать рублей, то сколько же стоит тогда мой индюк, который разноцветен в такой же степени, а по величине больше этого цыпленка в десять раз.

Немедля ни минуты, оджа побежал домой, поймал индюка и притащил его на базар. Там он стал рядом с продавцем попугая и стал зазывать покупателей.

— Сколько же стоит этот индюк?—спросили Насреддина.

— Сто двадцать рублей.

— Да ты с ума сошел, что ли? Где ж это видано, чтобы простой индюк стоил такие деньги?

— Да ведь мой сосед продает же свою птицу за двенадцать рублей,—рассердился Насреддин.— Ну, а мой индюк как раз в десять раз больше.

— Но ведь то попугай. У него окраска какая!

— Окраска моего индюка не хуже окраски попугая.

— Но ведь попугай говорить умеет.

Оджа саркастически оглядел покупателей и засмеялся.

— Эх вы, невежды! Неужели вы до сих пор не знаете, что если слово серебро, то молчание—золото. Если этот паршивый попугай умеет говорить, то мой несравненный индюк, да будет это вам известно, как нельзя лучше умеет молчать.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

66

Счастливая охота

Насреддин оджа возвратился с охоты.

— Сколько же ты настрелял зайцев?—спросили его соседи.

— О, друзья,—ответил Насреддин.—В одного я стрелял, а в другого промахнулся, третьего видел, но очень далеко. Если бы я убил еще семь штук, то тогда было бы десять.

Садык Топал, дер. Гаспра.

67

О справедливости

Один из соседей пришел к одже, чтобы посоветоваться с ним по поводу своей тяжбы с другим соседом. Он рассказал Насреддину о причинах тяжбы и спросил:

— Как по-твоему, прав ли я?

— Да, ты прав,—ответил оджа.

На следующий день второй тяжебщик пришел к Насреддину и, рассказав о том же деле, сказал одже:

— Я думаю, что прав я. Как ты считаешь?

— Да, ты прав,—ответил Насреддин.

Когда и этот спорщик ушел, жена не могла утерпеть, чтобы не укорить Насреддина.

— Как же так? Не могут же быть одновременно правы и истец и ответчик. По-моему ты что-то напутал. Правду ли я говорю?

— Да, ты права,—ответил спокойно оджа.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О том, чему научился оджа на одной свадьбе и о том, как применил он это на другой свадьбе

Приглашенный на свадьбу Насреддин явился туда в своей старой истрепанной одежде. Хозяева не оказали ему никакого уважения, посадили на самое последнее место и весь вечер не обращали на него никакого внимания.

Через неделю в той же деревне была другая свадьба. Насреддин попросил у своего соседа дорогую шубу и явился на свадьбу не хуже какого-нибудь бея. Хозяева приняли оджу с великим почетом, усадили его на самое лучшее место и все время старались вовлечь его в беседу.

Когда поставили на стол кушанья, Насреддин подсунул рукава шубы к блюдам и сказал:

— Кушайте, кушайте, любезная шуба. Этот почет оказывают, ведь, совсем не мне, а вам, моя дорогая.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Об одном разговоре, который произошел на суде

Однажды Насреддина уговорили в качестве свидетеля дать на суде ложные показания. Речь

шла о том, чтобы получить от ответчика не пять, а десять мер пшеницы.

После показаний истца судья вызывает свидетеля.

— Что должен отдать истцу ответчик?—спрашивает он у оджи.

— Десять мер овса,—невозмутимо отвечает Насреддин.

— Ты ошибся, оджа, не овса, а пшеницы,—поправляет его истец.

— Отстань,—рассердился Насреддин.—Все равно лгу, так не все ли равно чем лгать—овсом или пшеницей.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

70

И быки должны иметь память

В огород Насреддина забрался соседский вол. Оджа выдернул из крыши огромный шест и начал подкрадываться к наглому животному. Но хитрый бык, заметив хозяина, перескочил через забор и успел спастись. Насреддину было очень обидно, что ему не удалось проучить вора.

Прошло несколько дней. Как-то, идя по улице, Насреддин увидел злополучного быка, запряженного в телегу и везущего дрова.

Быстрее ветра кинулся оджа к телеге, схватил

хорошее полено и принялся колотить быка по спине.

— Да ты что, с ума сошел, что ли?!—закричал на оджу хозяин.—Чего ты хочешь от моего вола?

— Молчи, ага,—отмахнулся от него Насреддин.—Это окаянное животное прекрасно знает, за что я его бью.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

71

О мудром решении оджи Насреддина

Один проходимец схватил за шиворот своего соседа и притащил его к Насреддину.

— Этот человек—вор,—обратился он к одже.—Мне приснилось, что он взял у меня взаймы двадцать акча. А когда утром я потребовал их у него обратно, он отказался отдать.

— Давай-ка сюда двадцать акча,—обратился Насреддин к ответчику.

Тот в недоумении достал кошелек и протянул деньги.

Насреддин положил их на ладонь, поднес к уху истца и позвенел ими. Потом вернул их обратно ответчику.

— Вы квиты,—сказал он.—Стоимость двадцати акчей, увиденных во сне равна стоимости их звона, услышанного наяву.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Еще более мудрое решение

Случилось как-то, что один бедняк, который чуть не умирал с голоду, почуял из дверей одной харчевни аппетитный запах жарящихся чебуреков. Так вкусен был этот запах, что бедняк подошел ближе, достал из кармана корочку хлеба и начал глубоко вдыхать в себя этот аромат, заедая его коркой.

Хозяин харчевни, заметивший это, выскочил к бедняку и потребовал, чтобы тот немедленно заплатил ему за это два акча.

— Да за что же платить?—удивился бедняк.

— Как за что? Ах ты, негодяй, ты что хочешь даром пользоваться моим добром?

И так как бедняк упорно отказывался от уплаты, то харчевник схватил его за шиворот и потащил к кадию.

Как раз в этот момент мимо спорящих проходил оджа. Он подошел к ним поближе и спросил, чем вызваны споры.

— Да как же так,—обратился к нему харчевник.—Этот прощальга пообедал паром от моих чебуреков и не хочет мне за это платить.

— Да за что же мне платить?—обратился в свою очередь к Насреддину бедняк.

— Успокойтесь,—сказал Насреддин.—Я разрешу ваш спор. Сколько ты требуешь с этого человека?

— Два акча.

— Давай сюда ухо.

И достав из кармана две монеты, Насреддин поднес их к уху жадного харчевника и, встряхнув ими в руке, позвонил друг об друга. Потом снова спрятал в карман и сказал:

— Ну, теперь вы квиты. Ибо тот, кто продает пар от яств, получает за это звон монет.

А б и б у л а С о ф у , дер. Озенбаш.

73

И еще одно мудрое решение

Однажды к Насреддину явились два спорщика и попросили рассудить их.

— В чем же ваше дело?—спросил оджа.

— Да как же так,—начал жаловаться истец.— Иду я вчера по базару, вижу—этот человек несет на спине вязанку дров. Нес-нес он, вдруг веревка порвалась, и дрова рассыпались по земле. Он и попросил меня помочь подобрать их. Я спросил—сколько он мне уплатит за труд? Он ответил, что ничего не даст. Теперь я требую, чтобы он уплатил мне обещанное, а он отказывается. Прав я требовать или нет?

— Прав, прав,—успокоил его Насреддин.— И ты получишь обещанное. Ибо долг платежом красен. Подойди сюда. Видишь ты этот ковер?

- Вижу.
- Подними его.
- Истец поднял.
- Ну что там есть?
- Ничего.
- Забирай и немедленно убирайся с моих глаз.

Эмир Усеин Дерменджи, дер. Кикенеиз.

74

Почему оджа отвернулся от своей лошади

Возвращаясь из путешествия, оджа Насреддин сделал привал возле лагеря кавалерийского отряда. Он слез с своей лошади, подвел ее к коновязи и привязал рядом с кавалерийскими лошадьми. А сам развел неподалеку костер и лег спать.

Проснувшись утром, оджа подошел к коновязи и не узнал своей лошади. До того паршивой показалась она рядом с щегольскими конями солдат, что взгляд оджи поневоле пробежал мимо нее.

— Где мой конь? — закричал Насреддин. — Ах вы, прохвосты, вы подменили мою лошадь этой никудышной клячей! Немедленно верните мне моего скакуна.

Солдаты засмеялись и сказали;

— Да ты, оджа, присмотришь хорошенько. Вот он стоит, твой скакун, целый и нерушимый.

Насреддин присмотрелся к кляче—в самом деле это была его лошадь.

Оджа отвязал ее, покрыл попоной и вскарабкался в седло. Но сел не так, как обычно, а задом наперед, спиной к лошадиной голове.

Солдаты засмеялись пуще прежнего.

— Эй, оджа, ты перепутал стороны. Что же ты уселся обратной стороной?

Насреддин горько улыбнулся и ответил:

— Вы ошибаетесь, друзья. Это не я, а лошадь моя повернулась ко мне своей обратной стороной. Да я и не протестую—думаете, большое удовольствие смотреть на эту клячу.

Бейтула Амет, дер. Кикенеиз.

75

Прежде чем судить о проступке другого нужно его проверить самому

К Насреддину пришли два тяжущихся.

— Этот негодяй укусил мне ухо,—сказал один.

— Не верьте ему, оджа,—сказал другой,—он сам укусил свое ухо.

— Идите домой и придите завтра,—сказал Насреддин.—Завтра я скажу вам свое решение.

И, оставшись один, оджа стал проверять:

может ли человек укусить свое собственное ухо. Тянулся, тянулся оджа зубами к своему уху, наконец упал и разбил себе голову.

На другое утро пришли спорщики и спросили решение.

— Истец—лжец,—ответил оджа.—И он ничего не получит. Ибо можно не только укусить себя за ухо, но и разбить при этом голову.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Гаспра.

76

О грехе одной собаки, ссоре соседей, глупости кадия и мудром решении оджи Насреддина

Однажды между саклями двух соседей нагадила собака. Произошло же это событие накануне священной пятницы, когда все правоверные должны были производить уборку улиц.

Ни один из соседей не пожелал убирать после собаки.

— Это не мой участок, а твой,—говорил каждый из них.

— К твоей сакле ближе,—кричал один.

— Нет это твое добро!—возражал второй.

Так они спорили и ругались до тех пор, пока дело не дошло до самого кадия.

Но и премудрый кадий не смог разрешить тяжбы, он измерил расстояние от помета до каждой

из саклей—в самом деле, расстояния были одинаковы.

Пришлось обратиться к Насреддину.

Насреддин оджа внимательно выслушал всех троих и осведомился:

— А скажите, благоверные, кому принадлежит та улица, на которой напачкал пес?

Спорщики ответили, что хозяева улицы не они, а деревенское правление.

— Ну так чего же вы спорите?—удивился оджа.—Раз улица принадлежит правлению, то и собачий дар, да продлит аллах дни кадия, нужно убирать не кому-нибудь из вас, а благочестивейшему, благовернейшему из благоверных кадию эфенди.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

77

О том, как одже пришлось воочию убедиться в глупости его кредиторов

Завидев приближающихся к дому кредиторов, Насреддин спрятался в комнате и приказал жене сказать, что его нет дома.

Жена так и сделала.

— Как нет дома?!—начали кричать кредиторы.— Мы только что видели его через окно. Подать нам этого негодяя! Он дома, он в комнате!

Так они кричали и угрожали все громче и громче. Видя, что жена не находит ловкости объяснить-ся, оджа решил помочь ей и, высунувшись из окна, сказал:

— Глупцы вы! Ведь у моей сакли два выхода. Неужели ж я не мог выскочить через черный ход?

Сент Халиль Шюкри, дер. Маркур.

78

О том, что произошло в бане, или как оджа Насреддин уместным ответом не дал себя одурачить

Однажды соседи Насреддина решили подшутить над оджой и поставить его в дурацкое положение.

Они пригласили его в баню, причем каждый из шутников по секрету от Насреддина захватил с собой по уговору куриное яйцо.

Когда все разделись, один из заговорщиков за явил во всеуслышанье:

— Знаете ли, друзья, я чувствую, что сейчас снесу яйцо.

Как только он это сказал, все соседи один за другим стали признаваться, что и они чувствуют потребность нестись. После этого они начали кудхтать и приседать к полу, выпуская при этом из-под себя ловко спрятанные куриные яйца.

— Ну, оджа, очередь теперь за тобой,—сказали они, когда закончили это дело.—Чего же ты медлишь?

Нимало не смутившись, Насреддин взобрался на банный камень и закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

— Так-то так, но где же яйцо?—сказали приятели.

— Глупцы,—ответил Насреддин оджа,—такому количеству кур нужен же хоть один петух.

Рамазан Джетере, дер. Бюк-Ламбат.

79

О том, как оджа устыдил своего кредитора

Насреддин задолжал одному торговцу пятьдесят три акча. Много уже прошло времени, и никак не мог он расплатиться.

И вот однажды, когда оджа разгуливал по базару со своими приятелями, кредитор подскочил к нему и стал требовать долг.

Насреддин сделал вид, что не замечает его.

Торговец рассвирепел и закричал, что если Насреддин немедленно не уплатит долг, то он тут же при людях устроит ему скандал.

Насреддин повернулся к нему и укоризненно сказал:

— Эх, ты, чудак, ну чего ты так расходился? Ну, сколько я тебе должен?

— Пятьдесят три акча?

— Вот и прекрасно. Приди завтра и получи двадцать пять акча. Потом придешь послезавтра и получишь еще двадцать пять. Сколько остается?

— Три акча.

— Ну вот видишь. Как же тебе не стыдно, бесовестный ты человек, из-за трех акча поднимать при людях скандал?

А б и бу ла Со фу, дер. Озенбаш.

80

О том, как оджа уличил моряков в незнании дела

Однажды Насреддин оджа ехал на корабле по морю.

Разыгралась сильная буря. Суденышко бросало по волнам, как щепку. Матросы, вскарабкавшись на мачты, старались подвязать паруса.

Увидев это, Насреддин громко рассмеялся и закричал:

— Эй вы, умницы! Да разве вы не видите, что корабль качает снизу? Чего же ради вы его сверху подвязываете? Вы подвяжите его внизу, он и не будет качаться.

Му ста фа То пал, дер. Гаспра.

Что полезнее?

— Что полезнее: луна или солнце?—спросили однажды у Насреддина.

— Конечно, луна,—ответил тот.

— Но почему же?

— Невежды,—ответил оджа.—Да потому, что солнце бывает днем, когда и без того светло, так что толку от него немного. Луна же светит по ночам, и поэтому пользы от нее гораздо больше.

Саидэ Усеинова, дер. Дереккой.

Почему Насреддин любил деньги

— Любишь ли ты деньги?—спросил у Насреддина один скряга-ростовщик.

— Без сомнения,—ответил тот,—ибо они меня освобождают от необходимости иметь дело с такой мерзостью, как ты и тебе подобные.

Саидэ Усеинова, дер. Дереккой.

Рассуждение Насреддина о соловьином пении

Однажды ночью Насреддин забрался в сад своего соседа, влез на абрикосовое дерево и стал наслаждаться вкусными плодами.

— Кто там?—закричал сосед, услышав шорох на дереве.

— Соловей,—откликнулся оджа.

— Что же ты там делаешь?

— Раз соловей, значит, пою.

— Ну-ка послушаем, старый соловушко, как ты поешь.

Насреддину нечего делать—затянул песню, как мог.

— Да разве это соловьиная песня?—возмутился сосед.

— А чего ж ты хочешь?—обиделся Насреддин. Неопытный соловей только так и поет.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз

Кто более велик?

Насреддина спросили:

— Скажи, оджа, кто более велик: падишах или крестьянин?

— Глупый вопрос,—ответил Насреддин.—Конечно, крестьянин. Если не произведет крестьянин хлеба—все падишахи с голодухи подохнут.

Абибула Софу, дер. Озенбаш

**Об одном разговоре оджи с нищим, или долг
платежом красен**

Во двор к Насреддину зашел нищий.

— Чего тебе?—крикнул оджа с балкона.

— Иди-ка сюда, я тебе что-то скажу,—поманил пальцем бродяга.

Насреддин спустился вниз и повторил вопрос.

— Подай милостыню,—сказал нищий.

— Пойдем наверх,—предложил оджа.

Поднялись на балкон. И там оджа сказал:

— Не осуди, дорогой, нет ничего. Иди себе с богом дальше.

Му ста фа То п ал, дер. Гаспра.

Слово джигита свято

— Сколько тебе лет?—спросили однажды у Насреддина.

— Сорок,—ответил тот.

Через пять лет снова обратились к одже и спросили, каков его возраст.

— Сорок лет,—ответил попрежнему Насреддин.

— Да как же так?—воскликнули те, кто спрашивал.—Ты же нам пять лет тому назад говорил, что тебе сорок лет.

— Слово джигита свято,—ответил торжественно Насреддин.—Я никогда не отказываюсь от своих слов. Раз сказал—кончено. Не то что через пять—через двадцать пять лет спрашивайте, и я не изменю своему слову—ответу то же самое.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

87

О пользе очков

Как-то среди ночи Насреддин вскочил с кровати и торопливо разбудил жену:

— Скорей, жена, скорей! Где мои очки? Скорей давай их, пока я не проснулся окончательно.

Жена послушно достала очки и передала их мужу. Тот сейчас же надел их на нос, лег под одеяло и закрыл глаза.

Любопытная женщина не утерпела, чтобы не спросить:

— Оджа! А зачем они тебе так спешно понадобились?

— Ради аллаха, тише,—ответил Насреддин.—Я вижу замечательный сон, но некоторые места без очков не могу как следует рассмотреть.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

Бережливость никогда не мешает

В те времена, когда Насреддин работал по кузнечному делу, он завел у себя такой порядок: после работы, перед тем как повесить на крюк мехи, он обязательно затыкал в них все отверстия.

Его спросили, зачем он так делает.

— Терпеть не могу лишних трат,—ответил оджа.—Зачем, скажите, воздуху пропадать даром.

Саидэ Усеинова, дер. Дереккой.

О способе, каким следует приучать людей к благодарности

Был у Насреддина такой обычай: никогда не давал он того, чего просят у него в тот же день. Если давал, то непременно на другой день.

Однажды у оджи спросили, почему он так делает.

— Чудаки! Да для того, чтобы ценили то, что берут,—ответил оджа.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

Рассуждение Насреддина о сущности коммерции

Купив на одном базаре десяток яиц, Насреддин тотчас же пошел на другой базар и продал их там на копейку дешевле.

Знакомые подняли его на смех.

— Что же это ты торгуешь себе в убыток?

— Убыток—брат прибыли,—ответил Насреддин. Важно что меня видят в деле.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Чудесное превращение кувшина с золотом, или как Насреддин выпутался из неловкого положения

Вспахивая свой участок, Насреддин обнаружил в земле кувшин с золотом. Так как по шариату половина всякого клада принадлежала кадию, то и пришлось одже, положив находку в мешок, отправиться к этому представителю власти. Но пока оджа заходил домой, догадливая жена незаметно от Насреддина вытащила кувшин и положила вместо него в мешок большой камень.

Придя к кадию, оджа протянул ему мешок и сказал:

— Ну-ка посмотри, что я принес тебе, взвесь на весах, сколько там получится.

Кадий взял мешок и вытащил оттуда камень.

— Ты что, смеешься надо мной?—рассердился кадий.—На кой шайтан нужна мне эта глыба!

Увидев, что в мешке был камень, Насреддин обомлел от удивления. Но ни мало не показав вида, обратился к кадию и сказал:

— Взвесь, взвесь. А то у меня весы есть, а гири ни одной. Вот этот камень и будет мне служить вместо гири.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

92

Об одном удивительном назначении обыкновенной веревки

К Насреддину пришел сосед и попросил у него на время веревку.

— Она занята,— ответил оджа.— Жена сушит на ней муку.

— Не с ума ли ты сошел?—поинтересовался сосед.

— Иди себе, иди,—ответил оджа.—Когда не захочешь давать веревку, так и муку сумеешь на ней высушить.

Абдураман оджа, дер. Уркуста.

Он лучше знает

К Насреддину обратились с вопросом:

— Скажи нам, оджа, ты человек мудрый, — как можно быстрее всего измерить нашу землю?

Не задумываясь ни на минуту, Насреддин указал на гроб, который в этот момент несли на кладбище, и сказал:

— Вот кто может ответить на ваш вопрос. Посмотрите: он только что отмерил наш мир и ему это лучше известно.

А х т е м, дер. Кореиз.

Средство против крыс

— Как нам избавиться от крыс? — спросили однажды у оджи. — Их развелось так много, что прямо житья не стало.

— Нет ничего проще, — ответил Насреддин. — Разбейте горшок, истолките его в порошок, затем поймайте крысу и всыпьте ей этого порошка в нос.

— Но ведь легче ее просто ударить об стенку, — заметили слушатели.

— Конечно, легче, — согласился Насреддин.

А л и Б у б у ш, дер. Кикенеиз.

Как одже не удалось окончить начатого

Один иранец, приехавший в Ак-Шехир, рассказывал в кофейне всякие небылицы о своей стране.

— Знаете ли, правоверные, — говорил он, — в иранского шаха в Исфагани несметное количество дворцов. И в каждом дворце по тысяче комнат.

Послушал, послушал Насреддин эти выдумки и захотелось ему превзойти иранца.

— Это что, — сказал он, — а вот в нашей Бруссе у султана вдвое больше дворцов, чем у вашего шаха. И каждый дворец имеет в длину десять тысяч аршин, а в ширину...

В эту минуту в кофейню вошел другой иранец, который только что побывал в Бруссе.

— А в ширину сколько? — спросил первый иранец у Насреддина.

— А в ширину десять аршин, — ответил оджа.

— Что же это за дворец такой, длина которого десять тысяч аршин, а ширина десять аршин? Одно другому не соответствует.

— Дорогой мой, — сказал оджа, — я бы приладил ширину к длине и они бы соответствовали одна другой, да меня перебил твой соотечественник.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

Причины будущей смерти Насреддина

Насреддин заболел. Назойливые соседки целыми днями как мухи вертелись около больного и своей болтовней не давали ему ни минуты покоя. Дело дошло до того, что одна самая надоедливая баба спросила оджу:

— А скажи нам, оджа, если ты умрешь, как нам причитать над твоим телом?

— Причитайте так, — ответил оджа: — „Эх, Насреддин, жить бы тебе да жить, да загнало тебя в гроб женское красноречие“.

Абдураман Оджа, дер. Уркуста.

О том, как оджа помог разыскать перепутанные папучи

Узнав, что Насреддин едет в город, соседи поручили ему привезти оттуда желтые папучи.

Вернувшись, оджа позвал всех, кто делал поручения, и выставил перед ними покупку.

— Примеривайте.

Все десять человек сели на лавку и надели по паре папучей.

Всем они оказались как раз впору. Ноги у всех

стали как у одного. Тогда проказники решили посмеяться над Насреддином.

— Ой, оджа,—закричали они.—Что ж теперь делать? Ведь мы перепутали ноги. Ну как нам найти, где чья нога?

— Вы сейчас найдете их,—успокоил Насреддин.

И взяв чубук, он так отбарабанил по двадцати ногам, что их у всех оказалось по паре.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

98

И неприятность при желании можно обратить на пользу

Томимый жаждой, Насреддин подошел к фонтану, чтобы напиться. Отверстие было забито деревянной пробкой. Насреддин выдернул пробку, и струя воды с такой силой ударила в оджу, что окатила его с ног до головы, сбила с него шапку и едва не повалила на землю.

Промокший до нитки Насреддин поднял пробку, забил ею кран и сказал:

— Тем лучше. Не надо будет делать абдеста.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

О двух дочерях оджи Насреддина, о профессии их мужей и о роли дождя в жизни человека

У Насреддина было две дочери. Когда они выросли, оджа отдал их замуж. Старшую за черепичника, младшую за огородника.

Однажды он соскучился по своим дочерям и пошел их проведать.

Пришел к старшей дочке, жене черепичника. Стал расспрашивать—хорошо ли живет.

— О, дорогой мой отец,—ответила та.—Живем помаленьку. Все зависит от дождя. Если выберется сухое лето и не будет итти дождь, значит изготавим много черепицы и заживем на славу.

Погостил оджа у старшей дочки, пошел проведать младшую—жену огородника. Спрашивает ее, как живется.

— О, дорогой отец мой,—отвечает та.—Живем помаленьку. Все зависит от дождя. Если выдастся сырое лето и будут итти дожди, значит, уродят огороды, соберем много огурцов и заживем на славу.

Погостил Насреддин и у этой дочки. Вернулся домой. Жена спрашивает его:

— Ну как оджа? Что наши дочки? Какой лучше живется?

— Не беспокойся, жена,—ответил Насреддин.— Живут помаленьку. Все зависит от дождя. Пойдет или не пойдет дождь, а уж какая-нибудь из дочек обязательно пойдет по миру.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

По кому оджа носил траур

Однажды Насреддин оджа вышел на улицу, одетый во все черное. Удивленные соседи спросили его, по какому случаю нарядился он в траур?

— Не расстраивайте меня,—ответил оджа.—Я оплакиваю будущую смерть отца моего сына.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

О происхождении звезд

У Насреддина спросили:

— Скажи нам, эфенди, что делают со старыми лунами, когда появляются новые?

— А вы разве не знаете?—ответил Насреддин.— Их разбивают на мелкие кусочки и делают потом из них звезды.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Рассуждение оджи о самостоятельности в работе

Сакля у Насреддина оджи была старая-престарая. Стояла она на косогоре и так покосилась, что того и гляди повалится.

Решил однажды оджа продлить дни своего сараля и починить его хоть немного. Пошел в лес, срубил добрый шест и подпер им стену сакли. Но это же—Насреддин! Подпер он саклю не с той стороны, куда она валилась, а с другой,—так, чтобы скорее упала.

— Что ты делаешь, оджа?—спросили его смеясь соседи.

— Как что? Саклю починяю.

— Да ведь так она еще скорее повалится. Кто же ставит подпорку сзади? Спереди нужно ставить.

— Разве?—удивился Насреддин.—А я как будто бы и не знал. Да ведь так, как вы советуете, друзья, каждый дурак сделать сможет. Нет вы попробуйте сделать так, как сделал я, Насреддин-эфенди, ваш наставник и учитель.

Али Бубуш, дер. Кикенез.

Насреддин-проповедник

Однажды Насреддину одже захотелось произнести проповедь. Недолго думая, он отправился в мечеть и, взобравшись на минбар, обратился к молящимся:

— О, благоверные. Знаете ли, что я хочу вам сказать?

— Нет, не знаем,—ответила паства.

— Ну раз не знаете, так я и говорить вам ничего не буду.

И, спустившись с помоста, оджа удалился домой.

На другой день он снова пришел в мечеть и снова, поднявшись на минбар, возгласил:

— Дорогие братья! Знаете ли вы, чему я хочу вас учить?

— Знаем, знаем!— закричали в один голос молящиики.

— Ну, раз знаете, так мне ничего больше не остается вам сказать

И, спустившись с минбара, Насреддин оджа вышел из мечети.

Уверенные, что Насреддин и в третий раз захочет проповедовать и опять начнет проповедь той же фразой, благочестивцы решили перехитрить оджу и осрамить его. Поэтому они сговорились так: как только Насреддин обратится к ним со своим вопросом, половина молящихся громко заявит, что

она знает, а другая половина что не знает о том, что же он хочет им сказать.

Так и получилось. На следующий день Насреддин в третий раз поднялся на помост и возговорил:

— О, правоверные дети Магомета! Знаете ли вы, чему хочу научить вас я, Насреддин оджа?

— Знаем, знаем!—закричала половина мечети.

— Нет не знаем!—закричала другая.

— Ну вот и прекрасно,—ответил Насреддин.— Пусть же те из вас, кто знает, расскажут тем, кто этого не знает.

И, оставив одураченных слушателей, оджа спокойно вышел из мечети.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

104

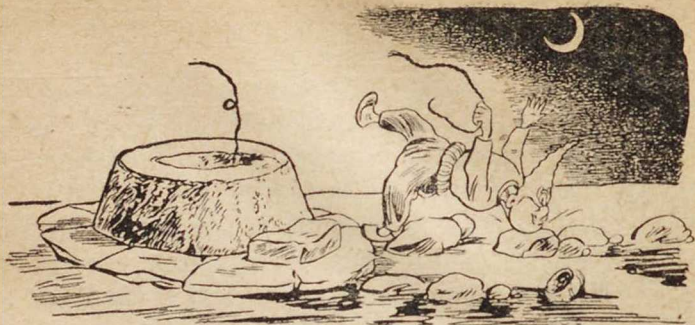
О том, что в любой неприятности нужно найти хорошую сторону

На самом людном перекрестке деревни Насреддин, засмотревшись в сторону, упал с ишака.

Ребятишки тотчас же подняли его на смех.

— Чего вы регочете?—пожал плечами оджа.— Если бы я не упал, то все равно слез бы на этом месте. Даже хорошо, что мне не пришлось тратить на это силы.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

105

О том, как Насреддину удалось спасти луну

Однажды Насреддин подошел к колодцу, чтобы зачерпнуть ведро воды. Не успел он опустить ведро вглубь, как, на его беду, зацепилось оно там за камень. Сколько ни тянул оджа за веревку, ведро не поддавалось его усилиям и не шло вверх.

Полюбопытствовав, что бы там могло быть, Насреддин заглянул в колодезь и к великому своему удивлению увидел в воде отражение луны.

— Какое несчастье!—воскликнул он.—Луна упала в колодезь!

И решив, что луна своей тяжестью удержи-

вает ведро, Насреддин понатужился и что было мочи дернул обеими руками веревку.

Такого напряжения веревка не выдержала и лопнула.

Насреддин оджа со всего размаха так грохнулся на землю, что остался лежать на спине без движения.

Очнувшись через несколько минут, он открыл глаза и первое что увидел, была луна, снявшая себе спокойно на небе.

— Ну, слава богу, — вздохнул Насреддин. — Хоть и пострадал я, да недаром. Все-таки водворил луну на ее настоящее место.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

106

Простой лаваш лучше пухового одеяла

Один богатый крестьянин пригласил Насреддина к себе на свадьбу. Насреддин порядком запоздал и когда явился к ужину, на столах уже ничего не осталось. Хозяин предложил голодному одже только стакан шербету. Поговорив с ним несколько минут, хозяин пожелал ему спокойной ночи и удалился в свою спальню. А служанка провела Насреддина в другую комнату. Там уже была готова одже великолепная постель с пуховыми перинами, теплыми одеялами и мягкими подушками.

Когда Насреддин остался один, он еще больше почувствовал голод. Улегся в постель, но понял, что даже и заснуть не сможет. Чем дальше, тем больше голод терзал Насреддина. Наконец оджа не вытерпел, подошел к комнате хозяина и постучал в дверь.

— Что вам, дорогой оджа?—спросил выглянув хозяин.

И Насреддин произнес в дверь такую речь:

— О, дорогой эфенди. Нет слов, чтобы благодарить тебя за постель, которую ты мне приготовил. Мягкость перин моего ложа соперничает спышностью подушек, лежащих на нем. А о теплоте одеял и говорить нечего. Но, дорогой хозяин, я вырос в простой семье и не привык спать под такими роскошными одеялами. Не сможешь ли ты заменить мне одеяло простым лавашем? Укрывшись им, я засну куда спокойнее.

А б и б у л а С о ф у , дер. Озенбаш.

**Об одном бедственном приключении оджи, или
о том, как важно достигнуть намеченной цели**

В хозяйстве Насреддина имелся один единственный вол. Был он стар и немощен, но обладал зато парой очень длинных рогов и необычайно свирепым характером.

Присмотрелся однажды Насреддин к своему быку и пришла ему в голову мысль, что если усесться между его рогами, то чувствовать себя будешь ничуть не хуже, чем в кресле.

— Скажи, пожалуйста, — подумал оджа. — Сколько лет торчит у меня без толку это никудышное животное и ни разу не пришлось мне использовать его по назначению.

И решил Насреддин тотчас же исполнить свое желание.

Но едва только попытался он пробраться к рогам быка, как тот начал отмахиваться и не дал подойти к себе ближе, чем на три шага.

На следующий раз опять артачился бык и опять не подпускал к себе оджу.

Это так подзадорило Насреддина, что он и думать ни о чем больше не стал, только и мыслей было—удовлетворить свою прихоть.

Наконец, как-то подстерег оджа своего вола в самой подходящей позе, бросился к нему быстрее ветра и, вскочив на голову, уселся между огромных рогов.

Но только успел он это сделать, как злобное животное, которому испуг удесятирил силы, так трянуло головой, что бедный Насреддин сорвался со своего сиденья, взлетел как перышко в воздух и, перелетев через забор, упал на улицу.

Здорово треснувшись о камни, оджа вытянулся на спине и потерял сознание.

Вся деревня сбежалась к пострадавшему, но оджа продолжал оставаться бездыханным.

Наконец появилась его жена и принялась громко причитать над мужем.

От воплей супруги Насреддин наконец пришел в себя. Открыв глаза и увидев над собою толпу, он потер бока и, самодовольно улынувшись, сказал:

— Я ударился, это верно. Но знайте, правоверные, что самое важное в жизни—это достижение раз поставленной цели. Хоть и поплатился я своими боками, но преодолел все препятствия и цели своей все-таки достиг.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Отчего у оджи появились на теле синяки

У Насреддина была дочь. Она шила, мыла, готовила обед и вела все насреддиново хозяйство. Жена же ничего не понимала в этом трудном деле и не сумела бы сварить даже простой похлебки.

И вот наступил день, когда Насреддину пришлось выдать свою дочь замуж и распроститься с ней, так как брали ее в дальнюю деревню.

Пришел черед вести хозяйство насреддиновой супруге.

В первый же день эта достойная женщина стала приставать к мужу с самыми докучными вопросами.

- Насреддин, сколько класть картошки?
- Эй, муженек, не пора ли засыпать крупу?

— Оджа, сколько соли сыпать в похлебку?

Так как Насреддин был кулинаром ничуть не лучшим чем его супруга, то вопросы эти ему, наконец, до того надоели, что он заявил:

— Вот что, жена. Лучше уж отправлюсь я к дочери и спрошу у нее хорошенько, сколько чего нужно сыпать в эту кастрюлю.

И, порешив на этом, Насреддин отправился в деревню, где жила его дочь.

— Скажи, о, премудрая дочь моя,—обратился он к ней, как только увидел ее,—скажи мне, пожалуйста, сколько ложек соли сыпала ты в ту кастрюлю, когда еще не была замужем?

— Запомни, отец мой,—ответила дочь.—Одну пригоршню и одну щепотку.

Ни одной минуты не ждал больше Насреддин и, чтобы не забыть совет, кинулся в обратный путь.

Так он шел по дороге и твердил вслух:

— Одну пригоршню и одну щепотку, одну пригоршню и одну щепотку.

Много ли прошло времени, только набрел Насреддин на арман, где крестьянин молотил хлеб.

— Селям алейкум,—приветствовал его оджа,—одну пригоршню и одну щепотку.

— Ах ты, шайтаново отродье!—закричал в гнев крестьянин.—Я рассчитываю сто мер получить, а ты мне сулишь одну щепотку?

И, схватив цеп, мужик так отдубасил Насреддина, что тот еле ноги унес.

— Ну, теперь меня не проведешь,—сказал себе оджа.—Сто мер, сто мер.

Проходит Насреддин по дороге, видит охотник целится в зайца.

— Сто мер! Сто мер!—закричал оджа во все горло.

Заяц тотчас же прижал к спине уши и был таков. Взбешенный охотник кинулся на неудачливого благожелателя и избил его своим ружьем до полусмерти.

— Ну, а что же мне нужно было сказать?—взмолился оджа.

— Ничего не говорить. Притаившись ходить надо,—ответил охотник.

Насреддин так и сделал. Крадучись под заборами двинулся дальше.

Так приседая, чтоб никто не видел, проходит он через бахчу, где крестьяне собирали дыни. Увидели крестьяне—подкрадывается к бахче человек, схватили, что попало, и давай колотить Насреддина.

Еле жив остался оджа и спрашивает бахчевников:

— А как же мне ходить?

— Держись ровно, ходи прямо,—ответили бахчевники.

Пошел Насреддин, вытянувшись, как столб, и шепчет про себя, чтобы не забыть.

— Держись ровно, ходи прямо.

Подходит к своей сакле и стучит.

— Кто там?—окликает его жена.

— Держись ровно, ходи прямо.

— Ну что, узнал, сколько чего надо сыпать в кастрюлю?

— Жена!—ответил ей Насреддин.—Ни супа мне твоего, ни каши не надо. Помоги-ка мне лучше залечивать синяки, которыми меня наградили из-за твоей глупости.

Рамазан Джетере, дер. Биюк-Ламбат.

109

О том, как оджа Насреддин изучал скорость распространения звука

Однажды Насреддин поднялся на минарет и во все горло закричал оттуда. Потом, сломя голову скатился по лестнице вниз и, выскочив наружу, бросился бежать по улице.

— Куда ты, оджа?—спросили его ошеломленные соседи.

— Не задерживайте попусту,—крикнул Насреддин.—Я хочу узнать, на какое расстояние слышен мой голос.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

О том, как Насреддин убедился в гимнастических способностях обыкновенной коровы

Заработав несколько червонцев, Насреддин оджа решил их спрятать в надежном месте.

Вырыл в углу сакли яму и закопал там. Потом подумал и вырыл обратно.

— Если б я был вор, я бы обязательно догадался, что здесь закопаны деньги.

Пошел и закопал в саду под деревом. Походил, походил, нет и здесь вор догадается искать. Снова вырыл червонцы.

Потом хлопнул себя по лбу.

— Как же я раньше не догадался!

Тотчас же выдернул из забора длинный шест, привязал к его концу кисет с червонцами и, поднявшись на самое высокое место деревни, воткнул там этот шест со всеми своими сбережениями.

— Ну вот и славу богу. Человек не птица, чтобы вспорхнуть на такую высокую жердь.

И спокойно пошел домой, радуясь своей находчивости.

А вор уже был тут как тут. Выждав, когда оджа скрылся из вида, он взобрался на пригорок и, выдернув из земли шест, преспокойно переместил все червонцы в свой карман. А чтобы посмеяться над оджой, набил кисет коровьим пометом и снова водрузил жердь на прежнее место.

На следующее утро Насреддин пришел проверить свои сбережения. Открыл кисет—вместо денег одна гадость.

— Ну и простофиля ж я!—воскликнул оджа.— Думал, что человек не взберется на эту палку, а оказалось, что даже корова на нее взобралась.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

111

Календарь оджи Насреддина

Чтобы не сбиться в счете дней, Насреддин положил в ящик двадцать восемь камней и каждое утро перекладывал по одному камешку в другой ящик. Если ему нужно было узнать число месяца, он пересчитывал эти камни и был вполне уверен в правильности счета.

Желая подшутить над оджой, дети насыпали в ящик добрую горсть камней. Потом спросили:

— Скажи нам, оджа, какое сегодня число?

Насреддин пересчитал камни и вразумительно сказал:

— Дело идет на лад. Аллах внял мольбам и, чтобы продлить наши жизни, увеличил число дней в месяце. Сегодня восемьдесят четвертое число.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

**О том, как оджа едва не прозвал
выгодного дела**

В том краю, где жил Насреддин, наступил голод. У богачей запасов оставалось много, а такие бедняки, как оджа, положили зубы на полку.

Думал-думал Насреддин, как бы покушать хорошенько, чтобы про запас было, да и придумал такую хитрость. Вышел на площадь и закричал во все горло:

— Эй, джемаат! Эй правоверные! Чего вы смотрите?! Разве вы не знаете, что к берегу пристало два судна, полных мукой и пшеницей? Скорей на берег, пока все не разобрали!

Услышав такую весть, вся деревня кинулась к морю. Первыми устремились жадные богачи.

Насреддин выждал, когда вся деревня опустела, и пошел обходить самые богатые дома. В одном он ел жирный борщ, в другом наслаждался пилавом, в третьем угощался вкусной баклавой.

Наевшись на целую неделю, Насреддин вышел на улицу и вдруг заметил, что в деревне нет ни души.

— Эх я дурак!—вспомнил оджа,—Чего же я зеваю?! Разберут все и останусь я ни с чем.

И схватив первый попавшийся мешок, Насреддин стремглав кинулся на берег.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Почему радовался Насреддин, когда его били

Однажды Насреддин понес в подарок губернатору три сливы.

Пока он шел, сливы перекатывались за его спиной в корзине, а ему как на зло страшно захотелось есть. Наконец он не утерпел и одну сливу съел.

Не много прошло времени, пока и со второй случилось то же.

367
403
Так дошел оджа до города и явился к губернатору только с одной сливой. Губернатора очень рассмешило такое драгоценное подношение и он щедро наградил оджу.

Увидев, что даже малым подарком можно приумени снискать большие милости, Насреддин решил на этом не останавливаться и преподнести в дар благодетелю целую корзину грецких орехов.

Однако же соседи, желая посмеяться над оджой, посоветовали ему подарить не орехов, а инжиру. А инжира губернатор терпеть не мог.

Насреддин послушался совета. Недолго думая, набрал он корзину этих ягод, отнес их к правителю и довольный своей ловкостью стал ждать милостей, которые посыпятся на него.

Но губернатор, увидев ненавистный инжир, пришел в ярость и вместо вознаграждения приказал своему телохранителю раздавить ягоды на голове щедрого дарителя.

Когда весь инжир превратился в лепешки, Насреддин облегченно вздохнул, потрогал голову и радостно возблагодарил аллаха.

— Чему же ты радуешься, неразумный? — спросили его. — Тебе бы плакать надо.

Насреддин разразился веселым смехом.

— Чудаки вы, — сказал наконец он. — Я благодарю аллаха за то, что я послушался своих друзей и принес мягкий инжир. Вы только подумайте, что стало бы с моей головой, если бы я подарил твердые как камень орехи.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

114

Догадливые соседи

Наполнив карманы персиками, Насреддин обратился к соседям и сказал:

— Кто из вас угадает, что находится у меня в карманах, тому я дам персиков.

— Персики, — сказали соседи.

— А какой ишак сказал вам об этом? — рассердился оджа.

Ахтотай Хурбедин, дер. Симеиз.

**Об удивительной кошке или о том, почему одже
Насреддину не досталось шашлыка**

Однажды Насреддин купил на базаре три фунта баранины и велел жене приготовить к вечеру шашлык.

Жена приготовила все, как сказал муж, но вместо того чтобы подождать оджу, пригласила своих подруг и угостила их так хорошо, что от шашлыка и кусочка не осталось.

Когда к вечеру вернулся оджа, супруга поставила перед ним чашку жидкого перлового супа, без каких бы то ни было признаков мяса.

— А где же шашлык?—спросил Насреддин.

— Ой, оджа, случилось несчастье. Окаянная кошка подобралась к мясу и съела его все без остатка.

Насреддин вылез из-за стола, достал весы и, поймав кошку, положил ее на чашку.

Кошка весила ровно три фунта.

— Удивительно, — сказал в раздумьи Насреддин. Допустим, что это вес съеденного ею мяса. Но где же тогда ее собственный вес? А если это вес кошки, то где, я спрашиваю, вес мяса?

Ах тотай Хурбедин, дер. Симеиз.

О том, как оджа Насреддин уличил брадобрея в незнании арифметики

На голове у Насреддина была громадная лысина. Как-то зашел он к брадобрею, побрил голову и уплатил столько, сколько следует.

Через неделю приходит к брадобрею опять и снова бреет голову. Как только операция закончилась, оджа встает со стула и, не платя ни копейки, выходит на улицу.

— Эй, оджа, а где же деньги?— закричал парикмахер.

— Невежда,— обернулся к нему с укоризной оджа.— До сих пор арифметике не выучился. Я же плешивый, значит два бритья за одно считается.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Еще один разговор оджи с брадобреем

Однажды Насреддин брился у очень неумелого брадобрея. Каждое движение руки этого невежды оставляло на голове оджи новые и новые порезы. А на каждый порез накладывал брадобрей огромные клочки ваты.

Измученный оджа наконец не выдержал и заявил:
— О, досточтимый мастер! Ты искусно засеял

половину моей головы хлопком. Позволь уж мне самому довершить начатое и дома засеять остальную половину коноплей.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

118

Сила воображения

Насреддин стоял на берегу и наблюдал, как рыбаки ловили рыбу. Вдруг, неловко повернувшись, он поскользнулся и упал в воду. При этом он угодил как-раз в сети.

— Ты чего там возишься?—закричали ему рыбаки.

— Простите, — ответил Насреддин, — я размечтался и вообразил себя дельфином.

Мустафа Тонал, дер. Гаспра.

119

Еще о том же

Утомился как-то оджа после работы, взял да и лег на припеке в свои рыболовные снасти, которые сушились на солнце.

— Что это ты в сети забрался?—спрашивают его соседи.

— Ах это вы?—пробормотал проснувшись Насреддин.—А я себя было за рыбу принял.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

**О том, как оджа Насреддин успел предупредить
свою ошибку**

Прошел слух, что у главного бея Ак-Шехира околел любимый жеребец. Передавали, что горю хозяина не было пределов.

Насреддин оседлал осла и направился к бею, чтобы в достойных стихах воспеть заслуги прекрасного животного.

По дороге одже Насреддину встретился один знакомый.

— Ты знаешь, оджа, оказывается околел не конь бея, а сам бей.

Насреддин тотчас же повернул ишака домой.

— Тогда другое дело,—сказал он,—Его жеребец обладает великими достоинствами. Но какими достоинствами обладал сам бей, чтобы его воспевать?

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

**О том, как Юнус перехитрил Насреддина, и что
сказал на это Насреддин**

В числе детей, обучавшихся у Насреддина, был его родной племянник Юнус Осман, который во многом походил на своего знаменитого дядю.

Когда Насреддину одже исполнилось пятьдесят лет, родители его учеников прислали ему в подарок всяких яств и сладостей. Среди подарков была баклава—любимейшее кушанье Насреддина.

Предвкушая удовольствие, оджа уселся за стол, поставил перед собой баклаву и приготовился к пиршеству.

Но не успел он съесть и пол-куска, как к нему вошел сосед и пригласил его на обрезание, которое нужно было произвести над сыном.

Очень не хотелось одже расставаться с вкусной баклавой, но делать было нечего—соседа не обидишь, пришлось одеваться и итти на обрезание.

Поставив блюдо с баклавой в шкаф, Насреддин призвал всех учеников и сказал им:

— Дети мои. Остерегайтесь трогать это кушанье. Я не уверен, что в нем нет яда. Его прислал мне злейший мой враг, намереваясь, очевидно, отравить меня. Знайте, что достаточно проглотить хоть немного этой баклавы и вы умрете в то же мгновение.

Дети поверили наставлениям оджи, и несмотря на соблазнительный запах, не осмелились даже подойти к шкафу.

Один лишь Юнус не поверил дяде и стал со-вращать приятелей:

— Да вы не верьте, что она отравлена. Оджа боялся просто, чтоб мы ее не съели. Давайте-ка попробуем.

Никто из детей не захотел рисковать жизнью. Тогда Юнус вытащил баклаву и принялся сам уничтожать ее. Увидев, что ему это проходит безнаказанно, дети набросились на кушанье, и через минуту от баклавы не осталось и следа.

После этого Юнус взял перочинный нож Насреддина, сломал его и бросил на пол.

Через полчаса вернулся оджа.

— Кто сломал нож?—закричал он рассерженный.—Сейчас же признавайтесь, бездельники.

Дети, все как один, указали на Юнуса.

— Что б тебе кости сломал шайтан, когда ты попадешь к нему в руки,—накинулся оджа на племянника.—Да знаешь ли ты, как дорожил я этим ножом?

— Знаю, дядя,—ответил племянник.—И ты не можешь себе представить, как я испугался, когда сломал его. Я чуть не умер от горя, когда подумал о том, как предстану я перед тобой. Больше того—знай, что я тогда же решил покончить с собой. И ища средства к этому, я вспомнил о баклаве. Я вспомнил, как ядовито это кушанье, и, стремясь скорей расчитаться с жизнью, я съел всю баклаву без остатка. Так что, дядя, теперь уж поздно ругать меня.

Что было делать Насреддину? Он рассмеялся и сказал:

— Достойный отпрыск моего ума! Тебе наследовать мудрость мою после моей смерти.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

Об одной существенной разнице

Насреддин привез на мельницу на помол мешок ячменя. Пока мельник вешал ячмень, оджа набрал по горсти ячменя из чужих мешков, стоявших рядом, и всыпал в свой мешок.

— Что ж это ты делаешь, оджа?—укоризненно заметил ему мельник.

— Да, я человек безрассудный,—ответил Насреддин,—что взбредет на ум, то и делаю.

— Если так, то почему же ты из своего мешка не отсыпаешь в чужие?

— Потому что я только безрассудный. А если б я делал так, как ты советуешь, то я был бы просто дурак.

Сеит Хадиль Шюкри, дер. Маркур.

О глупом тюбране оджи Насреддина

Однажды, когда Насреддин ехал по ярмарке, какой-то хулиган сорвал с его головы тюбан и передал в руки другому проказнику. В тот момент, когда оджа хотел уже схватить его обратно, второй передал третьему, тот четвертому, и таким образом, сколько ни старался оджа вернуть тюбан, он переходил из рук в руки по всей толпе обступивших его сорванцов.

Гонялся-гонялся оджа за тюрбаном, наконец плюнул и поехал домой с голой головой.

— Что это вы, оджа, без тюрбана?—спросили его по дороге.

— Эх, друзья,—ответил оджа,—мой тюрбан вспомнил дни своего детства и убежал гулять с такими же дураками, как он сам.

А б и б у л а С о ф у , дер. Озенбаш.

124

О границах человеческого легковерия

Насреддину захотелось поугагать своих односельчан. Он влез на минарет и заорал благим матом:

— Джемаат! Джемаат! Сегодня конец миру! Земля потонет! Земля потонет!

Услышав эти возгласы, все начали выскакивать из своих домов и, кто в чем был, кинулись бежать в разные стороны.

Когда оджа слез с минарета, он увидел уже целую толпу соседей, которые бежали крича:

— Земля потонет! Земля потонет!

— Какой ужас!—воскликнул Насреддин и перепуганный до полусмерти, кинулся бежать вместе со всеми.

З е м и н е К е п а й с к а я , дер. Алушка.

**О том, как кадий не хотел, чтобы
оджа поговорил со своим старинным другом**

Однажды Насреддин был приглашен кадием на ужин.

Когда подошло время ужина, жадный блюститель законов под предлогом, что кушанья то недосолены, то пересолены, отодвигал их от Насреддина и прилагал все усилия, чтобы оджа ел поменьше.

Это так надоело Насреддину, что он взял, наконец, со стола миску с пилавом, зажал ее между колен и начал уписывать кушанье, не обращая никакого внимания на хозяина.

— Э, оджа, этот пилав слишком пересоленный, — потянулся за миской кадий. — Дайте-ка я отнесу его обратно.

— Э, что там, эфенди, — ответил, оджа, — ты займись разбором других дел. Верши суд над остальными блюдами, а дело этого обвиняемого отложи пока на некоторое время. Пилав — мой старинный друг, дай мне наговориться с ним в последний его день.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О том, как одже не удалось обмануть старика

Насреддину приснилось, что к нему подошел какой-то старик и положил ему в руку несколько червонцев. Оджа проснулся и посмотрел—в руке ничего не оказалось. Он опять заснул.

И ему снова приснилось, будто подошел тот же самый старик и опять положил ему в руку несколько червонцев. Оджа проснулся и во второй раз ничего не обнаружил.

— Ну, дудки,—сказал он,—теперь не надуешь. И притворившись спящим, Насреддин выставил вперед обе руки и зорко стал подстерегать старика.

Старик больше не являлся.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

**Для достижения разумной цели все
средства хороши**

Как-то однажды вернулся домой—Насреддин оджа сильно проголодавшись, а дома как на зло не было даже куска хлеба.

В это время до Насреддина донесся вкусный запах жареного барашка. Оказывается в соседнем доме у свояка обедали.

— Вот что, жена, — сказал Насреддин, — в мире нет ничего такого, чего при желании нельзя достигнуть. Сейчас устроим с тобой спектакль. Ты кричи и бегай по комнате, а я буду гоняться за тобой с поленом и тоже кричать. Потом ты в поисках защиты вскочишь в дом свояка, а что получится дальше, будет видно.

Так и сделали. Растрепанная и взъерошенная вскочила жена оджи к соседу, а за ней вскочил сам оджа, ругаясь и размахивая поленом.

— Что вы, оджа! — задержал его хозяин. — Не-

хорошо бить свою жену. Видите, она, бедная, даже к нам прибежала за помощью. Прошу вас, дорогие друзья, помиритесь, ну помиритесь, прошу вас.

Упрашивать долго не пришлось. Супруги подали друг другу руки, и хозяин на радостях пригласил их к обеду.

Цель была достигнута. Свойк усадил Насреддина и его жену рядом и поставил каждому из них по миске пилава.

Так как Насреддин целый день ничего не ел, то свою часть он съел в два счета. А у жены оставалась еще почти полная тарелка.

— А знаете что?—сказал вдруг Насреддин.— Ведь если бы, когда я гнался за женой, мне попала в руки вот эта миска (и Насреддин взял в руки миску жены), то я бы запустил эту миску прямо в мою жену.

И, поставив миску жены перед собой, Насреддин принялся уплетать оставшийся в ней пилав.

Бейше Гани, дер. Симеиз.

128

О тех случаях, когда пожарная команда заменяет врача

Жена угостила Насреддина слишком горячим супом. Оджа выскочил на улицу и закричал:

— Скорей, скорей! Пожарную команду! У меня загорелось в кишках!

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О том, как оджа Насреддин принял муллу за осла, и о том, как мулле пришлось согласиться с этим

Как-то жена сказала Насреддину:

— Эй, оджа, мука-то, ведь, у нас вся вышла. Возьми-ка ты мешок пшеницы и отвези ее на помол.

Насреддин послушно нагрузил мешок на осла, сел сверху и отправился на мельницу.

Приехав туда, он снял мешок и внес его внутрь мельницы. Но, побоявшись оставить села без призора, ввел его в мельницу тоже и привязал там неподалеку от жернова.

Пока пшеница перемалывалась, мучная пыль, носившаяся вокруг, осела густым слоем на ишаке,

и он из черного превратился в белоснежного.

Кончив молоть, Насреддин обернулся и не увидел своего осла.

— Что за оказия?—удивился он.—Куда же он делся? Чей-то белый стоит, а моего уже и след простыл.

И сообразив, что осла украли, Насреддин выскочил из мельницы и кинулся на розыски.

— Эй, эфенди,—остановил он первого прохожего,—не встретил ли ты по дороге моего ишака?

— Да, нет, как будто бы не попадался,—ответил тот.

— А может быть ты забыл, может быть встретил?

— Не помню, кажется, нет.

— Да ты подумай. Черного цвета, симпатичный такой.

— Да, ей-богу же, не видел.

— Не может быть, вероятно встретил.

Прохожему так надоела эта назойливость, что он наконец плюнул и, чтобы отвязаться, сказал:

— Ты беги-ка лучше к мечети, там каждый день много ослов бывает. Последний, кто будет выходить из мечети, это и есть тот осел, которого ты ищешь.

Оджа тотчас же устремился к мечети. Там он залег в засаду около двери и стал подстергать, пока все выйдут. Как только в дверях показался последний,—а это был сам мулла,—оджа тигром

кинулся на него, взнуздал уздечкой и вспрыгнул на спину.

— А, негодный ишак, наконец-то я тебя нашел. Но, но, давай на мельницу!

— Что с тобой?..—воскликнул оторопевший мулла.—Разве ты не узнал меня? Ведь это же я, твой мулла и наставник.

— Но, но, разговаривать еще будешь. Знаем мы вас, упрямых животных.

— Да оставьте же, оджа, причем тут я?

— А зачем ты с мельницы удрал? Да еще вместо себя белого осла поставил. Ах ты, окаянный упрямец!

Догадавшись, в чем дело, мулла понял, что от упрямства оджи улизнуть ему легко не удастся. Поэтому он закричал по-ослиному и сказал:

— Ты хоть не бей так сильно. Я чувствую свою вину и готов испустить ее. Сейчас я отвезу тебя на мельницу и обменяюсь с белым моим приятелем.

Через минуту деревня увидела замечательный спектакль—по улице прогарцевал Насреддин, сидя верхом на отплевывающемся эфенди-мулле.

Когда доехали, Насреддин слез с муллы и повел его за уздечку на мельницу.

Мулла подошел к ослу и провел рукой по его спине. Мучная пыль тотчас же осыпалась, и изпод нее показалась черная полоса.

— Да ведь этот осел еще лучше меня,—сказал мулла.

И начал стряхивать муку с его головы, ног и спины.

Когда осел вернулся в свое прежнее состояние, мулла обратился к Насреддину и с укоризной заметил:

— Это и есть твой осел. Замечаешь ли ты наконец свою ошибку?

— Это не ошибка,—ответил Насреддин.—Я не вижу особенной разницы между вами. Если вы и отличаетесь друг от друга, то разве лишь мастью.

Мустафа Топал, дер. Гаспра

130

О вороне и быке и о том, что ответил оджа благоверному кадию

Однажды Насреддин оджа увидел двух дерущихся ребятишек. Возле них лежала сильно помятая, но еще живая ворона.

Оджа рознял драчунов и спросил их о причине ссоры.

— Да как же так, оджа-эфенди,—сказал один,—разве я не имею права забрать эту птицу, если я увидел ее и подставил свою спину, чтобы он схватил ее?

— Нет, это моя птица,—сказал другой.—Если бы я не достал ее, тебе бы никогда не удалось добраться туда.

Насреддин выслушал обоих, пошарил в карманах и, найдя там два гуруша (монеты), протянул их ребятишкам.

— Вы оба прекрасные охотники,—сказал он.— Я покупаю у вас эту ворону, а вы бегите подстрелите себе этими монетами пряничных петушков. Эта дичь приятнее для вашего вкуса.

И, вызволив несчастную ворону из рук угнетателей, оджа выпустил ее на свободу.

Поднявшись в воздух, ворона сделала два круга, потом вдруг опустилась вниз и уселась на голову соседнего вола. Она вцепилась когтями в рога животного и не думала улетать.

— Эге,—воскликнул Насреддин,—славного сокола я приобрел. Уже и дичь мне ловит.

И, взяв в одну руку ворону, Насреддин ухватил другой рукой быка за рог и потащил его к себе во двор.

На другое утро хозяин хватился своего пропавшего быка. Целый день потратил он на поиски его и только к вечеру увидел стоящим в сарае Насреддина.

Страшно рассерженный ворвался он в дом оджи и набросился на него с руганью:

— Какое ты имел право загнать к себе моего вола?! Я целый день убил, разыскивая его.

— Чего ты орешь?—спокойно сказал Насреддин.— Охотиться нигде не запрещено. Этого вола поймала мне моя ворона, которую я купил вчера за

два гуруша. Если ты имеешь претензии, то у нас есть суд—идем туда и он разберет, кто из нас прав, кто виноват.

На другое утро тяжущиеся предстали перед кадием.

Незаметно от жалобщика Насреддин шепнул кадию, что в случае благоприятного исхода дела он принесет ему целый кувшин бараньего жира.

Предвкушая добычу, жадный кадий не стал терять времени и, порывшись для виду в законах, объявил что хозяином быка отныне является Насреддин.

Через полчаса кадий получил от оджи обещанный кувшин жира. Радуюсь удаче, он тотчас же достал жаровню и приготовился изжарить на этом жиру яичницу из яиц, полученных по другому делу.

Но не успел кадий воткнуть в кувшин ложку, как на него пахнуло таким ароматом, что у справедливейшего вершителя судеб даже дух захватило. Бараний жир лежал в кувшине только тонким слоем, под ним же весь кувшин был наполнен ишачьим калом.

В дикой ярости ворвался кадий в саклю оджи.

— Ах ты, негодяй! Да как ты осмелился кормить этой гадостью меня, твоего кадия, представителя власти, блюстителя шариата?

— Не кричи, кадий,—спокойно сказал оджа.—Тебе, ведь, не в первый раз питаться ослиным калом. Разве не калом ослиным воняли твои слова,

когда ты вынес свое высокое решение? Где же это видано, чтобы двухкопеечная дохлая ворона могла поймать сторублевого вола? Твой шариат стоит как раз того, чтобы подтирать испражнения твоих решений, если он позволяет их тебе выносить. Убирайся-ка ты, ишачий навоз, пока я не выпустил на тебя мою собаку.

Усеин Эмир Дерменджи, дер. Кикенеиз.

131

Судебная ошибка

Ввязавшись в тяжбу с одним своим соседом, Насреддин оджа вынужден был обратиться к кадию.

Долго пришлось ждать одже, пока взяточник кадий решал дело. Месяц прошел, другой прошел—никакого результата. Наконец Насреддин понял, чего ждет кадий, и решил сразу и выиграть дело и проучить жадного судью. Достал он большой таз, наполнил его глиной, а сверху на полпальца залил медом. И понес к кадию.

Кадий тотчас же решил дело в пользу оджи. Потом взял таз подмышку и побежал домой наслаждаться лакомством.

Каково ж было его удивление и гнев, когда под тонким слоем меда он увидел целую груду желтой глины.

Побагровев от ярости, кадий призвал посыльного и, рассказав ему о подарке, приказал немедленно разыскать Насреддина и привести его пред свои очи.

Посланец нашел оджу на базаре. Он стоял перед телялом и приценивался к ишаку.

— Эй, оджа,—обратился к нему посланец,—оказывается в решение, которое вынес вам наш благоверный кадий, вкралась ошибка. Дайте-ка я верну его для исправления.

Насреддин засмеялся.

— Вы не совсем точно выражаетесь, ага. Ошибка вкралась не в решение кадия, а в ту плату, которая пришла к нему раньше решения. Все дело в том, что судопроизводство нашего кадия поразительно походит на естественные отправления того животного, которое я собираюсь покупать. Сначала в него входит причина, а потом выходит следствие.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

**О том, как оджа Насреддин угостил
муллу шашлыком**

Однажды Насреддин купил на базаре жирного мяса и приготовил великолепный шашлык. Но так как к шашлыку нехватало перца, оджа, недолго думая, запер саклю, положил ключ под камень и направился на базар, чтобы купить этой необходимой приправы.

У самых ворот своей сакли он встретил дервиша, подозрительно посмотрел на него и подумал:

— Эге, да как бы этот молодчик не поживился у меня, пока я буду ходить за перцем.

И, чтобы предупредить это, оджа обратился к дервишу и сказал:

— Вот что, ага, под этим камнем я положил ключ, смотри не воспользуйся этим и не съешь шашлык, который стоит у меня в буфете в казане, накрытом тарелкой.

И успокоенный оджа отправился на базар.

Дервиш тотчас же достал в указанном месте ключ, открыл саклю и наслаждался шашлыком, уничтожив его весь без остатка. А чтобы не оставлять дело только на половине, спустил штаны и навалил в казан полную кучу.

Когда Насреддин возвращался с базара, по дороге ему встретился мулла. Алчный служитель

бога верхним чутьем почуял угощение и, подпустив хитрую речь, назвал на приглашение.

Нечего делать, пришлось одже вести муллу на истребление шашлыка.

Войдя во двор, оджа достал ключ (дервиш положил его на место), открыл саклю и впустил имама. Тот уселся за стол и, потирая руки, приготовился к пиршеству. Насреддин поставил казан на стол и подвинул его к мулле. Мулла, заранее облизываясь, поднял крышку.

В ту же минуту из казана ударила такая сильная вонь, что Насреддин фыркнул, зажал нос и спрятался под стол. А из казана вырвалась целая стая мух и закружилась над головой муллы.

— Что же это за шашлык?—указал мулла на содержимое казана.—Где же это видано, чтобы почтенного муллу угощали подобным кушаньем?

— Не взыщи, эфенди,—сказал оджа,—проклятые мухи не только съели весь шашлык, но еще и вернули его через свои желудки обратно.

Мухи продолжали кружиться над имамом.

— Что делать с мухами? Отбою нет от них,—сказал оджа.

— А ты бей их! Бей, где бы ни увидел.

В эту минуту на нос муллы уселась огромная муха.

Насреддин взял ложку и с такой силой хлопнул по этой мухе, что почтенный мулла вылетел в дверь и растянулся на улице.

Больше он не навязывался на угощение к Насреддину.

О скорости распространения звука

Однажды ночью Насреддин залез во двор соседа и начал бесшумно взламывать замок его сарая (ему нужно было сено, чтобы накормить свою корову).

Сосед увидел его.

— Что ты там делаешь, оджа?—спросил он его.

— Играю на скрипке,—ответил Насреддин.

— А отчего же не слышно звуков?

— Звуки выйдут утром,—ответил оджа.

Садык Топал, дер. Гаспра.

Мечеть испоганит и хорошее пение

Купаясь в своем хамаме, Насреддин от скуки затынул песню. Получилось очень звучно.

— Ишь ты!—сказал оджа.—Голос-то у меня приятный.

И, не желая лишиться односельчан удовольствия, Насреддин поднялся на минарет и во все горло стал петь оттуда.

Был день рамазана. Услышав песню, мулла выскочил из мечети и, увидев на минарете Насреддина, сердито закричал:

— Что ты делаешь, безумец? До темчита еще далеко. Да и голос у тебя больно уж противный.

— Это, пожалуй, правда,—согласился оджа.— Мечеть что угодно испоганит. Ты бы послушал, как в хамаме получается.

Абдураман Оджа, дер. Уркуста.

135

Насреддин занимается садоводством

Насреддин посадил у себя на огороде персиковое дерево. Но как только наступил вечер, он вырыл его из земли и положил на ночь в комнате. А утром снова посадил в ту же яму. И так стал делать каждый день—утром сажать, вечером вырывать деревцо из земли.

— Зачем ты это делаешь?—спросили его удивленные соседи.

— Эх, друзья!—ответил оджа.—Разве вы не знаете, какое воровство развелось за последнее время? Вещь бедняка ночью должна быть у его изголовья.

Абидулла Софу, дер. Озенбаш.

Насреддин в трауре

Лиса утащила у Насреддина курицу. Оджа достал черную ленту и повязал кусочки ее на шею каждому цыпленку.

— Что это значит, дорогой наш оджа?—спросили его соседи.

— Говорите тише, не расстраивайте сирот. Это траур по покойной их матушке.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

О великих доходах, предстоявших Насреддину от использования десятка куриных яиц, и о том, почему он этих доходов не получил.

Насреддину одже подарили однажды десяток яиц.

Не зная от радости, что с ними делать, оджа положил их в шапку и, нахлобучив ее после этого на голову, устремился домой.

По дороге он стал мечтать:

— Эти десять яиц я положу под наседку и из них вылупится десять цыплят. Когда цыплята вырастут и превратятся в кур, они снесут в год по сто яиц. Десять раз по сто это составит тысячу яиц. Из тысячи яиц получится тысяча

цыплят, которые потом станут курами. Тысяча кур снесет в свою очередь по сто яиц. Тысяча по сто это будет сто тысяч яиц. Если даже я продам девяносто девять тысяч яиц, то и тогда у меня в хозяйстве останется тысяча яиц или, что все равно, тысяча кур. И если эта тысяча кур снесет по сто яиц, то на продажу у меня останется... тьфу ты, шайтан сколько же у меня останется на продажу? Сколько у меня оставалось до этого?

И, сбившись в счете, Насреддин принялся считать сначала. Он до того увлекся, что снова потерял счет, снова начал сначала и опять сбился. Наконец он совсем запутался. Выведенный из терпения, он рассердился и хлопнул себя по башке.

— Ну, думай же, думай же!

Такого удара яйца не выдержали. Шапка слетела с головы, яйца высыпались на землю и, стукнувшись о камни, разбились вдребезги. Вместе с ними разбились вдребезги и мечты Насреддина.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

138

Чистота—залог здоровья

Жена Насреддина мыла на речке белье. Насреддин сидел рядом и ловил рыбу.

Вдруг откуда ни возьмись, появилась ворона, схватила кусок мыла и кинулась улепетывать вдоль по берегу.

— Эй, оджа!—закричала жена. Скорей, скорей!.. Догоняй ворону. Отними мыло!

У Насреддина в это время клевало. Ну куда там было гоняться за вороной?

Чтобы отвязаться от жены, он повернулся к ней и сказал:

— Ну и жадная ж ты. Ведь у вороны одежда грязнее нашей. Ну пусть ее постирает как следует. Разве ты не знаешь, что чистота—залог здоровья.

Зейтулла Амет, дер. Кичешиз,

**Разъяснение оджи Насреддина о законах
наследственности**

Явилась к Насреддину теща и стала жаловаться на судьбу.

— Сколько уж времени живешь ты, оджа, с моей дочкой, а все не посылает мне аллах внучат.

Насреддин страшно растрогался и ответил:

— Дорогая моя теща! Тут видно, дело в наследственности. Должно быть бездетность свойственна всему вашему роду. Скажи, например, пожалуйста, был ли у твоей матушки хоть один ребенок?

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

**Руководство к родовоспомощствованию, или
о том, как оджа Насреддин помогал жене
разрешиться от бремени**

Жена Насреддина очень долго не могла разрешиться от бремени первым ребенком. Все соседки прямо с ног сбились, стараясь облегчить ее участь.

Наконец они обратились к самому Насреддину и посоветовали ему написать подходящий „дува“, который бы ускорил роды.

Сообразительный оджа тотчас же побежал в бакалейную лавку и купил полфунта грецких орехов. Вернувшись домой, он подошел к ложу, где лежала жена и положил орехи к ее лону. Потом сел в сторонке и принялся спокойно ожидать результатов.

Удивленные поступком оджи повивалки полюбопытствовали, — что может означать такое странное мероприятие.

— Ничего в этом странного нет, — ответил Насреддин. — Когда имеешь голову на плечах, можно не прибегать к помощи дува. Разве вы не знаете, что дети любят играть в орешки? Как только этот младенец увидит орехи, он тотчас же потянется к ним и покинет наконец свою родительницу.

Ахтотай Хурбедин, дер. Симеиз.

141

О неограниченных возможностях человеческой памяти

Однажды малолетний сын оджи заявил:

— А ведь я хорошо помню тот день, когда я родился.

Услышав такие неприличные слова, мать принялась лупить мальчишку.

— Погоди-ка ты, неразумная,—сказал Насреддин.—Откуда мы знаем, на какие чудеса способна память молодого поколения.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

142

О проповеди Насреддина оджи и о замечании, которое сделал его сын

Однажды односельчане попросили Насреддина, чтобы он сказал в мечети проповедь.

Оджа не замедлил охотно согласиться.

Но едва только он поднялся на помост, как заметил, что ему совершенно нечего сказать. Сколько он ни тужился, ни одного слова не приходило ему в голову. Стоит и молчит. И чем больше молчит, тем более неловко ему становится. Хоть убей, нечего сказать. А паства начинает уже похихикивать.

Наконец Насреддин делает над собой усилие и говорит:

— О, правоверные мусульмане! Вы прекрасно знаете, что за словом я в карман никогда не лезу. Но воображаю себе, как вы удивитесь, если я скажу вам, что в эту минуту ни одного слова не приходит мне в голову.

В это время в мечети среди слушателей находился

сын Насреддина. Услышав слова отца, достойный отпрыск оджи воскликнул:

— О, отец. То что тебе не приходит в голову ни одного слова, меня еще не так удивляет. Но скажи мне, неужели же тебе до сих пор не пришло в голову, что пора слезать с помоста?

Саиде Усеинова, дер. Дереккой.

143

Кто старше?

— Кто из вас старше: ты или твоя сестра?— спросили однажды у Насреддина.

Оджа ответил:

— В прошлом году мать мне говорила, что сестра младше меня на один год. Стало быть теперь мы ровесники.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

144

Упрямая теща

Теща Насреддина упала в речку и утонула.

Сообщили об этом Насреддину. Оджа, как добрый зять, достал багор и отправился на реку, чтобы выловить тело утопленницы. Но пошел он не

вниз по течению, как обычно делают, в таких случаях, а наоборот — вверх, против течения.

Удивленные односельчане указали ему на несообразность его поступка:

— Оджа, разве может тело плыть вверх по реке?

— Не лезьте со своими советами, — ответил Насреддин. — Вы же не знаете характера моей тещи. Она настолько упряма, что обязательно пойдет наперекор разуму и поплывет не вниз, а вверх по течению реки.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

145

Об одном удивительном состязании и его благополучном конце

Однажды Насреддин заупрямился и не захотел поить осла. Поручил эту обязанность жене. Но и та была упряма не меньше оджи и тоже отказалась. Спорили-спорили, наконец Насреддин сказал:

— Вот выход: будем молчать (кстати я люблю, когда ты это делаешь). Кто первый заговорит, тот и будет обязан поить осла.

Молчат день, молчат другой, переговариваются только знаками. Осел стоит печальный и хмурый.

На третий день приходит к одже внучка,

приносит ему обед. Насреддин показывает ей через голову на шкаф—налей, мол, суп в миску.

Внучка маленькая, где ей понять знаки, поняла да не так, как хотел Насреддин, взяла да и опрокинула кипящий суп на голову бабушки.

— Ах ты, недотепа!—заорала на девочку жена.— Ты же обожгла его.

— Нет худа без добра,—ответил Насреддин.— Иди-ка поить осла.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

146

Ответ по существу

— Твоя жена развратничает,—сказали Насреддину.

— Ложь!—ответил тот.—Если б она развратничала, то и мне хоть раз удалось бы ее совратить.

М у с т а ф а Т о п а л, дер. Гаспра.

147

Еще более мудрый ответ

— Скажи мне, оджа, обратилась однажды к Насреддину его жена,—кому на глаза разрешаешь ты мне показываться?

— Всем, кроме меня,—ответил Насреддин.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

Новое в области деторождения

Спустя три месяца после свадьбы жена объявила Насреддину, что собирается родить.

— То есть как же это так?—удивился оджа.— Ведь мы же только три месяца, как женаты, а даже маленькому ребенку известно, что женщина может родить только через девять месяцев и десять дней.

— Но по моим подсчетам как раз уже и подошел срок,—ответила жена.—Посчитай сам: я вышла за тебя три месяца назад. Ты женился на мне тоже назад три месяца. Да ребенка я ношу в себе уже три месяца. Вот и получается как раз девять месяцев.

Пришлось Насреддину идти за повивальной бабкой.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Предусмотрительность не мешает

Каждое утро Насреддин покупал на базаре печенку и приносил жене, чтобы та приготовила ее к обеду.

Но достойная супруга продолжала кормить мужа пустой лапшой.

Скромный оджа долго терпел такой обман, наконец не выдержал и спросил:

— Но куда же девается печенка, которую я приношу каждое утро?

— Ах, оджа,—ответила жена.—Наша кошка такая воровитая, что каждый день уносит ее, так что я и оглянуться не успеваю.

Ни слова не говоря, Насреддин встает из-за стола, берет лежащий в углу топор и прячет его в сундук.

— Что это ты делаешь, оджа?—полюбопытствовала жена.

— Прячу от кошки. Ведь если она каждый день таскает десятикопеечную печенку, то рублевый топор и подавно утащит.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

150

Запасливый оджа

У Насреддина тяжело заболела жена. Приходя с работы, оджа каждый раз садился у ее кровати и принимался плакать, громко причитая.

— Ну зачем ты себя так изводишь?—заметили ему соседки.—С помощью аллаха она поправится.

— Ханым!—ответил оджа,—я человек занятой. С утра до вечера—на работе, плакать мне некогда. Так почему ж не употреблять свободное

время, чтобы поплакать про запас. Глядишь, постепенно и набежит для будущей смерти. Умрет, а плакать уже и не нужно—все заранее оплакано.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

151

О чем плакали оджа Насреддин и его супруга

Решила жена Насреддина хоть чем-нибудь досадить мужу.

Вот однажды, приготовив к обеду похлебку, она насыпала в нее так неимоверно много перца, что нельзя было сделать ни одного глотка, чтобы не обжечься.

Но только уселись за стол, глупая баба забыла о задуманном и первая хлебнула полную ложку этой похлебки.

От сильной приправы у нее тотчас же схватило в горле, и слезы потекли ручьем по щекам.

— О чем ты плачешь, дорогая женушка?—спросил участливо Насреддин.

Хитрая женщина, желая скрыть истинную причину, ответила:

— Да как же мне не плакать, я вспомнила сейчас, что потеряла своих родителей, когда была еще совсем-совсем маленькой.

— Ну не плачь,—успокоил ее оджа и сам взялся за ложку.

Но не успел он сделать глоток, как из глаз его потекли целые ручьи слез.

— А ты чего плачешь, дорогой муженек?—ласково осведомилась жена.

— Я плачу потому, что они умерли уже после того, как произвели тебя на свет,—ответил Насреддин.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

152

О том, как одже Насреддину из-за упрямства жены пришлось вместо одного абдеста выполнить сразу два

Насреддин собирался на свадьбу брата своей жены. В самый последний момент, когда оджа уже надел шубу, вздорная его жена всплеснула руками и закричала:

— Ой, оджа, ты с ума сошел! Ты идешь на свадьбу, не совершив абдеста. Сейчас же отправляйся в хамам и искупайся. Но смотри, не заставь себя ждать на свадьбе. Иначе нам и на глаза нельзя будет показаться.

Насреддин попытался было ублагоразумить жену и убедить ее, что можно обойтись без абдеста, но куда там—упрямая баба уперлась на своем, подняла крик и требовала, чтобы он немедленно совершил омовение. Послушал-послушал оджа, плюнул с досады и пошел купаться.

Пока он возился в хамаме, пошел дождь. До того не хотелось распаренному одже итти по дождю на свадьбу, что прямо передать нельзя. Однако он вспомнил свою благоверную и понял, что от этого не отвертишься. Недолго думая, он свернул свою одежду, завязал, чтобы не промочить, в узел и, взвалив на спину, в чем мать родила отправился на свадьбу.

Это было невиданное зрелище.

Встречать оджу высыпали все, кто был на свадьбе.

— Что с вами, оджа? — участливо спросили гости. — Что с вами? Ведь вы же, да простит нас аллах, совсем голый.

— Скажите пожалуйста, как вы наблюдательны, — сердито ответил Насреддин, стряхивая с себя воду. — Благодарю вас сердечно. А что со мной — спросите у моей жены. Ибо если женщина захочет, то муж примет сразу две ванны — и горячую и холодную.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

153

О том, что необходимо знать хорошему истопнику

Как-то Насреддин растапливал печку. Однако сколько он ни тужился, дрова не разгорались. Раздувал, раздувал оджа — никакого толку. Наконец он взял платок жены и начал махать им перед

тлеющим поленьями. Огонь тотчас же вспыхнул, и дрова начали гореть.

— Ого!—изумился оджа,—огонь и тот боится моей ненаглядной женушки.

Ах тем, дер. Кореиз.

154

О цене меча и о чудесных свойствах печных щипцов оджи Насреддина

Однажды Насреддин увидел на базаре человека, который продавал старый меч.

— Сколько стоит?—спросил оджа.

— Сто рублей.

— Какими же достоинствами обладает он, что ты так дорого за него просишь?

— О, добрый человек,—ответил продавец,—этот меч чудодейственный. Если с ним броситься на врага, его клинок удлинится на десять аршин.

Насреддин не стал больше ничего расспрашивать, бросился домой, схватил щипцы от мангала, вернулся на базар, стал рядом с продавцом меча и стал зазывать покупателей.

— Сколько же стоят эти щипцы?—спросили его.

— Тысячу рублей,—ответил Насреддин.

— Не с ума ли ты сошел?—возмутились покупатели.—Да какими же они обладают свойствами, что ты так дорого за них просишь?

— О, добрые люди, — ответил оджа. — Это щипцы сверхчудодейственные. Когда моя жена бросается с ними на меня, они, проклятые, удлиняются на сто аршин.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

155

Поручение, доведенное до конца

У Насреддина заболела жена.

— Ой, оджа! сбегай за лекарем, нет мочи терпеть, — стонала она.

Нечего делать, надел Насреддин шапку и пошел звать лекаря. Но не успел он выйти на улицу, как неугомонная супруга, высунув в окошко голову, закричала:

— Не нужно, не нужно лекаря, уже прошло.

Насреддин покачал головой и пошел дальше. Придя к врачу, он поздоровался с ним и сказал:

— Хеким-эффенди. Жена моя серьезно заболела и попросила позвать тебя. Но пока я шел, ей сделалось лучше. Поэтому я пришел сказать тебе, чтобы ты не беспокоился понапрасну, и не утруждал себя ненужным посещением.

Саиде Усеинова, дер. Дереккой.

Удивительная несообразность

Насреддину сказали:

— Знаешь, оджа, твоя жена совсем потеряла разум.

Насреддин глубоко задумался.

— О чем ты?—спросили его.

— Не могу понять,—ответил оджа.—Как же она могла его потерять, если у нее совсем его не было.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

О двух светопреставлениях

Соседи спросили у Насреддина:

— Скажи нам, оджа, скоро ли будет светопреставление?

— А какое именно по счету?—поинтересовался Насреддин.

— А сколько же их будет всего?—удивились соседи.

— Два,—ответил оджа.—Первое—маленькое, когда умрет моя жена. Второе—большое, когда умру я сам.

А л и Б у б у ш, дер. Кикенеиз.

О подлинных причинах смерти Насреддиновой супруги

Насреддину сообщили, что умерла его жена.
— Это не удивительно,—сказал оджа.—Она умерла от горя, ибо боялась, что я могу с ней развестись.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Две смерти

У Насреддина умерла жена. Оджа ходил несколько дней печальный, но особенных признаков горя не подавал.

Потом у Насреддина окошел ишак. Это несчастье привело оджу в такое смятение, что он рвал на себе волосы, бил себя в грудь кулаками и проливал реки слез.

— Как же так?—заметили ему соседи.—Смерть жены ты перенес спокойно, а смерть осла причиняет тебе столько горя. Что это значит?

— Вот чудачки,—ответил Насреддин.—Да ведь когда умерла жена, вы же сами обещали найти мне другую, еще лучшую. Чего же тогда горевать? Когда же испустил дух мой ближайший помощник, никто из вас даже слова утешения не вымолвил, никто не пообещал найти другого.

С а н д е У с е и н о в а, дер. Дереккой.

Вычисления Насреддина по поводу вместительности двуспальной кровати

После смерти своей жены Насреддин оджа решил жениться вторично.

Соседи тотчас же сосватали ему одну молодую вдовушку из другой деревни. Была сыграна свадьба, и оджа стал наслаждаться счастьем.

Но случилось так, что каждый вечер, ложась в постель, молодая жена оджи, предавалась воспоминаниям о своем первом муже и всячески восхваляла перед Насреддином его достоинства.

Так происходило каждый вечер.

Терпел-терпел это Насреддин и наконец не выдержал. Однажды, когда жена начала свои восхваления, он вышел из себя и так толкнул под бок свою супругу, что та выскочила из кровати и здорово таки стукнулась о пол.

На следующее утро молодая явилась к своему отцу с заплаканными глазами и рассказала о поступке Насреддина.

Тесть вызвал оджу к себе и потребовал, чтобы тот объяснил ему причины подобной выходки.

И оджа ответил:

— О, дорогой мой тесть, ниспосланный мне аллахом. Посчитай сам: я, ваш покорный слуга—раз. Моя теперешняя жена—два. Покойный муж

моей теперешней жены—три. И все это на одной двуспальной кровати! Мудрено ли, что один из нас свалился.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

161

О том, как оджа Насреддин и его супруга искусно управляли своим хозяйством

Решив избавиться от своего ишака, Насреддин оджа позвал теляла и поручил ему продать это никудышное животное.

Телял повел осла на базар, выбрал место и стал зазывать покупателей.

— Вот ишак, вот ишак!—кричал он.—Люди добрые! Не было еще на земле такого прекрасного ишака! Когда идет—хоть чашку с кофеем ставь ему на спину—ни капли не разольет. Вот ишак, это да! Да что там! Храбр, как леопард, силен, как слон, молод, как газель, умен, как мулла. Вот ишак, так ишак! А характер какой—мягкий, ласковый, женственный.

— Скажи, пожалуйста!—подумал Насреддин, который стоял неподалеку и слышал эти зазывания.—Сколько лет ездил на этом осле и жаловался, а он оказывается—вон какой.

В это время соблазненные восхвалениями теляла вокруг ишака собрались покупатели и принялись наперебой предлагать продавцу деньги.

— Эге!—спохватился Насреддин,—чего ж я-то зеваю. Такого случая упускать нельзя. А то ведь набьют цену.

И, растолкав покупателей, Насреддин пробрался к телялу и купил у него собственного ишака за вдвое большую сумму, чем тот того стоил.

Уплатив деньги, оджа взял осла за ухо и повел домой, радуясь удаче.

Дома он похвастался жене выгодной покупкой.

— Ну, муженек,—ответила та,—нам сегодня обом подвалило счастье. Я тоже не хуже тебя обделала одно дельце. Проходит сегодня мимо наших ворот продавец катыка. Я его зазвала. Вот он мне вешает катык, а я возьми и подбрось на чашку весов, где гири—свой золотой браслет. А он, представь себе, и не заметил, И таким образом заплатив за фунт, я получила почти полтора фунта катыка. Правда, браслет пропал, но зато лишних полфунта катыка я получила даром. Это не часто удается.

— Жена моя!—воскликнул Насреддин.—Поистине ловкость твоя достойна моей сноровки. Давай же и впредь вести так свое хозяйство, украшая его—я снаружи, а ты внутри.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

Разделение труда или замечание Насреддина во время пожара

Случилось несчастье. У оджи Насреддина загорелся дом.

Пламя уже охватило крышу, стало вырываться из окон, а самого хозяина что-то не видно.

Соседи начали волноваться и громко звать оджу—никакого ответа. Тогда они выбили дверь и вбежали в дом.

Каково же было их удивление, когда они увидели Насреддина оджу, спокойно сидящего на тахте и читающего книгу.

— Разве ты не видишь, безумец, что горит твой дом?—закричали соседи.

Насреддин оторвал взор от книги и ласково ответил:

— О, добродетельные мои друзья! Не мешайте мне читать. Да будет вам известно, что мы с женой еще при женитьбе разделили между собой все обязанности. Все хлопоты по дому и хозяйству взяла на себя моя супруга. Если вы не сочтете за труд, то пройдите, пожалуйста, к ней и сообщите ей о пожаре. Ибо этим ведает она, и я не вмешиваюсь в ее дела.

Сеит Халиль Шюкри, дер. Маркур.

**О том, что важно не столько само гостеприимство,
сколько способность уверить в нем своих
гостей**

Хлебосольный оджа, встретив как-то шатающихся по деревне сохт, пригласил их к себе на ужин. Те охотно согласились.

— У нас же совершенно ничего нет,—шепнула Насреддину встревоженная жена.—Чем же их кормить?

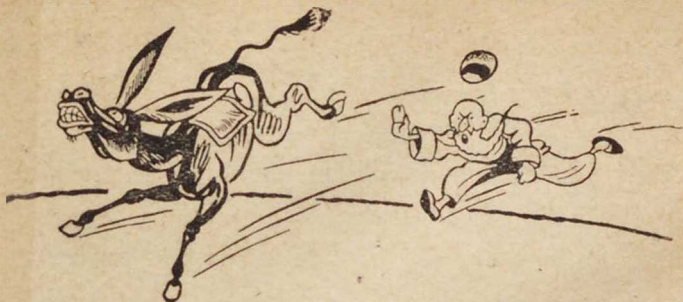
— Ничего, дай пустую миску,—ответил оджа.

И, усадив богословов за стол, он обратился к ним и сказал.

— Видите ли вы эту миску, о, дорогие гости? Я пригласил вас, чтобы вы удостоверились в моем гостеприимстве. Полную миску плова подал бы я вам к ужину, если б у меня оказались для этого мясо, масло и рис.

Сейт Халиль Шюкри, дер. Маркур.

О способе, которым можно неповоротливого ишака превратить в самое резвое животное

Прогуливаясь по берегу моря, Насреддин оджа увидел, как рыбаки смолили лодку.

— Что это вы делаете?—полюбопытствовал Насреддин.

Рыбаки ответили:

— Мы заливаем дырки горячей смолой. От этого лодка будет лучше плавать.

— Ишь ты,—подумал оджа.— Почему же мне не применить этот способ к моему неповоротливому ишаку. Ведь он же станет быстрее передвигаться.

Сказано-сделано. Насреддин привязал осла к кусту, взял горячего вару и принялся засмаливать ишаку дырки.

Но только успел он коснуться главной из них, как ишак рванул головой, оторвался от привязи и быстрее ветра бросился наутек.

Оджа посмотрел ему вслед и сказал:

— Средство поистине замечательное. Еще даже не успел кончить, а он вишь какой резвый сделался.

А б и б у л а С о ф у , дер. Озенбаш.

165

О том, как подобный же способ при умении можно применить и к самому себе, да и не только к себе, но и к своим ближним

Однажды Насреддин вез на своем ишаке вязанку дров. Ни с того, ни с сего осел вдруг остановился и, несмотря на понукания оджи, не хотел сделать ни шагу дальше. Целый час провозился Насреддин, ругая осла и подталкивая его вперед, — ничего не помогало.

В это время мимо проходил лудильщик. Увидев такую картину, он решил помочь Насреддину и, взяв паклю с нашатырем, мазнул ею осла под хвостом.

Как арабский скакун взвился ишак на дыбы и быстрее ветра кинулся бежать по направлению к дому. Кинулся было за ним и Насреддин, но куда там догнать его, об этом и думать было нечего.

Тогда оджа повернулся к лудильщику и сказал:
— Не сможешь ли ты, ахай, и мне придать скорости, чтобы я сумел догнать этого окаянного безумца?

Лудильщик с удовольствием согласился и, достав нашатырь, мазнул Насреддину, как и ишаку.

Если осел мчался как ветер, то Насреддин полетел как буря.

В две секунды он догнал осла и, не в силах замедлить бег, промчался дальше вперед.

Доскакав до своего двора, он перепрыгнул через забор и, сделав несколько кругов перед саклей, хотел было устремиться дальше. Но в это время выскочила жена, и всплеснув руками, бросилась к Насреддину.

Не останавливаясь ни на минуту и продолжая носиться по двору, оджа закричал:

— Скорей! скорей! К лудильщику! Если ты хочешь догнать меня, пусть он смажет тебя своим чудодейственным средством.

Зейгула Амет, дер. Кикенеиз.

166

Как оджа Насреддин разыскал своего украденного ишака

Случилась покража. С насреддинова ишака стянули на базаре уздечку. Пришлось Насреддину тянуть его домой за ухо. Через несколько дней,

снова попал на базар, Насреддин увидел около караван-сарая огромного египетского осла, привязанного к столбу. На голове этого осла была надета насреддинова уздечка.

Насреддин обошел осла раз, другой, третий и развел руками.

— Ничего не понимаю! — воскликнул наконец он. — Судя по голове — это мой ишак, но как случилось, что у него совсем переменялось туловище?

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

167

О том, как оджа Насреддин проучил своего непокорного осла

Нарубив в лесу дров, Насреддин взвалил их на ишака, потом приладил сверху свой халат, воткнул в вязанку топор и сказал ослу:

— Я пойду сокращенной тропинкой и загляну к знакомому, а ты иди себе по дороге.

И, отдав такое распоряжение, оджа со спокойным сердцем отправился в деревню.

Каково же было его удивление, когда, вернувшись домой, он не застал там своего осла.

— Ну и дурак, — подумал Насреддин. — Вероятно уж где-нибудь заблудился. Придется итти отыскивать его.

Поднялся снова в лес и — на тебе! Ишак стоял

на том же самом месте и щипал траву. Вязанка была на нем, но от халата и топора не осталось уже и следа.

— Ах ты, чорт полосатый,—обиделся Насреддин.—Хорошо же! Я тебя проучу.

И немедленно сняв с осла седло, оджа заявил:

— Сию же минуту отправляйся за топором и халатом. И имей в виду: до тех пор, пока ты их не вернешь, не видать тебе твоего седла, как своих ушей.

А л и Б у б у ш, дер. Кикевеев.

168

О неразумном теляле, своенравном осле и трагической участи оджи Насреддина

Терпел-терпел Насреддин оджа от своего ишака, наконец не стало мочи. До того опротивел ему нрав осла, что решил он от него избавиться. Отвел он осла в город и передал в руки теляла.

Телял вывел осла на самое людное место базара и приступил к торгу.

Подошел один покупатель, осмотрел осла и, желая узнать его возраст, открыл ему рот, чтобы посмотреть зубы. Осел как будто только и ждал этого момента. Он так кусанул покупателя за руку, что тот проклял все на свете и, не спрашивая о цене, ушел дальше, ругаясь и плеываясь.

Подошел второй покупатель, осмóтрел осла и вздумал проверить его копыта. Не успел он поднять заднюю ногу, как злобный ишак изловчился и так треснул покупателя в живот, что тот отлетел на сажень и, заревев благим матом, бросился бежать.

— Забирай ишака!—сказал телял Насреддину.— Забирай, бога ради, домой, я тебе отступного дам. Забирай скорей, пока я не сошел с ума. Все равно не найдется покупателя на эту драгоценность. Будь проклят день, когда тебе вздумалось продать его.

— Что ты, что ты?—ответил печально Насреддин.—Откуда ты взял что его можно продать? Я просто хотел, чтобы все правоверные убедились, до чего я несчастен.

И, горько заплакав, оджа взял свое сокровище за ухо и повел его во-свояси.

А бибула Софу, дер. Озенбаш.

169

О привередливом ишаке и его неблагоприятной смерти

Был голодный год. Насреддиновы запасы подходили к концу. Думал-думал оджа, как дотянуть до лета, и решил уменьшить порцию корма для своего ишака.

Так и сделал. Стал кормить ишака вдвое реже, чем раньше. Прошла неделя. Осел и вида не подает.

— Почему же мне еще не уменьшить порцию?—подумал Насреддин и со следующего дня стал давать ослу еще вдвое меньше корму.

Еще через неделю оджа снова уменьшил порцию, а еще через две дошел до того, что стал давать ишаку по четыре ячменных зерна на день.

Осел не жаловался, но перестал ходить и лежал все время в сарае. Тогда Насреддин еще уменьшил порцию его пропитания вдвое.

На следующее утро оджа вошел в сарай и увидел своего ишака бездыханным.

Насреддин страшно опечалился, в изумлении всплеснул руками и воскликнул:

— Эх какая досада! Ведь я уже почти отучил его от еды. Вот что называется умереть ни с того, ни с сего, да еще так не во-время.

А х тем, дер. Кореиз.

170

И с животными нужно быть справедливым

Насреддин оджа поехал в лес за дровами. Нарубив дров, он нагрузил ими доотказа своего ишака, потом взобрался на него сам, но в седло не сел, а только встал в стремяна. Так и поехал, стоя в стремянах, не касаясь ослиной спины и испытывая ужасное неудобство.

По дороге его встретили ребяташки. Начали смеяться.

— Эй, оджа! Почему же ты не сядешь? Ведь тебе так неудобно.

Насреддин вразумительно ответил:

— Ребятки! Надо же иметь совесть. Разве недостаточно, что он везет такую поклажу? За-

чем же вы хотите, чтобы еще и я уселся на его спину. Спасибо уже и за то, что ноги мои в стремя пустил.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

171

О покраже осла и о несправедливости соседей

У Насреддина украли осла. Вся деревня собралась к одже и на все лады стала осуждать Насреддина.

— Нужно было на ключ запереть сарай,—говорил один.

— Нужно было забор сделать повыше,—упрекал другой.

— Не надо спать по ночам, как убитый,—осуждал третий.

— Надо было в сакле его держать,—обвинял четвертый.

— Сам виноват,—ругал пятый.

Терпел-терпел оджа эти упреки, наконец не выдержал и сказал:

— Дети Иблиса! Что ж вы накинулись на меня одного? Будьте же справедливы—ругните хоть раз самого вора.

Абдураман Оджа, дер. Уркуста.

**Почему оджа благодарил аллаха, когда потерял
своего единственного ишака**

Однажды Насреддин оджа потерял своего единственного ишака.

Убедившись, что продолжать поиски безнадежно, Насреддин радостно поднял руки вверх и воздал хвалу аллаху.

— За что же ты бога благодаришь?—спросили его соседи.

— Да как же не благодарить,—ответил Насреддин.—Благодарю за то, что в тот момент, когда терялся ишак, на нем не оказалось меня самого.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

**О причинах одной драки и о том, как, благодаря
умелому подходу, Насреддину удалось эту драку
прекратить**

Среди ночи за окном насреддиновой сакли раздался какой-то шум.

Насреддин поднялся, чтобы узнать причину этого шума. Жена стала отговаривать его.

— Зачем тебе чужой грех, оджа? Лежи себе и не лезь не в свое дело.

Однако Насреддин не послушался жены, набросил на себя одеяло и вышел во двор.

Во дворе дрались какие-то парни.

Насреддин кинулся разнимать их. В этот момент один из драчунов сдернул с оджи одеяло и кинулся бежать. За ним последовал и второй.

Оджа постоял некоторое время за дверью, чтобы выждать, пока заснет жена, потом вошел в комнату и тихонько лег на постель рядом с супругой.

Но та не спала.

— Что там случилось?—спросила она.

— Спи, спи, спокойно, — ответил оджа.—Ничего страшного. Дрались из-за нашего одеяла. Одеяло пропало, но зато драка кончилась.

Саиде Усеинова, дер. Дерской.

174

Подходящий случай

Насреддин оджа был самым бедным человеком в деревне. И тем не менее однажды ночью к нему в саклю залез вор.

— Держи вора,—шепчет жена одже.

— Помолчи ты, бога ради,—отвечает шопотом же оджа.—Авось он найдет у нас что-нибудь такое, что я у него потом отнял бы.

Хатидже Усеинова, дер. Алупка.

Чудесное избавление Насреддина от неминуемой смерти

Как-то раз жена Насреддина вывесила на балконе шубу оджи, чтобы ее проветрить.

Ночью Насреддин проснулся и, взглянув в окно, увидел очертания висящей шубы.

— Кто бы это мог быть?—подумал оджа.—Эй, кто там?! Эй, что тебе нужно?!

Шуба не отзывалась. Решив, что это вор, Насреддин подивился его нахальству и решил проучить, как следует. Недолго думая, он снял со стены ружье и выстрелил в шубу. После этого спокойно лег в постель и заснул.

На утро одже снова пришлось увидеть ночного посетителя на том же самом месте. Удивленный он подошел поближе и наконец рассмотрел, что это не человек, а его же собственная шуба. Дробь изрешетила ее насквозь.

Пересчитав дырки, Насреддин поднял руки к небу и воскликнул:

— О, аллах! Благодарю тебя за чудесное избавление. Ведь я был на волосок от смерти. Страшно даже подумать, что стало бы со мной, если б в ту минуту, когда я выстрелил в шубу, она была бы не пустая, а со мной внутри.

А бибула Софу, дер. Озенбаш.

О том, что не стоит особенно доверять аллаху

Настал наконец день, когда прославленный осел оджи испустил дух и отправился в жизнь бесконечную.

Горю Насреддина не было пределов. Слезы лились у него из глаз в три ручья. Соседи пришли его утешать.

— Не плачь, оджа. Аллах пошлет тебе другого осла, еще лучше этого.

— Э, что вы в этом понимаете?—ответил Насреддин.—Во-первых, лучше покойного моего осла не может быть ни один осел в мире. А, во-вторых, вы, как видно, не знаете аллаха. Жди от него осла! Я прекрасно знаю его—меньше чем за пятнадцать целковых аллах не уступит самого паршивого ишака.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Заслуженная карьера

Потеряв своего ишака, Насреддин останавливал всех встречных и спрашивал, не видели ли они его. Один из соседей, желая подшутить над оджой, ответил, что он встретил осла в Сиври-Хисаре, где тот сделался кадием.

Ничуть не удивившись, Насреддин ответил:
— Вполне возможно. Он всегда присутствовал на уроках, которые я давал моим ученикам. Что же касается особенностей его ума, то они, насколько я мог заметить, нисколько не отличаются от особенностей ума нашего кадия.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

178

О назойливом соседе и о том, что ответил ему оджа, когда тот усумнился в его словах

Однажды утром к Насреддину одже подошел сосед и спросил:

— Что это случилось у вас, оджа, прошлой ночью? Меня разбудил громкий крик, исходивший из вашей сакли, а потом я услышал какой-то грохот, будто что-то тяжелое упало с лестницы.

Насреддин ответил неохотно:

— Ничего особенного не случилось, просто мы немного поспорили с женой.

— Ну, а что же такое упало с лестницы?—не унимался сосед.

— Это жена ударила палкой по моей рубашке, и рубашка свалилась вниз.

— Что это ты, оджа, говоришь? Разве может легкая рубашка произвести такой большой грохот?

— Да чего ты пристал ко мне?—рассердился Насреддин.—Ну я ведь был в это время внутри рубашки. Ну и что же из этого?

Садык Топал, дер. Гаспра.

179

И аллахово могущество имеет пределы

Вечером оджа сказал жене:

— Если завтра будет дождь—пойду в лес за дровами, если дождя не будет—пойду пашню пахать.

— В подобных случаях надо добавлять „иншалла“ (с помощью аллаха),—заметила жена.

— Чепуха,—ответил Насреддин,—одно из двух—или солнце или дождь обязательно будет и без помощи аллаха.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

180

О том, как одним только словом оджа дал ответ на сорок вопросов

Один назойливый сохта явился к Насреддину и сказал:

— Вы, оджа, прославились своей находчивостью. Сейчас я задам вам сорок вопросов, а вы

на все сорок вопросов должны будете дать только один ответ, но с таким условием, чтобы этот ответ соответствовал всем моим вопросам и заключался только в одном слове.

И, не дав Насреддину опомниться, богослов засыпал его вопросами. Здесь было и об аллахе, и о шайтане, и о правилах корана, и о других самых разнообразных божественных вещах. Когда сороковой вопрос был закончен, сохта обратился к одже и сказал:

— Я кончил и жду вашего ответа.

— Чепуха,—ответил Насреддин.

Условие было выполнено.

А л и Б у б у ш, дер. Кикенеиз.

181

О том, как оджа Насреддин вылечил заболевших оружейников султана

Как-раз в то самое время, когда султан объявил соседней стране войну, ему донесли, что все его оружейные мастера заболели страшной ленью.

Напрасно проклинал их султан, напрасно угрожал страшными наказаниями—мастера сидели сложа руки, как будто дело шло совсем не о них. Что было делать?

Тогда поднялся один из визирей и сказал:

— О, падишах! Знай, что только один человек

в мире может вылечить твоих мастеров. И этот человек—оджа Насреддин.

— Немедленно позвать Насреддина!—приказал султан.

Как ни отказывался оджа, как ни старался он уверить, что никогда не был хекимом (медиком), ничего не помогало. Притащили его во дворец и поставили перед султановы очи.

— Можешь ли ты вылечить моих мастеров?—спросил Насреддина султан.

— Отчего же нет,—ответил Насреддин, которому все равно ничего не оставалось делать, как сказать это.—Дай мне десять тысяч червонцев, и я сделаю так, что недуг отлетит от болящих, и они встанут здоровые как никогда.

— Выдать деньги!—приказал султан.

Получив плату, Насреддин вошел в оружейную палату и внимательно посмотрел на лентяев.

— Да, они очень больны,—сказал он. Надо спешить. Эй, кто там? Разведите во дворе костер.

— Зачем это, оджа, вам костер?—поинтересовался один из болящих.

— А как же?—ответил Насреддин.—Я буду лечить вас пеплом того из вас, кто болен сильнее всех.—Ну-ка отвечайте, кто из вас чувствует себя нездоровым?

— Я здоров,—сказал один из мастеров.

— И я здоров,—тотчас же присоединился к нему другой.

— Я тоже совсем уже здоров, — поднялся третий.

— И я вылечился! — закричал четвертый.

— И я! И я! И я тоже!! И мы!! — понеслось со всех сторон.

И не успел Насреддин развести костер, как в палате не оказалось ни одного больного.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

182

О цене Тамерлана, или сколько стоит хан, если его раздеть донага

Однажды Насреддин вместе с Тамерланом мылся в бане.

Желая подшутить над оджой, Тамерлан обратился к нему и спросил:

— Слушай, оджа, представь себе, что я был бы рабом. Во сколько бы ты оценил меня?

Насреддин взглянул на железного хромца и ответил:

— По-моему ты бы стоил пятьдесят червонцев.

— Наглец! — возмутился грозный властелин. — Только один этот пояс, который сейчас на мне, стоит пятьдесят червонцев.

— Да я собственно только его и имел в виду, — ответил Насреддин.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

Дальнейшее ясно

Насреддин спросил у одного из сановников Тамерлана:

— Кто является твоим имамом?

— Хан Тамерлан,—ответил тот.

Присутствовавший при этом сосед оджи наклонился к уху Насреддина и сказал.

— А теперь спроси-ка его, пожалуйста, кто его пророк.

— Об этом не нужно даже спрашивать,—ответил спокойно Насреддин.—Если у этого прохвоста имамом кривоногий Тимур, то пророком у него без сомненья кровавый Чингис.

Садык Топал, дер. Гаспра.

О том, как оджа продавал по частям своего несравненного осла

Решив избавиться от своего осла, Насреддин повел его на базар, чтобы продать за хорошие деньги.

Но так как хвост этого несравненного животного был до последней степени грязен, оджа, не желая снизить цену и совсем уж не намереваясь утруждать себя мытьем, отрезал хвост и спрятал его в сумку.

Вскоре к Насреддину подошел покупатель и, приценившись к ослу, стал, его осматривать.

— Э, что же это такое, эфенди?—воскликнул он,—да ведь осел-то ваш лишен самого необходимого. Кто же станет покупать ишака, не имеющего хвоста?

— Чего ты раскричался?—сердито сказал Насреддин.—Ты только сторгуйся, а что касается хвоста, то за ним ходить далеко не надо.

Абдурман Оджа, дер. Уркуста.

185

Почему осел оджи отказался итти на работу к соседу

Соседи пришли к Насреддину и попросили у него на несколько дней осла.

— Погодите одну минуту,—сказал Насреддин,—я спрошу совета у него самого.

И, подойдя к ослу, оджа стал шептать ему что-то на ухо. Потом вернулся к соседям и с удрученным видом сказал:

— Увы, друзья мои. Он отказался итти к вам. Он говорит, что вы будете бить его по ушам и поносить при нем мою жену.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Еще нечто о своенравии насреддинова ишака

Упрямство насреддинова осла не имело пределов.

Однажды оджа ехал верхом на нем по деревне. Сколько ни старался он управлять им—ничего не помогало—упрямое животное шло как-раз в противоположную сторону.

Выбившийся окончательно из сил, оджа решил наконец предоставить ослу полную свободу.

По дороге Насреддину встретились знакомые.

— А, оджа Насреддин! Далеко ли едешь?

— А я почему знаю?—ответил раздраженно оджа.—Спрашивайте, пожалуйста, этого упрямца, который находится подо мной.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

Как оджа продавал собственную чалму

Однажды, накручивая на голову чалму, оджа Насреддин так запутался в ней, что никак не мог найти ни конца, ни начала. Рассердившись, он плюнул и решил совсем отделаться от нее. Недолго думая, он вынес ее на базар и стал ожидать покупателей.

Когда покупатели подходили, Насреддин отзывал каждого из них в сторону и шептал на ухо: — Брат мой, не советую тебе покупать эту мерзкую чалму—все равно ты не найдешь у нее ни конца, ни начала.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

188

О том, как оджа Насреддин покупал себе новое платье

Приехав в большой город, Насреддин осмотрел его, потом зашел в магазин и потребовал себе штаны.

Когда ему подали, он осмотрел их внимательно, примерил и справился о цене. Но как только подошел момент уплаты, оджа вдруг переменил решение, вернул штаны и сказал, чтобы ему подали халат.

Не менее тщательно осмотрев халат, он надел его на себя и, не платя ни копейки, подался к выходу.

— Эй, милый человек, а где же деньги?—закричал ему торговец.

— Поразительно!—воскликнул обернувшись оджа. — Какие деньги? Ведь я же оставил вместо халата штаны.

— Но ведь ты же и за штаны не заплатил.

— Тугоумные эти горожане!—засмеялся Насреддин.—Глупец ты. Ведь я же не взял штаны, чего же ради, я за них бы платил.

С е и т Х а л и л ь Ш ю к р и, дер. Маркур.

189

О новой шапке оджи Насреддина и о том, каким способом удалось ему избежать назойливости своих знакомых

Во время своей поездки в Эски-Шехир, Насреддин купил себе новую барашковую шапку.

Как только он вернулся в деревню, ему не стало покоя от любопытства соседей.

— Оджа, где ты купил эту шапку?

— Оджа, сколько заплатил за шапку?

— У кого вы, эфенди, шапку купили?

— Ну и шапка—где вы ее достали?

— Оджа, сколько отдал за шапку?

— Насреддин, давно ли ты шапку купил?

Терпел-терпел Насреддин, наконец вышел на базар, поднялся на помост и закричал:

— Эй, мусульмане, собирайтесь сюда—я хочу держать вам речь.

Когда вокруг оджи собрался весь базар, Насреддин поднял над головой шапку и сказал:

— Знайте, о, правоверные, что эту шапку я купил на базаре в городе Эски-Шехире, у

торговца мехами Али Османа за четыре червонца в седьмой день этого месяца.

Абдурман Пармахсыс, дер. Гаспра.

190

О безрассудности некоторых предприятий

Путешествуя по дальним странам, добрался как-то Насреддин до большого озера.

Долго созерцал он тишь да гладь его, пока, наконец, не воскликнул удрученно:

— Ля иллях! Какое прекрасное пастбище испоганили! Ну к чему его водой налили?

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

191

Об удачном ответе, которым оджа Насреддин посрамил одного толстого домовладельца

Попав в большой город, Насреддин был поражен огромными размерами некоторых домов. Подойдя к самому большому из них, оджа не в силах был оторвать глаз от такой махины. Целый час стоял он и любовался этим громадным домом.

В это время из ворот вышел хозяин. Это был грузный человек с двойным подбородком и огромным брюхом.

— Тебе чего здесь надо?—спросил он у оджи.

— Да вот рассматриваю этот дом. Ух и здоровый же какой! А скажи, пожалуйста, что в нем находится?

— Мельница,—ответил толстяк, желая посмеяться над деревенщиной.

Почувствовав насмешку, Насреддин сказал:

— Я так и думал. Но скажи мне еще: ослы, которые обслуживают эту мельницу, тоже все такие крупные?

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

192

О том, что ответил Насреддин, когда его спросили о местопребывании Иисуса

Странствуя по Востоку, попал однажды Насреддин в деревню, которая прославилась негостеприимством своих обитателей.

День прожил оджа в этой деревне, другой прожил, неделю и вторую неделю прожил, месяц и другой месяц прожил—нет к одже никакого почтения, никто его в гости не зовет, никому и в голову не придет угостить оджу.

Терпит Насреддин и вида не показывает.

Вот как-то после намаза собралось во дворе мечети много народу, стали вести разговоры о божественных делах. И обратились беседующие к Насреддину с таким вопросом:

— Скажи нам, оджа (слава о твоей мудрости идет далеко), скажи нам, где сейчас обретается святой Иисус?

— На четвертом небе,—сухо ответил оджа.

— А скажи нам еще, оджа, чем же он, бедный святой, на четвертом небе питается?

Насреддин обвел глазами всех собравшихся и ответил:

— Эх вы, несчастные овцы аллаха! Что это вам вздумалось заботиться об Иисусе? Авось этот человек не пропадет с голодухи на своем четвертом небе. Вы бы лучше поинтересовались, как я, ваш гость, не пропал с голоду за три месяца пребывания в вашей бесподобной деревне.

Абдураман Оджа, дер. Уркуста.

193

Изыскания Насреддина в области погоды

Попав как-то в неизвестный для него город, оджа пожелал завести знакомство с местными жителями. Он подсел к кучке людей, сидящих у кофейни, и начал искать повода вступить с ними в разговор.

— Знаете ли, благоверные,—обратился наконец он к ним,—а, ведь, как это ни удивительно, климат у вас точно такой же, как и в наших краях.

— По каким же признакам судите вы об этом?—
спросили присутствующие.

— По звездам,—ответил оджа.—На вашем небе
они такие же, как и на небе нашей деревни.

А ли Б у б у ш, дер. Кикенеиз.

194

Изыскания Насреддина в области строительного искусства

Вместе со своими односельчанами Насреддин
оджа попал как-то в город Конию.

Больше всего поразили приятелей очень высо-
кие и очень тонкие минареты, которыми изоби-
лует этот город. Долго любовались спутники
этими минаретами, наконец один из приятелей
воскликнул:

— Никак не могу понять, как их строят!

— Проще простого,—ответил Насреддин.—Бе-
рут глубокий колодезь и выворачивают его на-
изнанку.

Абдураман Оджа, дер. Уркуста.

195

Наивный вопрос

— Скажи нам, оджа,—обратились как-то к Нас-
реддину,—почему люди, встав поутру с постели,
расходятся в разные стороны, а не идут в од-
ном направлении?

— Наивный вопрос,—засмеялся оджа.—Да потому, что если бы они шли в одну сторону, то земля потеряла бы равновесие и перевернулась.

Му ста фа То п ал, дер. Гаспра.

196

В поисках утраченного

Поздней ночью ночной сторож встретил Насреддина, задумчиво бредущим по улице.

— Что это ты, оджа, ищешь в такой поздний час?—поинтересовался он.—Или что потерял?

— Я потерял сон,—ответил Насреддин.—Вот и пытаюсь отыскать его на свежем воздухе.

Эмир Усеин Оджа Асан, дер. Дереккой.

197

Надежное средство

У Насреддина спросили: не знает ли он средства для лечения глаз.

— Когда у меня болели зубы,—ответил оджа,—я не находил лучшего средства, как удалить их.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

**О бессовестном соседе, неразумном осле
и об обиде оджи Насреддина**

Сосед пришел к Насреддину попросить у него на время осла.

— Увы,—ответил оджа,—его сейчас нет дома.

В это время осел, который стоял спокойно в сарае, начал кричать.

— Как же ты говоришь, что его нет дома, ведь вон же он кричит.

— Бессовестный ты человек,—обиделся оджа.— Как же тебе не стыдно. У меня вон какая борода, и ты мне не веришь, а какому-то паршивому ишаку сразу поверил.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

**Перед тем как иметь суждение по какому-нибудь
вопросу, нужно сначала обстоятельно изучить
этот вопрос**

Однажды Насреддин шел по улице соседней деревни. И случилось, что его остановил один прохожий и обратился к нему с таким вопросом:

— Скажите, эфенди, какое сегодня число?

— Эх, горе,—ответил Насреддин,—с удовольствием бы ответил на твой вопрос, но к сожалению

я только что приехал и не успел еще изучить счисление дней в этой деревне. Спроси-ка лучше у местных жителей.

Саиде Усеинова, дер. Дереккой.

200

О том, как оджа постеснялся показаться на глаза грабителю

Однажды в саклю Насреддина забрался вор.

Чтобы не попасться ему под руку, оджа спрятался в хамаме и стал благоразумно выжидать, пока он удалится.

Обшарив всю саклю и не найдя ничего подходящего, раздосадованный вор подошел к хамаму, рассчитывая, что хоть там спрятаны какие-нибудь вещи. Каково же было его удивление, когда, открыв дверь, он увидел там притаившегося оджу.

— А-а-а, вы, оказывается дома, — пробормотал вор.

— Прошу вас, простите меня, — ответил Насреддин. — Я спрятался здесь от стыда перед вами. Мне очень неприятно, что вам ничего не удалось найти в моем доме.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

О том, как оджа Насреддин избежал страшной опасности

Ветер сорвал белье оджи, сушившееся на веревке, и забросил его высоко на ветку дерева. Насреддин ужаснулся и сказал:

— Какое счастье!

— Чему же ты радуешься?—рассердилась жена.

— Как чему?—удивился оджа.—А если бы в это время я был в этой самой рубашке?

Эмир Усеин Дерменджи, дер. Кикенеив.

О том, как оджа использовал добрый совет теляла

Решив продать свою корову, оджа отвел ее на базар, стал на видном месте и принялся ожидать покупателей. Прошел час, прошел второй—никто не подходит к Насреддину. Наконец, откуда ни возьмись появляется телял.

— Селям алейкум, оджа, что это ты продаешь?

— Разве ты ослеп, что уже не видишь обыкновенной коровы. Ее и продаю.

— Ну и что же?

— Что же, что же! Товар есть—покупателей нет.

— Давай я тебе в два счета ее продам.

Обрадовавшись неожиданному помощнику, Насреддин передал корову телялу. Тот взял ее за веревку, повел по базару и стал кричать громким голосом:

— Вот продаю корову! Не корова—чудо! Телка с шестимесячным теленком в утробе. Эй, покупайте стельную корову.

Ловчача тотчас же окружили покупатели и соблазненные тем, что корова скоро отелится, начали наперебой прицениваться к ней. Через две минуты телял продал корову в полтора раза дороже, чем она того стоила, и передал Насреддину деньги.

— Вот как надо обделывать свои дела, дорогой оджа,—сказал он.—Учись и бери всегда пример.

Довольный и радостный Насреддин вернулся домой.

Вскоре к нему пришли свахи, которые, согласно обычаю, должны были осмотреть его дочь-невесту. Боясь, как бы жена не испортила дела, оджа запер ее в соседней комнате, вывел сам дочку и показал свахам.

— Какими же достоинствами обладает невеста?—поинтересовались те.

— Достоинства украшают мою дочь, как звезды украшают небо,—гордо ответил оджа.—Знайте, что она девственница с шестимесячным ребенком в утробе.

Больше свахи к Насреддину не ходили.

А л и Б у б у ш, дер. Кикенеиз.

Простой расчет

Начальник города, замучивший жителей своими поборами, призвал к себе Насреддина и сказал:

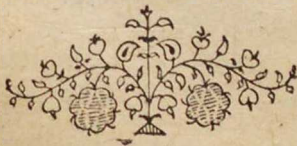
— Я слышал, оджа, что ты хороший охотник и знаток охотничьих собак. Подыщи мне хорошую гончую, но чтобы она была легка, как ветер и имела тело тонкое, как стрела.

На другой день Насреддин привел начальнику толстого и неповоротливого пса.

— Ты что, смеяться вздумал надо мной!—рассердился начальник.—Я же сказал, чтобы ты достал мне легкую и поджарую гончую собаку.

— Не беспокойся, эфенди,—ответил Насреддин.—Под твоим мудрым управлением этот пес через неделю станет легче пуха и тоньше тростника.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

Подумаешь, затруднение!

Один из соседей Насреддина пожаловался одже, что его дом никогда не видит солнца.

— А поле твое на солнечном ли месте? — поинтересовался оджа.

— Да, — ответил сосед.

— Ну так возьми свой дом и перенеси его на свое поле.

Земине Кенайская, дер. Алупка.

О двух способах сбережения винограда

Однажды во время сбора винограда в доме Насреддина остановился на ночлег один его приятель. После ужина долго сидели и беседовали. Когда наступило время ложиться спать, успешный уже проголодаться гость, сделал намек:

— Знаете ли, оджа, в наших краях перед сном всегда едят виноград. Так и приберегают с обеда.

— В наших краях делают еще лучше, — ответил Насреддин. — Виноград едят перед самой зимой. Так и приберегают с осени.

Хатидже Умер, дер. Алупка.

**Чем же, наконец, человек отличается
от верблюда?**

Однажды Насреддина остановили двое ребят-шек.

— Он укусил меня за ухо,—пожаловался один.

— Не верьте, оджа, это он сам укусил себе ухо,—возразил другой.

— Эх, ты несмышлениш,—засмеялся Насреддин,—да разве он верблюд, чтобы грызть собственные уши.

Мустафа Топал, дер. Гаспра.

О необычайной позе оджи или о том, что ради соблюдения вежливости, чего только не сделаешь

Возвращаясь из школы вместе с учениками, Насреддин сел на осла не так, как обычно, а задом наперед, лицом к хвосту.

— Что за странная поза?—заметили ему ученики.—Ведь в таком положении трудно даже удержаться в седле.

— Дети мои,—ответил Насреддин,—если я сяду на осла обычным способом, то буду обращен к вам спиной. Если же вы будете идти впереди меня, то ваши спины будут обращены ко мне. А так как и то и другое явилось бы знаком неуважения, я, чтобы не заставлять вас передвигаться задом наперед, принял, как видите, самое подходящее положение.

Али Бубуш, дер. Кикенеиз.

Чрезмерная вежливость

Однажды во время путешествия Насреддину пришлось остановиться на ночлег у одного муллы. Мулла оказался настолько скупым, что не предложил одже даже поесть. Когда подошло время спать, мулла обратился к гостю и спросил:

— Что вам угодно, дорогой гость, подать ли вам воды или вы будете прямо ложиться спать?

— Благодарю за предложение,—ответил оджа.— Щедрость ваша не знает пределов. Но по дороге в вашу деревню мне пришлось уже воспользоваться ею—я спал на берегу вашей речки.

Хатидже Умер, дер. Алупка.

О несовершенстве устройства человеческого тела

Порядком проголодавшись, Насреддин дождался ужина, подсел к первому попавшемуся кушанью и стал уплетать его, зачерпывая всей пятерней.

— Почему же ты ешь пятью пальцами?—спросила его жена.

— Потому что, к несчастью, у меня нет шести,—ответил Насреддин.

Хатидже Умер, дер. Алупка.

Об одном приключении, которое произошло накануне светопреставления

У Насреддина оджи, в его хозяйстве был единственный барашек. Но откормил его оджа так на славу, что стал он самым жирным во всей деревне.

И решил мулла со своими приятелями завладеть этим барашком и насладиться его жирным мясом. Недолго думая, явился мулла к одже и обратился к нему с такою хитрой речью:

— О, Насреддин оджа! Я пришел сообщить тебе о великом несчастье. Завтра наступит конец света.

— Ля иллях!—сказал Насреддин.—Это очень, очень нехорошо.

— Вот видишь,—подхватил мулла,—так что раз пропадать всему, давай зарежем твоего барашка и съедим его, пока еще живы. Чего жалеть его, раз он завтра все равно погибнет.

Подумал-подумал Насреддин и решил, что и в самом деле нет смысла беречь барашка, раз завтра конец света.

— Ладно!—сказал он мулле,—я согласен. Только давайте уж проведем этот последний день где-нибудь на воздухе, на берегу моря.

Вне себя от радости выскочил мулла от Насреддина, собрал всех приятелей и заложил ли-

нейку. Погрузив на нее барашка, процессия двинулась на берег моря.

Там Насреддин развел костер, зарезал барашка и начал готовить шашлык.

— Я все сделаю сам,—сказал он.—А вы пока искупайтесь в море,—предложил он мулле и его алчным друзьям.

Те с удовольствием согласились побездельничать и, раздевшись около костра, полезли в воду.

В это время оджа заметил, что дрова у него все вышли.

— Э, чего там,—подумал он,—раз завтра конец света, так нечего обращать внимание на пустяки.

И, подобрав одежду купающихся, Насреддин положил ее в огонь. Потом взял топор, порубил колеса и оглобли линейки и бросил их туда же.

— А как же моя семья?—вспомнил вдруг он.—Надо же и ей подкормиться в последний день.

И, оставив у костра только голову барашка, Насреддин взвалил на плечи его тушу и отнес домой. Потом со спокойным сердцем вернулся обратно на берег.

В это время мулла и его приятели вылезли из воды и, предвкушая угощение, направились к костру. Каково же было их удивление, когда они увидели, что от линейки остались лишь жалкие обломки, а от одежды не осталось и следов. Барашка тоже как не бывало.

— Ой, оджа, — спросили они, — куда же делся барашек?

— Вот лежит его голова, — ответил Насреддин. — Мясо же и сало я отнес семье, чтобы и она отпраздновала последний день мира.

— А куда делись колеса линейки?

— Мне нехватило дров, и я положил их в костер, — невозмутимо ответил оджа.

— Но мы не видим своей одежды, — сказал мулла.

— Я тоже положил ее в костер. Глупцы, зачем вам одежда, раз завтра все равно конец света?

Джемиле Сеттарова, дер. Корез.

211

Простейший способ вычислять расстояние

Насреддин с женой отправился в соседнюю деревню. Через каждые двадцать шагов жена приставала к одже и спрашивала — много ли они уже прошли и далеко ли придется им еще идти. До того наскучила она этими вопросами, что Насреддин наконец плюнул и сказал:

— Знай, что если мы пройдем еще столько, сколько нам нужно, да еще полстолько того, что осталось, да еще четверть разницы между этими расстояниями, и если потом прибавить еще получасовой путь, то получится как раз восьмая часть половины того пути, который

равняется трети расстояния, которое осталось идти без четверти пройденного. Вот и подсчитай сама.

Больше жена не приставала с вопросами.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

212

Доказательство налицо

Насреддин в обществе нескольких соседей сидел в кофейне.

Но вот один из сидящих, как говорится, угрешился и, чтобы скрыть это, тотчас же скрипнул ногой о ножку стола.

Оджа повернулся к нему и сказал:

— Ну ладно, допустим, что звук можно принять за скрип доски. Но скажи, за что же принять запах?

Ислям Халиль Демирджи, дер. Кикенеиз.

213

О том, как оджа Насреддин выпустил воздух в нос Тамерлану

Когда великий завоеватель Тамерлан обосновался в Ак-Шехире, до него дошли вести о мудрости жившего в этом городе Насреддина. Тамерлан захотел испытать мудрость прославленного оджи и призвал его к себе.

Как только Насреддин вошел в стан повелителя, первое что ему бросилось в глаза—это была непочтительная поза самого Тамерлана. Железный хромец сидел на миндере поджав под себя лишь одну ногу, а другую, кривую, держал вытянув перед собой, как будто насмехаясь над гостем.

Насреддина, который не знал еще о хромоте Тимура, обидела такая непочтительность, и так как он не принадлежал к числу льстецов, то он очень холодно встретил приветствие повелителя.

Не ожидая приглашения, он сел на соседний миндер и вытянул ногу точно так же, как это сделал хозяин.

Тамерлан, который в свою очередь не знал еще характера оджи, пришел в негодование от такой дерзости.

„Ну, хорошо,—подумал он,—у меня-то есть причина, почему я так сижу, но этот негодяй чего меня передразнивает?“

И, решив уязвить Насреддина, Тамерлан обратился к нему с таким хитрым вопросом:

— Много я слышал о твоём уме, мудрый оджа, но скажи мне, что отделяет тебя, прославленного философа, от простого глупого ишака?

— Почти ничего,—ответил спокойно Насреддин.—Всего-на-всего два-три аршина.

В ярость пришел грозный Тимур от такой неслыханной дерзости, но чтоб не осрамиться, сделал вид, что не понял ответа.

Настал час обеда. И хан и оджа сидели за столом друг против друга и перебрасывались между собой незначительными фразами. Гнев властелина не проходил, и он искал случая посильнее оскорбить оджу.

Наконец случай подвернулся. Тамерлану захотелось чихнуть и он сделал это, чихнув прямо в лицо Насреддина.

Оджа вытерся и сказал:

— Не стыдно ли, повелитель, чихать прямо в лицо?

— В нашей стране это не считается за стыд, — ответил Тамерлан.

„Хорошо же“, — подумал оджа.

Кончился обед. Все умыли руки и сели кейфовать на диванах. Насреддину довелось сесть рядом с Тимуром.

Немного прошло времени, когда одже захотелось облегчить живот. Недолго думая, он повернулся поудобнее к Тамерлану и испустил воздух ему прямо в лицо, да так громко, что все присутствующие вздрогнули.

Яростно взглянул Тимур в глаза оджи и закричал:

— Ты забываешься, дерзкий нечестивец! Не стыдно ли пускать дух, да еще с громом прямо человеку в лицо!

— А что? — участливо спросил Насреддин. — Разве это нехорошо? А в нашей стране это не считается за стыд.

Понял Тамерлан, каков Насреддин, и почувствовав, что не стоит дальше рисковать своим величием, подавил в себе гнев и отпустил оджу с миром.

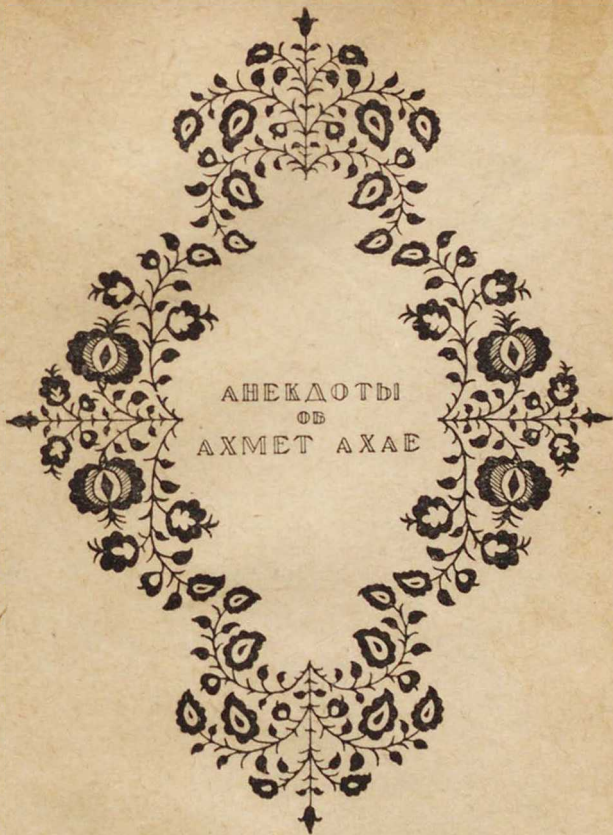
Когда Насреддин вернулся домой, соседи упростили его рассказать о посещении Тимура.

— Как же ты осмелился это сделать?!— воскликнули они, когда оджа дошел до самого интересного места.

— А что ж тут такого?— ответил недоумевающая Насреддин.— Разве вы не знаете пословицы: „Когда имам выпускает воздух, паства его разрешается калом“.

Абибула Софу, дер. Озенбаш.

1

Ахмет-Ахай приобретает сапоги

Один озенбашец нашел на дороге сапоги.

— Что бы это могло быть?—подумал он.—Похоже на каких-то зверей, но почему они в таком случае не шевелятся?

Повертел-повертел в руках находку и решил отнести к Ахмет-Ахаю.

— Скажи мне, Ахмет-Ахай, что это за чудовища такие?

— А ты сам разве не знаешь?—сказал Ахмет-Ахай.—Это футляры от моего топора. Вот спасибо, что ты их нашел.

Когда гость ушел, Ахмет-Ахай попробовал надеть сапог на топор. Ничего не получилось. Повертел-повертел в руках, видит, находка имеет форму ноги. Натянул—пришлись как-раз в пору.

В день пятницы Ахмет-Ахай появился в мечети в новых сапогах. Присутствующие окружили его и стали спрашивать, что это за штуки он надел на ноги?

— Это футляры от моих ног,—сказал Ахмет-Ахай.

Тот, кто нашел сапоги, услышал это. Он протискался поближе и сказал:

— Как же так? Ведь ты говорил мне, что это футляры от твоего топора? А теперь говоришь что это футляры от ног.

— А тебе-то что?—сказал Ахмет-Ахай.—Раз футляры мои, значит я распоряжаюсь ими—хочу на топор натяну, хочу на ноги надену.

Ахтотай Хурбедин, дер. Симеиз.

2

Ахмет-Ахай учит премудрости мулле

Однажды Ахмет-Ахай проходил мимо огорода муллы. А мулла в это время стоял там и обдумывал, кого бы ему использовать для переноски тыкв, чтобы не платить за это денег.

Увидя проходившего Ахмет-Ахая, мулла подождал его и сказал:

— О, благоверный мой сын. Если ты снесешь в деревню этот мешок с тыквами, то я научу тебя трем премудростям, которые пригодятся тебе больше, чем те деньги, которые ты мог бы получить за эту работу.

Зная прекрасно алчность муллы, Ахмет-Ахай рассудил, что денег от него все равно не получишь, а три премудрости услышать все-таки

любопытно. Поэтому он согласился, взвалил на себя мешок и потащил его в деревню. А мулла пошел рядом.

— Ну, слушай, Ахмет, первую премудрость,— сказал он дорогой.—Если кто-нибудь тебе скажет, что ходить пешком лучше, чем ездить верхом—ты не верь тому человеку.

Услышав эту премудрость, Ахмет-Ахай сказал:

— Что это за чушь ты городишь мне? Какая же это премудрость? Всякий дурак знает это.

— Погоди, погоди,—сказал мулла,—если ты услышишь второй мой завет, то поймешь, что не даром тащишь мешок.

„Ну,—подумал Ахмет-Ахай—давай-ка послушаем эту свинью, авось вторая премудрость пригодится“.

— Ну, говори вторую.

И мулла сказал:

— Если тебе, Ахмет, скажут, что одинокому лучше жить, чем семейному, ты этому тоже не верь.

— Тьфу на тебя,—выругался Ахмет-Ахай.—Ты, мулла, меня надуваешь. Давай-ка лучше деньги. Они уж, конечно, полезнее твоих дурацких заветов.

— Погоди, погоди,—испугался, мулла,—ты еще не выслушал третьей премудрости. Если первые два завета может быть и не так ценны, то третий завет ты, Ахмет, не променяешь и за горы золота.

„Ну,—подумал Ахмет-Ахай,—чорт с ним. Авось этот старый осел и в самом деле скажет что-нибудь подходящее“.

Прошли еще некоторое расстояние.

— Ну, говори,—потребовал Ахмет-Ахай.

И мулла сказал свою третью премудрость:

— Сын мой! Если тебе скажут, что бедность лучше богатства, этому ты уж совсем не верь.

В это время спутники подошли к обрыву.

— Ну, тогда слушай и от меня премудрость,—сказал Ахмет-Ахай.

И сняв с себя мешок с тыквами, Ахмет-Ахай бросил его в пропасть.

— Если тебе скажут, что тыквы, которые сейчас полетели вниз, не разбились, ты, мулла-ахай, этому не верь уж совершенно.

А б и б у л а С о ф у , дер. Озенбаш.

3

Ахмет-Ахай наказывает зайца

В огород одного озенбашского крестьянина повадился заяц. Крестьянин пришел к Ахмет-Ахаю с просьбой помочь избавиться от прожорливого зверя.

Ахмет-Ахай посоветовал поймать зайца.

— Ну, а потом?—спросил крестьянин.

— Ты сначала поймай, а потом я скажу, что делать дальше.

Крестьянину удалось поймать зайца.

— Теперь,—сказал Ахмет-Ахай,—посади его

в сарай, припри двери оглоблями и мори его голодом, чтобы он помнил, как залезать в чужой огород.

Мустафа Тонал, дер. Гаспра.

4

Ахмет-Ахай расправляется с вороной

В сад к одному богачу повадилась летать ворона. Она обклевывала персики и уничтожала другие фрукты. Сколько ни пугал ее хозяин, все было напрасно. Тогда он обратился за помощью к Ахмет-Ахаю.

И Ахмет-Ахай дал такой совет:

— Прежде всего ты эту ворону поймай. Потом посади в кувшин и завяжи его крепко тряпкой. А потом поднимись на Ай-Петри и сбрось этот кувшин вниз.

Скупец в точности исполнил совет Ахмет-Ахая. После долгих усилий ему удалось поймать ворону. Он посадил ее в кувшин, завязал тряпкой и сбросил с Ай-Петри.

Кувшин упал и разбился, из него вылетела целехонькая ворона и полетела напрямиком обратно в сад скупца.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Ахмет-Ахай помогает мулле

В парник озенбашского муллы забрался его же собственный верблюд. Мулла никак не мог придумать, каким способом выгнать верблюда так, чтобы он не потоптал рассаду. Побежал к Ахмет-Ахаю спросить совета.

— Проще всего застрелить верблюда и вытащить его вон, — посоветовал Ахмет-Ахай.

Мулла так и сделал. Понятно, что после того, как он вытащил грузное животное, у него на огороде не осталось и ростка рассады. Так жадный мулла лишился сразу и верблюда и огорода.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Ахмет-Ахай дает совет торгашам

Однажды Ахмет-Ахая окружили озенбашские лабазники и начали его просить, чтобы он рассказал им, каким образом люди добывают соль.

— Чем скупать ее в Бахчисарае по дорогой цене, — сказали они, — не лучше ли будет, если мы сами будем производить ее и тем самым увеличивать свою выгоду. Научи нас, Ахмет-Ахай, как это делают.

Чтобы посмеяться над жадными лавочниками, Ахмет-Ахай сказал:

— Соль получают так же, как и всякое другое зерно. Нужно засеять солью поле, потом, когда она вырастет и созреет—скосить ее, а потом обмолотить и свезти на мельницу.

Радости торгашей не было конца. Не переставая благословлять добрый совет Ахмет-Ахая и смеясь над собственным невежеством, они в ту же весну вспахали свои земли и засеяли ее солью.

Прошло продолжительное время. Соль и не думала всходить.

Тогда торговцы снова пришли к Ахмет-Ахаю и спросили, почему же соль не всходит?

— Да поливали ли вы ее?—спросил Ахмет-Ахай.

— Нет,—ответили торговцы.

— Ну так и пеняйте же на себя. Какая же соль вырастет без поливки.

На другую весну торговцы засеяли солью вдвое больший кусок земли и стали поливать его чуть не каждый день.

Увы—соль и не думала расти.

Пришли тогда лавочники опять к Ахмет-Ахаю с жалобой.

— Чего вы хотите от меня?—рассердился тот.— Раз не вырастает у вас соль, значит почва не подходящая. А я-то тут при чем?

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

7

Озенбашцы находят арбуз

Однажды трое озенбашцев нашли на дороге арбуз.

Так как в те времена никто из озенбашцев дальше своей деревни нигде не бывал, то путники увидели арбуз первый раз в своей жизни. Долго разглядывали они этот странный предмет, долго судили да рядили, что бы это могло быть. Думали-думали и решили, наконец, обратиться к Ахмет-Ахаю, ибо не было во всем Озенбаше более мудрого и ученого человека, чем Ахмет-Ахай. Пошли к нему.

Ахмет-Ахай в это время сидел около своей сакли и курил трубку.

— Селям алейкум, Ахмет-Ахай,—приветствовали его друзья.—Посмотри-ка, пожалуйста, что мы принесли. Что бы это могло быть, объясни нам, пожалуйста.

Ахмет-Ахай увидел арбуз и засмеялся.

— Эхе-хе-хе-хе, невежды вы этакие. Чего же тут разгадывать? Это не что иное, как лошадиное яйцо. Если хотите убедиться в этом—сбросьте его со скалы, оно разобьется и из него выскочит жеребенок.

Приятели решили последовать совету старого мудреца. Они подошли к обрыву Яйлы и столкнули арбуз вниз. Подпрыгивая по камням, арбуз с шумом покатился по откосу. Наконец, подскочив особенно высоко, он стукнулся о камень и разбился на мелкие куски.

В этот момент из-под камня выскочил сидевший там заяц и кинулся наутек.

Озенбашцы захлопали в ладоши и закричали:

— Вот он, вот он! Вон жеребенок! Правду сказал наш Ахмет-Ахай. Яичко, как видно, было уже насиженное.

И озенбашцы взапуски кинулись догонять зайца.

Тем временем заяц, и без того напуганный разбившимся над ним арбузом, юркнул в первую попавшуюся норку. Озенбашцы—за ним.

Один из приятелей—Мустафа-ахай,—больше всех желавший поймать жеребенка, всунул в нору голову и пытался хоть взглянуть на беглеца.

Когда Мустафа-ахай захотел высунуть голову обратно, она не подалась его усилию. Тогда он закричал товарищам, чтобы его вытянули за ноги. Те с великим усердием принялись за дело.

— Тащи, тащи!—кричали они, упираясь ногами о камни и напрягая все силы.—Тащи! Тащи!

Так они тащили его целый час. Наконец они дернули посильней, и Мустафа-ахай выскочил из норы. Но выскочил без головы.

— Вот тебе на!—удивились приятели.—Новая загадка. Да была ли у него голова или нет?

— Что-то не помню,—сказал один.

— И я тоже забыл,—сказал другой.

Вспоминали-вспоминали—не могут вспомнить.

— Придется пойти у жены спросить,—решили наконец они.

Пришли к жене.

— А, йени. Селям алейкум,—скажи, пожалуйста, была ли на Мустафе-ахае голова, когда он пошел с нами?

Жена принялась вспоминать.

— Как будто бы была. Хотя нет, кажется, не была. Да, да, не была. Хотя подождите. Ведь он сегодня обедал? Обедал. Ну, так я помню, как у него борода двигалась, когда он жевал. Значит была. Да, да, когда он пошел с вами, голова на нем была. А впрочем я не совсем уверена.

8

Амет-Ахай жалеет осла

Однажды Ахмет-Ахай поехал в лес за дикими грушами. Набрав три мешка груш, Ахмет-Ахай положил два из них на ишака, а третий взвалил себе на плечи и уселся с ним на осла. И поехал домой,

По дороге его встретили знакомые.

— Что это ты, Ахмет-Ахай, взвалил на себя целый мешок?—спросили они.—Не лучше ли его тоже положить на ишака?

— Ну вот еще,—возмутился Ахмет-Ахай,—стану я перегружать осла, который и без того еле идет. Уже лучше я на своей спине подержу этот мешок. Мне-то все равно сидеть, а ослу все же легче.

Ф а т ь м а Б а д у р , дер. Кикенеиз.

Ахмет-Ахай указывает способ сбережения денег

Один озенбашский крестьянин нашел на дороге мешочек с золотом. Не зная, куда его лучше спрятать, он обратился к Ахмет-Ахаю.

— Иди в сад, влезь на дерево и повесь его на ветке, посоветовал Ахмет-Ахай.

Озенбашец так и сделал.

В ту же ночь полил сильный дождь. Воспользовавшись непогодой, Ахмет-Ахай взобрался на дерево, высыпал золото из мешочка к себе в карман, а мешочек наполнил глиной и оставил висеть на прежнем месте.

На следующее утро крестьянин полез проверить свою находку. Каково ж было его удивление, когда он увидел в мешке вместо золота сырую глину.

Он снял мешок и понес показать Ахмет-Ахаю.

— А кто ж тебе виноват, — сказал Ахмет-Ахай. — Зачем же ты под дождем оставлял. Вот от сырости золото и размякло. Да ты не горюй — высохнет, опять в золото превратится.

Ахтотай Хурбедин, дер. Симеиз.

Ахмет-Ахай строит ворота

Видит Ахмет-Ахай—перед каждой саклей имеются ворота, только у него одного сакля стоит сиротой.

А жил Ахмет-Ахай на краю деревни, на самом выгоне, пустом и неогороженном.

Обидно ему стало, что не может он, как другие, входить к себе через ворота, и решил он поставить их во что бы то ни стало.

Сказано-сделано: сколотил он несколько досок, вбил в землю столбы—и ворота готовы. Но поставил их поближе к деревне и так далеко от своей сакли, что почти и не видно от ворот до дверей. А забора нет попрежнему—стоят одни ворота совершенно на пустом месте.

— Ты же смотри теперь,—объявил Ахмет-Ахай жене,—запирай ворота на ночь, чтобы как-нибудь ненароком злой человек во двор не забрался.

В тот же вечер, возвращаясь домой, подошел Ахмет-Ахай к своим воротам и торжественно постучал в них. Они были закрыты.

Сколько ни стучал Ахмет-Ахай, жена не шла открывать. Она даже не слышала за версту этого стука. Ахмет-Ахай начал кричать:

— Эй, жена! Иди открой ворота!

Но и громкий голос его не долетал до сакли.

А прямо по пустырю не хотел итти Ахмет,—не желая уронить своего достоинства.

Стучал-стучал, кричал-кричал Ахмет-Ахай—ни-какого ответа. Нечего делать—придется утра дожидаться.

Так и проторчал под воротами до самого рас-света.

Утром жена пошла на базар. Но она не стала прибегать к помощи ворот, а прямо пересекла выгон и, таким образом, не увидела супруга.

Целый день еще провел Ахмет-Ахай у ворот своей сакли. Только к вечеру односельчане замети-ли его сидящим в поле у одиноких ворот, го-лодного и измученного.

— Ты что здесь делаешь?—спросили его.

— Жду, когда жена ворота откроет,—ответил Ахмет-Ахай.

— Вот чудак, да чего ж прямо не идешь в саклю?

— Что вы говорите, правоверные,—обиделся Ахмет-Ахай.—Да возвратит вам аллах разум, от-нятый у вас шайтаном. Разве прилично хозяину миновать ворота и как жулику лезть в саклю прямо через двор?

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Ахмет-Ахай угощается мылом

Приехав в Бахчисарай, проголодавшийся Ахмет-Ахай зашел в лавку, чтобы купить себе на завтрак брынзы.

Брынзы в лавке не оказалось. Но жулик-торгаш, увидев перед собой озенбащца, решил надуть его и всучил ему вместо брынзы—мыла.

Выйдя из лавки, Ахмет-Ахай уселся около фонтана и принялся уплетать купленный завтрак. Чем больше он жевал, тем больше покрывались его губы белой пеной.

— Что же ты, чужак, ешь?—начали смеяться над ним прохожие.—Ведь это же мыло, смотри как пенится.

— Ничего не значит,—невозмутимо ответил Ахмет-Ахай.—Не выбрасывать же теперь, когда я заплатил за него деньги. Пусть хоть пенится, хоть ерепенится—все равно надо есть.

А б и б у л а С о ф у, дер. Озенбаш.

Ахмет-Ахай не узнает самого себя

Вздумав итти в соседнюю деревню, Ахмет-Ахай, чтобы не потеряться по дороге, привязал к спине кубышку.

Пока он шел, какой-то плут отвязал кубышку и прикрепил ее к своей спине. Потом забежал вперед и стал на дороге.

Увидев на спине встречного кубышку, Ахмет-Ахай остолбенел от удивления. Потрогал свою спину—там кубышки не было. Удивился еще больше.

— Как же это так?—воскликнул он.—Вон стою я с кубышкой на спине. Это совершенно ясно. Кто же в таком случае я сам?

Ибраим Софу, дер. Озенбаш.

ПРИМЕЧАНИЯ

Наряду с объяснением малопонятных выражений и собственных имен, встречающихся в сборнике, примечания дают также для отдельных анекдотов указания на сюжетные параллели в фольклорах и письменных литературах других народов. Эти параллели подчеркивают международное значение некоторых сюжетов, бытующих в насредининовском цикле. Мы отнюдь не ставим себе целью дать исчерпывающие сведения по этому вопросу. Интересующиеся смогут продолжить эту работу, руководствуясь указанием сказочных сюжетов Н. П. Андреева, прежними исследованиями и изданиями сказок, а также текущей фольклорной литературой. Мы ограничиваемся лишь наиболее интересными аналогиями, отмечая попутно крымские варианты из других сборников.

Часто встречающиеся в анекдотах татарские и турецкие слова вынесены в особый словарик в конце книги.

К анекдоту 1

Любопытна узбекская редакция этого анекдота: султан Аллоидин склонял в мусульманскую веру трех путешественников, прибывших из другого государства. Те согласились принять ислам лишь в том случае, если получат ответы на три предлагаемые ими вопроса (о центре земли, о числе звезд и о количестве волос в бороде). Когда никто из богословов султана не смог дать ответы, призвали Насрединна

и тот разрешил все три задачи аналогично нашему варианту. В результате этого путешественники приняли ислам. (Узбекское литографированное издание анекдотов о Насреддине. Указываемый анекдот приведен в переводе М. Гафиза и З. Таджиева в журнале „Огонек“. 1935 г. № 17).

Крымско-татарский вариант, в отличие от узбекского, носит на себе печать более ощутимой антиклерикальности.

Из западно-европейских соответствий укажем хотя бы на средневековую поэму *Штриккера* „Поп Амис“, где среди множества проделок пройдохи-попа имеется и сходный с насредининовским ответ его на вопрос—где находится центр земли (*Cambeil—„Erzählungen und Schwänke“*. 1872, стр. 1-98).

К анекдоту 2

...*Когда я был учеником и изучал коран.*—Написанные тяжелым схоластическим языком, трудноусваиваемые стихи корана являлись основным учебным материалом в мусульманских медресе (духовных семинариях) и мектебах (школах).

К анекдоту 3

Узбекская редакция: Насреддин снимает халат и чалму с пьяного раиса (блюстителя порядка), валявшегося на улице (Указ. изд.)

К анекдоту 4

В кабардино-балкарском фольклоре этот анекдот бытует также в связи с именем Насредина (*М Талпа*. Устное творчество кабардинцев. „Лит. критик“, 1935 г. № 12, стр. 189). На этот же сюжет существуют две аналогии в украинских песнях (приведены в „Киевской старине“, 1886 г., март).

К анекдоту 7

...*Перед тем как ложиться спать, поворачивался к Каабе.*—Кааба (по-арабски—„четыреугольник“) — мусульманская святыня, служащая объектом паломничеств и поклонения.

Находится в Мекке, представляет собой четырехугольный храм, состоящий из четырех стен в 12 метров высотой. В одном из его углов замурован большой черный камень по преданию якобы посланный с неба (метеорит). Совершая намаз, молящиеся обращаются в сторону Мекки—лицом к Каабе.

Этот анекдот, иногда только в первой его половине, довольно широко распространен на Востоке. В русских сказках аналогичная история происходит с цыганом и хохлом, причем дело заканчивается тем, что и того и другого секут на панском дворе (*Афгансьев*. „Русские народные сказки“. М. 1914 г. т. V, стр. 187). *П. Кузьмичевский* указывает на западно-сербский вариант этого же сюжета („Киевская старина“, 1886 г., март).

В Крыму этот анекдот впервые записан *В. Х. Кондараки* в очень разнящемся варианте („Универсальное описание Крыма“, 1875 г., т. 13.). *Арк. Кончевский* приводит также довольно измененный вариант („Сказки, легенды и предания Крыма“, М. Ф. И.С. 1930 г.). В журн. „Безбожник“, 1935 г. № 2 анекдот этот (первая его половина) дается без указания национальной принадлежности.

К анекдоту 8

...*Джемаат* вздумал меня избрать своим имамом. Джемаат—мир, общественная сходка, собирающаяся главным образом для решения вопросов, связанных с выполнением предписаний корана. Имам—высшее духовное лицо у мусульман, совмещающее в своем лице также и светскую власть. В татарских сказках под имамом подразумевается иногда местный священнослужитель.

Вот как записал этот анекдот *В. Х. Кондараки* (Ор. cit. стр. 112.)

Однажды донесли султану, какими способами промышляет в столице его Насреддин-оджа. Падишах ужасно оскорбился и приказал утопить негодяя в

море. Посланные за ним поймали его и, завязав в мешок, отправились во дворец спросить, где именно его утопить? Тем временем Насреддин-оджа, услышав, что к нему кто-то подошел, начал кричать: „Не женюсь на вашей царевне, умру, а все-таки не соглашусь жениться на ней“. Любознательный пастух остановился и невольно начал расспрашивать, за что его завязали в мешок. Насреддин-оджа отвечал: за то, что не хочет жениться на дочери султана.

— А нельзя ли мне уступить ее?—спросил пастух.

— Очень рад,—отвечал Насреддин,—влезай же вместо меня в мешок и кричи—женюсь, женюсь.

Пастух с восторгом принял его предложение, но, несмотря на крик женюсь, женюсь, был сброшен с высокой скалы в пучину морскую, а Насреддин-оджа на другой день возвратился снова в город со стадом овец, уверяя свидетелей его гибели, что он нашел овец этих на дне морском, откуда и выгнал их.

В данном случае мы имеем дело не столько с чуждой интерпретацией, исходящей от сказителей, сколько, повидимому, с сознательной переделкой Кондараки, тесно связанной с общей установкой его книги (см. *С. Д. Коцюбинский*, „О крымских татарских сказках“ в фольклорном сборнике Алушкинского музея „Сказки крымских татар“. КрымГИЗ. 1936 г.).

Сюжет анекдота № 8 входит в качестве составного элемента в очень распространенную в Крыму татарскую сказку „О сорока плешивых и одном косом“ (см. „Сказки крымских татар“. КрымГИЗ. 1936 г.). Аналогичный сюжет имеется в русском фольклоре. У *Афанасьева* (М. 1914, т. V) под № 223 дана сказка о мужике, который, заполучив у графа большую сумму денег, хвастается перед односельчанами, что деньги эти он заработал, выгодно продав труп умершей жены. Соблазненные мужики убивают своих жен, но тут же спохватываются и, поняв свою глупость, мстят пройдохе.

Завязав его в мешок и оставив на мосту, они отправляются предварительно в церковь помолиться богу. В это время хитрый мужик, соблазнив проходившего мимо овчара должностью старосты, сажает его вместо себя в мешок, а сам, забрав его овец, вновь является к односельчанам.

К анекдоту 9

Кааба—см. прим. к № 7.

Тема одурачивания бога занимает значительное место в устном народном творчестве, проникая отчасти и в письменную литературу. Уже *Поджьо Браччолини* использовал эту тему в своих фацециях (фацеция CLXVI).

Одна из русских сказок так передает эту тему:

Адзин мордзвин хадзил по лису, свиней искал, хадзил он целой дзень, не нашел своих свинушек. Да таво дзела дашло, што толька плакаць мордзвину. Вот он и молвил таку рець: „Што кабы нашлись маи цушиньки, я бы свецку поставил Кузьме-Дзимьяну“. Ни паспел он вымалвиц такой рецы, ан свиньи и бигут. Мордзвин абрадывалса: „Ах вы, цушиньки, маи матушки! Я виць цуть-цуть за вас свецку ни поставил Кузьме-Дзимьяну“.

(Записана в Нижегородской губернии. *Афанасьев*. 1914 г. т. V, 248).

В украинской сказке тема осложнена:

„Надибав циган меду в дуплі, але високо на дереві. „Эй, каже, боженьку, кабим-ся на то-то дерево дивстав, таку бим з того воску до церкви свічку всукав, як емь сам.—Якось він ся видряпав. Наївся меду добре та! тоді каже: „Чим будь бога задуріти, аби душу закроніти“. Як скоро то сказав, та впаде з дерева. „Ай, каже, боженьку, як же ти нічого жарту (шутки) не знаєшь. Я то так жартував, а ти за правду приймав“.

(Твори *Волд. Навроцкого* I, 58, Народні приказкі).

Во французском собрании турецких анекдотов о Насреддине („Sottisiers de Nassr-Eddin-Hodja etc...“, *Bruxelles, Gay et Doucé*, 1878) этот анекдот звучит иначе, чем в крымском варианте. Вот он:

Раз ходжа возвращался домой с мельницы. Он раздумывал над тем, что у него нет факела, вошел в лес и стал рубить дрова. Была темная ночь, топор выпал у него из рук. Он ищет, но напрасно.

— Господи,—кричит он,—если ты поможешь мне найти топор, я обещаю тебе шинек ($\frac{1}{8}$ меры) ячменю.

Едва он сказал это, как нашел свой топор.

— Спасибо тебе, боже,—вскричал ходжа,—но так как тебе столь легко исполнить мою молитву, то сделай так, чтоб я нашел шинек ячменю (СCLXXI Перевод П. Кузьмичевского).

В кабардино-балкарском фольклоре усложнение темы идет по иной линии, приближая анекдот к украинскому варианту.

Оджа везет украденные им горшки. Дорога под гору. Оджа молится аллаху, обещая „поделиться прибылью“. У самой подошвы, когда опасность миновала, оджа говорит аллаху:

— Ой, аллах, и дурак же ты. А ведь я тебя обманул. Ни черта ты от меня не получишь.

Тут верблюд спотыкается, горшки летят—и вдребезги. Оджа и говорит аллаху: „Все же ты дурак, не можешь понимать простой шутки“.

(Цит. по М. Талпа. Устное творчество кабардинцев „Лит. критик“, 1935, № 12).

Об одурачивании аллаха Насреддином смотри также совершенно иную сюжетную схему в записи И. П. Дмитриева (Журн. „30 дней“, 1935 г. № 12). Мотив обещанной, но не поставленной богу свечки использован, как известно, Демьяном Бедным, для остроумной басни.

...*Да вознаградит тебя аллах лучшими гуриями своего сада.*—Едва ли не самой соблазнительной приманкой мусульманского рая (эдема) коран считает гурий—прекрасных женщин, уготованных аллахом для наслаждений праведника.

В крымском фольклоре впервые зарегистрирован В. Х. Кондараки. В еврейско-татском устном творчестве (Кавказ) первая часть анекдотов (о путанице в счислении ослов) входит как элемент в комбинированный анекдот (соответствующий № 11 + № 16 + № 15 нашего сборника) (*Всев. Миллер. „Материалы для изучения еврейско-татского языка“*. СПб, 1892 г).

Любопытно, что использование этой сюжетной схемы у Поджьо Браччолини значительно уступает крымскому анекдоту.

Манчини, крестьянин и мой земляк, перевозил хлеб в Фильине на ослих, которых он часто нанимал для этой цели. Однажды, когда он возвращался с рынка, утомленный дорогой, он взобрался на осла, который был получше, и, приближаясь к дому, стал считать ослов, которые проходили мимо него. Так как он пропустил того, на котором сидел, то ему показалось, что одного нехватает. Обеспокоенный этим, поручив остальных ослов жене, чтобы она отвела их к тем, у кого они были наняты, он немедленно вернулся, сидя на том же осле на рынок, находившийся в семи милях. По дороге он у всех встречных спрашивал, не видели ли они заблудившегося осла. Все отвечали отрицательно. Манчини вернулся домой ночью печальный, сокрушаясь о потере осла. Наконец, когда жена сказала ему, чтобы он слез с осла, он сообразил, что это тот самый, которого он с таким усердием и с таким сокрушением разыскивал.

(*Поджьо Браччолини. „Фацеции“* изд. 1934 г. Перевод А. К. Дживилегова. № XLXII).

К анекдоту 15

...*Лег там в одном из склепов.*—На турецких, равно как и на татарских кладбищах для богатых покойников устраивались семейные склепы.

...*Мункир и Некир*— по мусульманской мифологии два ангела, допрашивающие о грехах покойника, при переселении его души на небо.

В еврейско-татском фольклоре этот сюжет является составным элементом сложного анекдота (соответствующего № 11 + №16 + № 15 нашего сборника) (*Всев. Миллер—ор. cit.*)

К анекдоту 16

...*Ля иллях*—начало религиозной формулы: „Ля иллях, иль алла, Магомет рассуль алла“ (арабск.), т. е. „нет бога кроме бога, а Магомет—пророк бога“. В устах Насреддина, лентящегося произносить всю фразу, первая ее часть звучит насмешливо, как „нет бога“.

...*Азраил, как видно, подстерегает,*— в мусульманской мифологии Азраил—ангел смерти, принимающий душу умершего и ведущий ее по обнаженному лезвию меча либо в рай, либо в ад.

Очень распространенный сюжет мнимой смерти зарегистрирован в фольклорах разных народов в более или менее изменяющейся форме (см. вступительную статью к настоящему сборнику).

Для Крыма записан впервые *О. Мурасовым* (Известия Таврической ученой архивной комиссии, 1915, № 52).

В варианте Мурасова вторая половина анекдота передается совершенно иначе. Считая себя мертвецом, оджа ложится под мост. В это время по мосту проезжает телега, нагруженная дынями и арбузами. Лошадь пугается лежащего под мостом оджи и шарахается в сторону. Голодный оджа вылезает из-под моста и принимается с аппетитом есть упав-

шие с телеги дыни и арбузы. Но за это ему приходится поплатиться. Хозяин избивает его ступицей от колеса.

Таким образом окончание этого анекдота сближается с концом анекдота № 15. По мнению Мурасова окончание это— чисто крымского происхождения.

В некоторых редакциях (русской у Афанасьева, т V. 248, азербайджанской—в „Сб. Мат. по изучению мест и плем. Кавказа“, т. 26, украинской у Кузьмичевского (op. cit.) и др. комизм положения усугубляется тем, что по предсказанию прохожего, осел (или кобыла) должен не крикнуть, а громко испустить воздух.

У В. Х. Кондараки под № 2 дано лишь самое начало анекдота с подрубливанием ветки и падением (причем на дереве сидит цыган, а в качестве прохожего фигурирует Насреддин).

С частичным использованием этого сюжета мы встречаемся также в № 63 нашего сборника.

К анекдоту 17

...Да пошлет вам пророк тысячи гурий—см. прим. к № 11.

...Благочестивые внуки Иблиса.—В мусульманской демонологии Иблис, так же как и христианский Дьявол—ангел, возмущившийся против аллаха. Изгнанный из рая Иблис становится духом зла, исчадием ада.

К анекдоту 18

...Но ведь ты же не мулла, —возразили парни. Эта фраза является наглядным подтверждением того, что крымские сказители, вопреки некоторым закавказским, Насреддина муллой не считают. По этому вопросу смотри вступительную статью к настоящему сборнику.

К анекдоту 19

В турецких сборниках этот анекдот имеет локальную окраску. Пиршество Насреддина происходит в городе Кони (Турция). Последняя фраза анекдота превратилась в поговорку. В Крыму эта поговорка бытует в такой форме: „Konijada halvanь doge, doge jedireler“ — т. е. „В Кони халву заставляют есть из-под палки.“

К анекдоту 20

С древнейшим использованием мотива, заключенного в диалоге, мы встречаемся в индийском эпосе. В „Панчатантре“ очень сходный разговор происходит между двумя купцами, из которых первый Лакшман присваивает весы второго — Нандука („Панчатантра“ I, 21, РАНИОН, 1927 г.)

В „Калиле и Димне“ этот эпизод почти без изменения („Калила и Димна“ изд. Academia, 1934 г., стр. 157—158).

В Крыму анекдот записан был *А Кончевским* в иной редакции. Ср. также любопытный узбекский вариант („Огонек“, 1935 г., № 17).

К анекдотам 21 и 22

Эти два анекдота бытуют в Крыму в десятках различных редакций. Мы приводим наиболее характерные.

К анекдоту 23

Вполне возможно заимствование этого сюжета из итальянской литературы эпохи Возрождения. Прodelка Насреддина весьма напоминает хитрости бродячих монахов у флорентинца Боккачио и особенно у неаполитанца Мазуччо. Такое заимствование могло быть реализовано благодаря существовавшим в Крыму итальянским колониям (XIV—XV в. в.), взаимоотношения с которыми были и у татар (через Каффу и

Сугдейю). Если это так, то конечно заимствование шло не непосредственно из сборников указанных писателей, но из того арсенала устного итальянского творчества, которое воспитало и Боккаччо, и Мазуччо, и других новеллистов и которое в свою очередь находилось под влиянием Востока.

Вариант у Кондараки под № 8.

К анекдоту 30

По исламу пророк Магомет в вечер мираджа был поднят на небеса. Насреддин ловко парирует удар, напоминая христианским попам, что подобная нелепость имеется и в христианской религии—Иса (Исус христос) тоже был поднят в день вознесения. Возможно, что сказитель примешивает сюда запомнившуюся ему притчу из библии—о пророке Иакове, увидевшем во сне лестницу, спущенную с неба.

К анекдоту 33

См. примечание к № 15.

К анекдотам 35 и 41

Тамерлан—Тимур, правильное Тимурленк—„железный хромец“—монгольский хан и завоеватель (1333—1405). Вел свой род от Чингис-хана. Предводительствуя огромной армией, покорил всю Среднюю Азию, Индию и Персию. В 1394 г. доходил до Москвы. В 1402 г. одержал при Ангоре блестящую победу над турецким султаном Баязидом I, которого взял в плен и посадил в клетку. Умер, отправляясь на завоевание Китая (гробница в Самарканде, в так называемой мечети „Гур-Эмир“).

Устное творчество народов Востока с именем Тимура связывает многие легенды и анекдоты (существует, например, целый ряд легенд о встрече с Тимуром Гафиза, знаменитого поэта Персии (ум. 1389 г.). В большинстве случаев в этих

произведениях „железный хромец“ выступает кровожадным, злобным и глупым владыкой. Особенно часто подвергается насмешкам хромота Тимура (см. например в нашем сборнике №№ 213 и 35).

К анекдоту 35

Наиболее любопытная аналогия этому анекдоту находится в „Декамероне“ Боккаччо. В 4-й новелле 5-го дня рассказывается о поваре, отрезавшем для своей возлюбленной бедрышко у журавля, зажаренного к господскому столу. На недоуменный вопрос господина повар объясняет, что у журавлей бывает только одна нога и одно бедро. Когда же на другой день он отправляется вместе с господином на прогулку, то в подтверждение своего вчерашнего объяснения указывает на журавлей, которые как обычно стоят на одной ноге. Но господин закричал: „Го—го“, птицы испуганно опускают другую ногу и улетают. „Ну что скажешь, мошенник?“—гневно сказал господин. „Да,—ответил повар,—если б вы так закричали вчера журавль высунул бы и другую ногу“ (Боккаччо, „Декамерон“ 6-й день, 4-я новелла).

К анекдоту 36

...*Один из жителей Анатолии.* Анатолия турецкое название Малой Азии. В отличие от румелийской (от Rum—Рим). Турции, расположенной на европейском материке, малоазийская, большая часть Турции, называется анатолийской.

С очень сходным использованием сюжета этого анекдота мы встречаемся в средневековой поэме „Поп Амис“, где ловкий пройдоха—поп, накладывая между страницами книги сено, научает осла „читать“, а потом разъезжает по стране и дурачит людей. Подобный сюжет имеется и в рассказах об Эйленшпигеле (XVI в.).

К анекдоту 37

Не лишена интереса аналогия этому анекдоту в новеллистической литературе Италии.

В СХСVII фацеции Поджьо Браччолини так передает сюжет:

„Некий тиранн, желая присвоить себе имущество одного из подданных, который хвалился, что он может сделать очень много, приказал ему под страхом тяжелого наказания обучить грамоте осла. Тот ответил, что это невозможно, если только ему не будет предоставлено для этого много времени. Тиранн позволил ему назначить какой угодно срок, и он попросил десять лет. Все стали над ним смеяться, говоря, что он взялся за совершенно невозможное дело. А он успокоил друзей: „Я ничего не боюсь, ибо за это время либо умру я, либо осел, либо сеньор“. Этими словами он показал, что дело верное—оттягивать на долгое время и откладывать исполнение трудной задачи.

(Поджьо Браччолини. „Фацетин“, изд. Academia, 1934 г., перевод А. К. Дживилегоза).

Этот же сюжет находим и в русских сказках (см. хотя бы „Русские сказки“ изд. Севкрайиздата, 1936).

К анекдоту 38

...*Не увидев речку, не снимай папучи*—буквально: „Su gormeden raris sьkayta“—очень популярная в Крыму пословица.

К анекдоту 42

В этом анекдоте очень своеобразно отразилось подлинное историческое событие—завоевание Византии турками.

Восточная Римская империя с главным городом Византией (нынешний Стамбул) с IV по XV век занимала всю территорию Малой Азии (ей же отчасти принадлежал Южный берег Крыма

с главным городом Херсонесом). При преемниках Михаила VIII Палеолога, овладевшего в 1261 году с помощью генуэзцев столицей, начинается падение Византийской империи, вызываемое общими экономическими причинами и ускоренное нападениями турок-сельджуков. В середине XV века турки окончательно завоевывают Малую Азию, в 1453 году султан Магомет II захватывает столицу Византию и кладет конец тысячелетнему владычеству этой могущественной империи. Последним византийским императором был Константин XI Палеолог, убитый во время взятия города.

Разговор загадками пользуется большой популярностью в фольклорных жанрах Востока. Он неоднократно использован в арабском эпосе („сказки Шехерезады“), индийских сказках, в сказках народов Советского союза. Укажем как пример армянскую сказку о Мудром ткаче.

Некий странник, проходя перед тронном царя, чертит у его ног на песке полосу. Для разрешения этой загадки царь призывает прославившегося своею мудростью ткача.

В ответ на загадку ткач бросает на землю две бабки. Странник сыплет около них просо. Ткач в свою очередь пускает на это просо курицу. Тогда странник надевает лапти и уходит. На вопрос царя, что это значит, ткач дает следующее объяснение: полоса означала вызов—хотят завоевать нашу страну. Бросив бабки, я возразил: вы же дети,—сидите лучше дома, играйтесь. Тогда чужеземец, высыпав просо, заявил, что войску их нет числа. А я, выпустив на просо курицу, ответил, что один наш воин может уничтожить все ихнее войско („Армянские сказки“, изд. Academia, 1933 г.).

В Грузии подобные словесные состязания связываются всегда с именем Насреддина (*М. Б. Бебур*, „Грузинские народные сказки, СПб, 1884 г.).

В Крыму зарегистрирована сказка, где подобный мотив использован в социально очень интересном плане. Алчные царевичи угнетают правоверных. Чтобы облегчить участь народа, мудрый ашуг (народный певец) в иносказательной

форме передает рассказ об одном разговоре, который велся в форме загадок.

Обличив этим иносказанием царев чей, ашуг принуждает их сократить подати („Сказки крымских татар“. Сборник Алушкинского дворца-музея. Крымгиз. 1936 г.).

К анекдоту 46

Афанасьев приводит усложненную сказку на этот сюжет в отделе рассказов об инородцах. Цыган выманивает у чумака имеющуюся у того еду, а взамен ее предлагает полакомиться ухой, разумея под этим речку с плавающей в ней рыбой (Изд. III, М. 1934 г., т. V, 248, стр. 181).

У *Decourdemanch'a* в *Sottisier* так же, как у нас (XXXIII).

К анекдоту 47

Очень сходная редакция в узбекском цикле о Насреддине. „Огонек“, 1935 г., № 17).

К анекдоту 48

В русском фольклоре сюжет зарегистрирован почти в том же виде (но без имени) у *Афанасьева* (1914 г., т. V, 248.)

Для Крыма вариант дан *Арк. Кончевским* (№ 2), причем дальнейшее развитие сюжета тождественно с нашим №№ 71 и 72 (см. текст и примечания).

К анекдоту 54

В подлиннике вопросы хозяина и ответы Насреддина рифмованы.

К анекдоту 56

В другой редакции, записанной нами, у Насреддина крадут не одежду, а эйбе (мешок, сделанный из ковра). Когда

его спросили, что бы он сделал, если бы ему эйбе не вернули, Насреддин ответил, что купил бы новый.

В европейской литературе встречается подобный эпизод в такой форме: „Если вор не вернет мне украденную лошадь я поступлю точно так же, как уже поступил однажды в подобном случае мой отец“. На вопрос, как поступил отец, обокраденный ответил: „Он надел на себя хомут украденной лошади и вернулся домой“.

К анекдоту 57

...Довелось попасть в город Сивре Гисар. Сивре-Гисар—город в Малоазийской (Анатолийской) части Турции.

К анекдоту 60

См. также анекдот об Ахмет-Ахаве № 12.

К анекдоту 61

См. также анекдот № 113 и примечание к нему.

К анекдоту 63

См. также анекдот № 16.

К анекдоту 64

Ак-Шехир—город в Турции. Центр вилайета (губернии). По преданию там якобы находится самая достоверная могила оджи Насреддина.

Вариант см. в журн. „Безбожник“, 1935. № 2.

К анекдоту 66

В той же редакции анекдот этот бытует в Крыму и с именем Ахмет-Ахая.

К анекдотам 71 и 72

Сюжет этих анекдотов чрезвычайно распространен и на Востоке и на Западе. В индийском эпосе он имеется в „Похождениях Парамарта“, в итальянской литературе эпохи Ренессанса входит в знаменитый сборник „Le Cento novelle antiche“ (издание L. Cappelletti, F, 1884, новелла VII), связан также с немецкими рассказами XII в. о похождениях Эйленшпигеля. В украинском устном народном творчестве анекдот этот имеет отчасти историческую окраску (дело происходит между цыганом и паном Потоцким) („Киевская старина“, 1885 г., окт. стр. 367—470). Встречается в разных редакциях у арабов и персов.

Любопытно, что в „Жизнеописаниях“ Плутарха мы находим очень сходный мотив в рассказе о том, как египетский царь Бохорис вынес решение по делу гетеры Тониды, обвинявшей некоего юношу в том, что он обладал ею во сне (*Плутарх. Demetrius. 27*).

П. Кузьмичевский считает сюжет о расплате звуком денег за запах пищи одним из самых древних восточных рассказов и предполагает, что сюжет этот, вместе с другими занесен в Европу цыганами („Турецкие анекдоты в украинской народной словесности“. Киевская старина, 1886 г. март).

В Крыму анекдот—чрезвычайно ходок. Мы имеем его в слегка видоизменяющихся редакциях на всем протяжении Южного берега Крыма от Кикенеиза до Партенита. Арк. Кончевский записал его в долине р. Алмы. Неразвитой разновидностью этого анекдота можно считать и № 48.

К анекдоту 74

Подобный же мотив неузнавания лошади встречается у *Подзьо Браччоллини* (Фацеции „Academia“, 1934 года, № LXXV).

К анекдоту 76

...*Накануне священной пятницы...*—Пятница—день, особо отмечаемый исламом (подобно христианскому воскресенью или еврейской субботе). В этот день община должна собираться в мечети для коллективной молитвы.

К анекдоту 78

...*Такому количеству кур нужен хоть один петух...*—буквально: „Evette o qadar tavuqqa bir dane xoraz kerek“—фраза, ставшая довольно употребительной пословицей.

Любопытна аналогия этой фразе в CLXL фацеции *Поджьо*, где Анджелотто на вопрос: „Почему кардинал не сбреет свою огромную бороду“, отвечает: „Среди стольких коз пусть заведется хоть один козел.“

К анекдоту 81

Почти в той же самой формулировке анекдот этот имеется у *Кузьмы Пруткова*.

Вот он:

„Если у тебя спрошено будет: что полезнее—солнце или месяц? ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло, а месяц—ночью“ (Мысли и афоризмы, 51).

Очень любопытное заимствование! Не мог ли воспользоваться насреддиновским анекдотом А. К. Толстой во время своего пребывания в Крыму в имени Мелас?

К анекдоту 90

...*Убыток—брат прибыли.*—Эта пословица несколько в иной форме зарегистрирована под № 430 в собрании *Боданинского, Мартино и Мурасова*. ИТУАК, 1915, № 52). Там она сформулирована так: *Kelir zararlıc ortaq, t. e. прибыль—товарищ убытка.*

К анекдоту 94

У кабардинцев этот анекдот имеет такую форму:

Думал-думал оджа и надумал—истолок черепки в порошок и поехал в соседнее селение. Приехал и кричит: „Эй, эй, кто купит? Хорошая отравка—убивает блох. Купите блохомор. Эй, эй люди добрые, покупайте, пока я еще не уехал“.

Народ все раскупил, и оджа получил за чашку порошка чашку муки. Уехал. Купившие послали одного крестьянина за ним вдогонку—они забыли спросить, как пользоваться порошком.

Оджа в ответ: „Эй, глупые вы люди, очень просто: как изловишь блоху, возьмешь ее в руки и насыплешь ей порошок в глаза. Она когда-нибудь и подохнет“.

Посланец говорит: „Да если я поймаю блоху, возьму ее в руки, так я ее и ногтем раздавлю“.

Оджа в ответ: „Это еще лучше, самое верное средство“.

(*М. Талпа. Устное творчество кабардинцев. „Лит. критик“, 1935, № 12).*

К анекдоту 95

Ак-Шехир—см. прим. к № 64.—Исфагань—город в Иране, Брусса—город в Турции—некогда резиденция турецких султанов, впоследствии центр вилайета (губернии).

К анекдоту 99

На Украине зарегистрирован в такой форме: К цыгану пришли спросить, какая будет завтра погода? Цыган спрашивает о том сыновей. Один из них отвечает, что будет дождь, а другой,—что будет сухо.

— О же хтось з ніх вгадав,—замечает цыган (П. Кузьмичевский. Ор. cit. „Киевская старина“, 1886 г., февраль).

Во французском издании анекдотов о Насреддине одна из дочерей оджи—жена земледельца, посеявшего хлеб. Конец анекдота: „Одна из вас,—сказал оджа,—увидит, очевидно, исполнение своего желания, но не знаю которая“. (*Decourdemanche. „Sottisier des Nasr-Eddin Hodja etc. CCC I).*

К анекдоту 101

Вариант: у Насреддина спросили, что делают со старыми лунами, когда появляются новые?—„Их растягивают и переделывают в молнии“,—ответил оджа (запись Алупк. дворца-музея).

К анекдоту 102

Этот анекдот послужил, между прочим, темой для рисунка, украшающего последний лист азербайджанского лубочного издания анекдотов о Насреддине (без указания года и типографии). Изображена сакля, подпертая со стороны, противоположной направлению наклона.

К анекдоту 103

...Пусть же те из вас, кто знает, расскажет тем, кто этого не знает...—в подлиннике: „Bilenler bilmegenlerge ogretsiner,“ т. е. „знающий пусть учит незнающего“,—фраза, ставшая довольно популярной в Крыму пословицей.

У Декурдеманша конец видоизменен. Когда Насреддин третий раз задает вопрос, богомольцы молчат. Тогда оджа говорит: Возблагодарите аллаха за то, что он не сделал верблюдам крылья“ (*Decourdemanche. Sottisier des Nasr Eddin Hodja etc.*).

В украинском фольклоре имеется интересная аналогия Деревня выбрала дядю Пахома попом. А он и грамоту не знает. Вышел в воскресенье на амвон с книгой и говорит:

„Знаете ли вы эту книгу“? Крестьяне, видевшие уже эту книгу в руках предыдущего попа, отвечают утвердительно. Тогда Пахом выносит другую: „А эту знаете?“ „Нет“. „Ну так чего же вам ее и читать“ (П. Кузьмичевский *op. cit.* „Киевская старина“, 1886 г., март).

В другом украинском анекдоте ленивый поп спрашивает: „Ви, люди добрі, знаете боже слово?“ „Знаємо, батюшка“. „Дак вам і казати нічого. Ідїть собі з богом, да в ту неділю придете“ (Ibid).

К анекдоту 105

Сходный мотив см. в анекдоте 107.

К анекдоту 108

Классический сюжет о неумело используемых советах. В русском фольклоре он особенно популярен. Уже *Кириша Данилов* записывает в своем сборнике песню о похождениях „дурня“, избиваемого за выходки невпопад („Древние российские стихотворения“, стр. 390—402).

А. Н. Афанасьев дает два варианта („Набитый дурак“, № 226). В первом из них события разворачиваются так: дурак трется около мужиков, молотивших хлеб—его бьют. Мать объясняет ему, что надо было сказать: „бог помочь, носить не переносить“. Он говорит это похоронной процессии и его снова бьют. Мать указывает, что нужно было сказать: „канун да свечка.“ Он говорит это на свадьбе и опять подвергается побоям.

Во втором варианте к этой основе прибавляются еще новые события. После побоев на свадьбе дурак узнает, что ему нужно было плясать. Он делает это на пожаре и избивается. Узнав, что нужно было заливать огонь водой, он выливает ведро воды на свинью, которую палил мужик и опять-таки избивается (*Афанасьев*. „Русские народные сказки“. М., 1914 г., стр. 108—110).

Из многочисленных кавказских аналогий (см. их главным образом в „Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа“) укажем на абхазскую сказку. Порядок приключений, описываемых в ней, таков: возвращаясь из лесу с дровами, глупец находит на дороге иголку и, желая отвезти ее матери, бросает на арбу между дров. Дома мать говорит ему, что иголку следовало приколоть к одежде на грудь. Следующий раз сын находит на дороге щенка и прикалывает его, как советовала мать. Щенок издыхает, а мать говорит, что нужно было привести домой ласковым зовом. Сын пытается сделать это с зайцем, встретившимся ему в лесу. Мать указывает, что зайца надо было убить палкой. Встретив в поле пахарей, сын набрасывается с палкой на быка, запряженного в плуг. Пахари избивают глупца. Мать говорит, что следовало приветствовать пахарей. Глупец приветствует похоронную процессию и избивается ею. Мать советует в подобных случаях соболезновать и плакать. Следуя совету, сын проделывает это, встретив свадьбу и снова наказывается („Абхазские сказки“, изд. Абхазского научно-исслед. ин-та краеведения. Сухум, 1935 г. „Сказка о глупом“, стр. 97 и след.).

На этот сюжет имеется сказка в немецком фольклоре („Der gescheite Hans“) — соответствующая русской об Иванушке-дурачке). Она записана *Гриммом* (I, № 32).

Афанасьев (*ibid*) указывает также и сербскую аналогию у *Врчевича* (Српске нар. припови jedke, № 173).

Древнейшее использование сюжета — в Панчатантре, где четверо глупцов, изучив премудрость, приступают к любому действию не раньше, чем справившись с книгами и несут поэтому несусветную чепуху. (Панч. V, 5. См. новейшее издание Р а н и о н. М., 1930).

К анекдоту 109

Сравнить с русскими анекдотами о „верхах“ (верх скорости, верх вежливости, верх воображения и т. д.). В одном из наиболее сходных анекдотов некто плюет с 3-го этажа в пролет лестницы, хватает плевательницу и, сбегав вниз, успевает подставить ее под плевок.

К анекдоту 111

...*Положил в ящик двадцать восемь камней...*— мусульманское исчисление месяцев, в отличие от европейского, ведется не по солнцу, а по луне. Двенадцать солнечных месяцев соответствуют тринадцати лунным. Поэтому каждый месяц имеет 28 дней.

К анекдоту 113

Необычайно широкое распространение этого сюжета может стать классическим образцом для сравнительного сказковедения.

Основой этого анекдота *П. Кузьмичевский* считает рассказ в Талмуде (V в. н. э.). В нем говорится об императоре Гадриане, который наградил старика, принесшего ему фиги, и заставил избить фигами же завистливого соседа, явившегося в ожидании милостей с таким же подарком. Жена утешает избитого, напоминая о том, что еще хуже было бы, если б он отнес гранаты (Op. cit. „Киевская старина“, 1886 г., февраль).

Подобный же эпизод приведен у римского историка *Светония* (II в. н. э.) Когда один рыбак поднес Тиберию рыбу, тот велел натереть ею рыбаку лицо. А когда рыбак поздравил себя с тем, что он не взял с собою и большего морского рака (*locustam*), которого он тоже поймал, Тиберий велел ободрать ему лицо и раком. (*Vitae XII Caesarum Tiberius, LX*. Приведено там же).

Для Западной Европы мы имеем этот сюжет, во-первых, во французских народных стихотворных сказках — фавлье (XIII XIV в. в.) („Recueil général et complet des Fabliaux, par A. de Montaignon et G. Raynaud. P. 1872—1890)

Затем мы встречаемся с ним в знаменитом сборнике XII века — „Cento novelle antiche“ (сто старых новелл), где он находится под № XIV. В нем также фигурирует инжир, но история заканчивается более идилично: услышав философское замечание неудачника-вассала, синьор дает ему новое платье.

Далее находим подобный же анекдот у новеллиста XIV века *Саккетти* (новелла CLII) с удалением от первоначальной темы и с заменой инжира ученым ослом.

С значительным изменением сюжет этот нашел место в английском стихотворении XIV века (*Dunlop*. „Geschichte der Prosa-Dichtungen“, 257). Указано П. Кузьмичевским в немецком и французском рассказах, снова у Сакетти (новеллы) и в сербской народной сказке (*Krauss*. Sagen und Mä. chen den Sud-slaven. L. 1883, I, 246. *ibid.*).

Любопытный вариант приводит новейший издатель „Ста новелл“ *Л. Кappelletti*. При папе Бенедикте XIV (1740-1748) четверо провинциальных помещиков, посетив г. Лукку, слышали там в церкви, что дьякон возглашает евангелие от *Луки*. Рассудив, что евангелие специально приспособлено для Лукки, они отправляются к папе просить, чтобы тот разрешил подобную привилегию и для их города. В качестве подарков просители везут фиги. А потом благодарят бога, что не взяли, как им советовали, шишек (пинеяных, съедобных). (*L. Cappelletti*. „Le cento novelle antiche, Firenze, 1884, 13-14).

В русском фольклоре анекдот этот бытует уже с XVII века. *Ал. Вселовский* приводит запись английского медика Коллинса, бывшего на службе в Московии в XVII в. и давшего этот анекдот в очень своеобразной интерпретации. Во время путешествия Иоанна Грозного, мужичок, занимавшийся

плетением лаптей, поднес царю пару лаптей и, по совету жены, в придачу к ним большую репу. Разбогатеv на этом, лапотник получает дворянство и фамилию Лапотский. Некий дворянин, видя, что подобная награда получена была за пару лаптей, желает также получить награду и отправляется к царю с конем. Угадав его намерение, царь дарит ему взамен ту самую большую репу, которую получил прежде. (*Вевеловский*. Сказки об Иване Грозном. „Древняя и Новая Россия“, 1876, № 4, стр. 313-314).

Афанасьев дает этот анекдот уже в совершенно иной редакции и без *couleur historique* (2-е изд., 1873, т. III, 522-524).

В украинском фольклоре интересный вариант обнаружен *П. Кузьмичевским*. У одного мужика уродили очень рано огурцы. Мужик положил несколько огурцов на тарелку и понес их пану. Пан дал ему денег. Через некоторое время, когда огурцы были уже не редкость, другой мужик решил заработать бoльшую сумму, отвезши пану целый воз огурцов. Жена советует ему прихватить и арбузов, но он не соглашается. Рассерженный пан велит закидать дарителя его же огурцами. И тогда мужик благодарит бога, что не послушался жены и не взял арбузов („Киевская старина“, 1886 г., февраль стр. 214).

Турецкий анекдот записан впервые *Кантемиром* („Histoire de l'Empire othoman etc“, P. 1743, т. I, стр. 164-167 см. его изложение во вступительной статье). *Decourdemanche* дает более простую редакцию и приводит в отличие от Кантемира лишь первую половину анекдота (*Sottisier*, LXI).

Крымский вариант печатается впервые.

К анекдоту 120

Вариант в журнале „Безбожник“, 1935, № 2.

К анекдоту 126

Кондараки приводит этот анекдот вне связи с именем *Насреддина* (Op. cit. стр. 117).

К анекдоту 128

Позднейшее происхождение этого анекдота совершенно очевидно. Однако мотив обжигающего супа имеется и в старых анекдотах. См. напр. № 151.

К анекдоту 129

Мотив осла, ставшего кадием, см. также в № 177.

К анекдоту 132

...Насреддин взял ложку и... хлопнул по этой мухе.— Мотив убивания мух на чьей-либо голове также очень стар. Он встречается уже в индийском рассказе (Панчатантра). В русских анекдотах о Балакиреве, шуте Петра I, он встречается неоднократно. Им, как известно, воспользовался И. А. Крылов для басни „Пустынник и медведь“.)

В крымском фольклоре он зарегистрирован *В. Х. Ксндагаки* в анекдоте об Ахмет-Ахаве. Во время охоты Ахмет-Ахав и его брат условились не щадить никакого животного. На грудь брата садится муха. Ахмет-Ахав стреляет в нее из ружья („Универсальное описание Крыма“, ч. 13, стр. 113).

К анекдоту 137

Очень старый и очень распространенный сюжет (см. вступит. статью, где приведены индийский и русский „варианты“). Особенно часто фигурировал в художественной литературе. Во французской литературе XVI века его использовали *Бон Денерье* (см. хотя бы в „Histoire élémentaire de la littérature française par Jean Fleury СПБ, 1888, ч. II, стр. 37) и *Франсуа Раблэ*. В XVII веке *Лафонтен* написал на этот сюжет басню („la latière et le pot au lait“), в которой исчисления производит молочница, ожидающая прогрессивного возрастания выгод от продажи крынки молока (так же как и у

Деперь). В XVIII веке сюжет этот снова появляется в стихотворении *Кол. д'Арлевиля*— „Les chateaux en Espagne“, где лакей, купивший лотерейный билет, мечтает о своем будущем благополучии и вдруг замечает, что билет потерял (см. также *Fleury*, стр. 478). Близко к этому „Воздушные замки“ *Хмельницкого* 1789-1845. Немецкий анекдот на этот же сюжет вошел даже в учебники немецкого языка (см. *Gläser et Petsold* ч. 1, § 82). Макс Мюллер считает родиной этого сюжета Индию.

Для Крыма впервые записан В. Кондараки вне связи с именем Насреддина („Универс. описание“, ч. 13, стр. 119).

К анекдоту 144

Аналоги: у *Афанасьева* под № 237 („Рус. нар. сказки“. М. 1914. т. 5.), у *Поджьо* под № LII (Фацеции, изд. „Academia“, 1935). Есть в норвежских сказках.

К анекдоту 145

Декурдеманиш записал в Турции этот анекдот с иным окончанием: Пospорившие супруги упорно молчат. Жена отправляется на свадьбу к соседу, а Насреддин остается дома один. В это время в его саклю забирается цыганка и, не слыша никакого шума, обкрадывает его. Обшарив весь дом и набив в мешок все насреддиново добро, она подходит, наконец, к молчащему одже и стягивает с его головы тюрбан. „Если я скажу слово,—думает оджа,—то я должен буду поить теленка“. Возвращается жена и, увидев разор, кричит: „Куда же делось наше добро?“ „Ага, ты заговорила,—воскликнул Насреддин.—Иди теперь поить теленка“.

Аналогична этому украинская сказка:

„Раздобув десь кравець риби приніс до дому, хотів зажеріть, так нема сковороди. Раздобулі сковороду, поїли рибу, та і заспорили, кому нести сковороду. Спорил, спорили, жінка й каже: „Хаї тої несе, хто попе-

реду забалака“. От вона пряде та дрі-рі-рі-та. А він собі: трі-рю-рю-та-та. Так аж до самого вечера. А мімо та їхав пан, тай збився с дорозі. „Підь, каже лакеєві-распитаї“. Пріходе лакеї, як не питає, вони в одно триндикають. „Нічого, каже, не допитаєшься“.—„А поїду от я сам“. Віїшов в хату, а вони триндикають. Він до жінки, даваї там біля неї моститься, вона все: дрі-рі-рі-та, а кравець собі: трі-рю-рю-та. От і дає пан кравчиси бумажку: „оце, каже, шо пожартував“. А кравець до жінки: „А шо тобі пан дав?“ „А шо? трі рублі, тобі сковороду нести“. (*Драгоманов*, „Малорусские народные предания и рассказы“, цит. по П. Кузьмичевскому, *op. cit.* ч. I., стр. 223).

В абхазской сказке муж с женой играют в „молчанку“, чтобы выгравшему избавиться от обязанности загонять телят. Жена уходит к соседям, в это время приезжают гости. Тщетно стараясь добиться толку от молчащего хозяина, гости сбивают ему усы и отрезают ухо. Вернувшаяся жена в испуге спрашивает, что случилось? „Ты проиграла, ты проиграла,—воскликнул муж.—Теперь иди и гони телят“ („Абхазские сказки“. АБНИИК, Сухум, 1935, стр.77-78, а также 181 182).

К анекдоту 151

В украинской сказке подобная история происходит между отцом и сыном. Сын хлебнул горячего супу и прослезился. „Чого це ты, сину, плачешь? „Того, тату, що я у вас одін“. „Що ж робить, синочку“. Ухопив и батько борщу, кинув ложку та і каже: „А, бодай же ти, сину, пронав, хоть ти і один у мене.“ („Труды экспедиции в Юго-западный край“, I, 559).

П. Кузьмичевский указывает западно сербскую сказку на этот же сюжет (*op. cit.* ч. I, стр. 222).

См. также узбекский вариант („Огонек“, 1935, № 17).

К анекдоту 161

Вот аналогия этому анекдоту в иранских сказках:

Был один человек, имел он одну жену. Она сказала: „Нужно нам заняться каким-нибудь торговым делом, чтобы что-нибудь получилось“. Муж имел одного быка, жена была пряхой. Муж взял быка, отправился на базар, за двенадцать с половиной туманов продал его, деньги забрал и пришел домой. Назавтра пошел он на базар, увидел быка, которого продавали, бык славный был и красивый. Он спросил продавца: „Этого быка за сколько продаешь?“ Тот молвил: „За пятнадцать туманов“. Он сказал: „С меня сколько возьмешь за него?“ Тот молвил: „Сколько для тебя нужно, дай“. За четырнадцать туманов с половиной он купил быка, забрал его и пришел домой. Жена его сказала ему: „Этот бык—наш бык, которого ты вчера продал“. Тот промолвил: „Я не знаю, этот бык—наш бык или нет, бык хороший был, я его и купил“.

Жена ему молвила: „Я тоже одно дело обделала: взяла я нитки, пошла на базар, продала, во время взвешиванья их на один мискаль было меньше, тогда одну серьгу свою я сняла, на них положила, все еще мало было, еще другую я сверху их положила—правильно стало: тому человеку я сказала: „Ты видел—правильно было, я меньше не продаю“. Муж промолвил: „Прекрасно, хорошее дело ты обделала, нам нужно дела обделывать—один мискаль—ты, один мискаль—я, посмотрим, что же соберется в конце концов?“

(Иранские народные сказки, изд. „Academia“, 1934, № 2).

Существование этой сказки в иранском и крымско-татарском фольклоре является примером взаимоотношений

иранской и татарской культуры, тем более интересным, что по сказочному указателю Н. П. Андреева точного соответствия этому анекдоту в других фольклорах не обнаружено.

К анекдоту 170

Сходен с знаменитой восточной сказкой об отце, ехавшем на осле, и сыне, шедшем пешком. Прохожие упрекнули отца в бессердечности, и он, слезши с осла, усадил на него сына. Следующий прохожий посмеялся над предпочтением, оказываемом младшему. Тогда и отец взгромоздился на осла. Поехали вдвоем. Новый встречный обвинил их в жестокости к бедному животному. Слезли—пошли пешком. Еще новый прохожий осмеял их глупость. И тогда отец и сын, использовавшие все способы, связали осла ноги, продели между ними палку и, взвалив на плечи, понесли по дороге.

Эта сказка также использована Лафонтеном.

Поджьо в фацециях дает эпизод, аналогичный нашему № 180 (XLVIII).

К анекдоту 173

Вариант у *Кондараки* (№ 3) и у *Кончевского* (№ 6). Последняя фраза бытует отдельно в качестве поговорки.

К анекдоту 175

См. также № 201.

К анекдоту 176

Вариант в журнале „Безбожник“, 1935, № 2.

К анекдоту 177

Аналогичный анекдот в украинском фольклоре зарегистрирован *П. Кузьмичевским* („Киевская старина“, 1886 г., март). См. также близкий к нему № 129 настоящего сборника

К анекдоту 181

Этот сюжет лег в основу одного из наиболее известных фавль о крестьянине-лекаре („Le vilain Mire“ XIII-XIV в.). Вот краткое содержание этого фавль.

Чтобы отомстить мужу, ежедневно колотившему ее, жена крестьянина уверила посланных короля, искавших врача для больной принцессы, что муж является искуснейшим лекарем, соглашающимся, однако, врачевать лишь тогда, когда его основательно отколотят. Отказывающегося, как и следовало ожидать, крестьянина, избитого до полусмерти привозят к королю. Хитрость и смелость выручают крестьянина. Болезнь принцессы заключалась в том, что она подавилась костью. Приказав разложить костер, крестьянин снимает с себя одежду и начинает проделывать перед пламенем такие забавные штуки, что принцесса не выдерживает и хохочет. Кость выскакивает у нее из горла. Слава о чудесном враче распространяется по городу и к нему стекаются сотни больных. „Лекарь“ разводит новый костер и объявляет, что для исцеления нужно бросить в костер самого недугующего, а когда он сгорит, пепел раздать остальным. Больные переглядываются между собой и объявляют, что они вполне здоровы (Русский перевод см. у *Петерсон* и *Балабанова*. „Западно-европейский эпос и средневековый роман“. I, с. 209 и след.).

В XV веке это фавль было превращено в фарс и ставилось на подмостках бродячих театров („Le Medecin malgré lui“), а в XVII веке *Мольер* переделал его в комедию (с тем же названием), обессмертившую первоначальный сюжет.

В России аналогичный фарс связывали с именем Бориса Голунова (см. у *А. Олерия*, пер. П. Барсова, стр. 170—171.

Гастон Пари, соглашавшийся по вопросу сюжетов фавль с теорией миграций Бенфея, склонен был считать родиной

подобных старо-французских сюжетов—Индию (*G. Paris „Les contes orientaux dans la littérature française du Moren-âge“ P. 1875*).

Параллельно фавль, эпизод с мнимым лекарем фигурировал в поэме Штриккера „Поп Амис“ (XIII в.).

Крымско-татарская интерпретация этой темы впервые связывается с именем Насреддина у *Кондараки* („Универ. опис. Крыма“. 1875, ч. 13, № 6).

К анекдотам 182 и 183

О Тамерлане см. примечание к № 35—41.

К анекдоту 182

М. Горький в своих „Сказках об Италии“ приводит этот эпизод в такой форме:

На земле—на коврах, каких больше нет,—триста золотых кувшинов с вином и все, что надо для пира царей; позади Тимура сидят музыканты, рядом с ним—никого, у ног его—его кровные, цари и князья и начальники войск, а ближе всех к нему—пьяный Кермани—поэт, тот, который однажды на вопрос разрушителя мира:

— Кермани! Сколько б ты дал за меня, если б меня продавали?

ответил сеятелю смерти и ужаса:

— Двадцать пять аскеров.

— Но ведь это цена только моего пояса,—вскричал удивленный Тимур.

— Я и думаю только о поясе,—ответил Кермани,—только о поясе, потому что сам ты не стоишь ни гроша.

Вот как говорил поэт Кермани с царем царей, человеком зла и ужаса, и да будет для нас слава поэта, друга правды, навсегда выше славы Тимура.

(*М. Горький* Собр. соч. ГИХЛ 1933, т. XIV, стр. 40),

К анекдоту 183

...*Кровавый Чингис*—имеется в виду Чингис-Хан или Тему-чин—монгольский завоеватель (1155—1227). В 1203 году был возглашен верховным ханом монгольских орди предпринял ряд блестящих завоеваний (Кара-Китая, царства тангутов и пр.). Вторгся в северный Китай и овладел Пекином, разорил до тла богатые города Средней Азии—Бухару, Ходжент, Самарканд, Балх, Ургенд, Мерв, Герат и пр. Покорив половцев, войско Чингиса дошло до Руси, где разгромило в 1223 году на реке Калке армию южно-русских князей.

Прославился своей необычайной жестокостью („кровавый“). От него, между прочим, вел свой род и Тамерлан.

Имам — см. прим. к № 8.

К анекдоту 189

Эски-Шехир („Старый город“) — в Турции неподалеку от Анкары.

К анекдоту 192

...*Где сейчас обретается святой Иисус...*—Элементы еврейской и христианской религий занимают в исламе значительное место не только в качестве многочисленных узаконений и правил, но и в качестве отдельных действующих лиц, заимствованных из библии (напр., архангел Гавриил—Джебраил). В частности Иисус христос считается одним из пророков (предпоследним). Как и его предшественники, Иисус будто бы предсказал появление Магомета, после которого других пророков уже не будет.

К анекдоту 194

Кония — город в Турции.

Вариант: Увидев огромную грудку камней, спутник Насреддина спрашивает его—что это такое. Насреддин отвечает,

что это—озеро. На вопрос удивленного спутника, как может озеро быть не глубоким, а высоким, Насреддин отвечает, что оно вывернуто наизнанку (записано Алушкинским дворцом-музеем в дер. Кучук-Кой.)

К анекдоту 211

В другой, зарегистрированной нами редакции, с вопросами пристаёт Насреддин, а длительный ответ на них даёт его жена.

К анекдоту 213

...Когда имам выпускает воздух и т. д. в подлиннике: „İmam osursa çemaat sьsar“—букв. „Если имам испортит воздух то джемаат (приход) станет испражняться“. Пословица эта сходна отчасти с русской—„Каков поп, таков и приход“.

Приведена между прочим под № 32 в собрании пословиц А. А. Бодзнийского, Мартино и О. Муласова (под ред. А. П. Самойловича и П. А. Фалева) (ИТУАК № 52).

С. Д. Коцюбинский.

СЛОВАРЬ

Абдест—омовение перед молитвой. Различается два рода абдеста: обыкновенный, малый, когда моются лицо, руки до локтей и ноги до лодыжек,—он совершается перед началом каждой молитвы,—и большой, когда, в известных случаях обязательно омовение всего тела. Составляя нерушимую обязанность правоверного, абдест, повторяющийся не менее пяти раз в день, не столько способствует чистоте, сколько докучает своей непреложностью.

Ага—дядя.

Ачка—мелкая монета, соответствующая приблизительно 20 русским копейкам.

Араба—телега.

Арман—место, где молотят хлеб, гумно.

Баклава—восточная сладость, род орехового пирожного, облитого медом.

Батман—мера веса, различная в разных странах. В Иране 1 батман соответствует $11\frac{1}{4}$ пуд. и 7 фунт., в Узбекистане равен—2 пуд., в Турции и Крыму—25 фунт.

Бей—князь.

Бурдюк—шкура животного, чаще всего овцы, искусно, снятая и приспособленная для наливания в нее жидкостей. В горных районах Крыма и до сих пор иногда пользуются бурдюками в качестве сосудов для кислого молока.

Визирь—на магометанском Востоке титул высших государственных чиновников. Великий визирь—наместник султана.

Гуруш—монета.

Дервиш — бродячий нищенствующий монах у мусульман, принадлежащий к одному из орденов, которых существовало довольно много. Дервишество является внешним выражением своеобразного мистико-пантеистического учения, так называемого, суфизма, сложившегося на почве ислама.

В Крыму дервиши существовали еще вплоть до Октябрьской революции, имея своей основной резиденцией город Бахчисарай (их насчитывалось там до 200 человек). Это были так называемые „вертящиеся дервиши“, оглашавшие своими иступленными молитвенными воплями город, особенно по четвергам и воскресеньям, когда они устраивали коллективное моление. Занимаясь назойливым попрошайничеством, доходящим до вымогательства, крымские дервиши являлись бичом для местного населения.

Джерид—состязания в скачках, джигитовка.

Джуппе—широкая верхняя одежда, род халата.

Дува—молитва-заклинание, талисман. См. также нуха.

Эзян—призыв к молитве. Производился обычно муэдзином (см.) с вышины минарета (см.).

Имам—собственно имамом назывались калиф Али и его одиннадцать потомков, являющиеся у мусульман-шиитов (одно из двух религиозных направлений, на которые разделился ислам в VII веке) объектом поклонения и культа. В более позднем понимании под словом „имам“ разумелось вообще духовное лицо.

Инжир—плоды фигового дерева, смоковницы. Само дерево также называется инжиром (инжир—агач).

Ислам—религиозное учение Магомета (571—632), изложенное в коране (см.). Содержит в себе много заимствований из христианства и иудейства; принимает единого бога, будущую жизнь; предписывает воздержание в пище, молитву; запрещает употребление вина и свинины. Ислам представ-

ляет собой брудие угнетения и порабощения трудящихся масс правящими классами на Востоке.

Кадий—кади—судья из духовного звания, руководствующийся в своих решениях предписаниями корана и других канонизированных исламом книг.

Казан—котел для варки пищи.

Каравансарай—прежде—здание на пути следования караванов, где путешественники останавливаются на отдых, теперь—своего рода постоялый двор.

Катык—кислое овечье молоко, приготовленное особым способом.

Кемер—пояс, служащий одновременно кошельком.

Кисет—мешочек для денег.

Коран—священная книга мусульман, содержащая изложение ислама (см.) и составленная, по преданию, преемником Магомета Абубекиром.

Лаваш—тонкие лепешки из пшеничной муки.

Мангал—медная жаровня на ножках.

Минарет—башня при мечетях, с которой муэдзины (см.) призывают к молитве.

Миндер—длинная подушка, матрац.

Мөнбер—возвышение в мечети род кафедры, с которой говорят проповеди и речи.

Мулла—мусульманский священнослужитель.

Муэдзин—младший служитель при мечети, возвещающий с минарета часы молитвы.

Намаз—молитва. Одно из самых важных предписаний мусульманского вероучения. Совершается пять раз в день: утром, в полдень, часа за два до захода солнца, вечером после заката и незадолго до сна.

Нусха—заклинание, для суеверных своего рода рецепт против болезни. См. также дува.

Папучи—мягкие туфли из бараньей кожи.

Пилав, плов—любимое кушанье на Востоке, жареная баранина с рисом.

Рамазан—девятый, месяц мусульманского (лунного) года, посвященный строгому посту в течение дня—от восхода до

захода солнца. В это время запрещается не только есть, но даже брать что-либо в рот (например, папиросу); ночью постники вознаграждают себя за перенесенные днем лишения обильным (у кого есть) ужином.

Саган—медная миска для кушанья.

Сераль, серай—дворец.

Сохта—богослов, ученик медресе (духовной семинарии).

Сюниет—обряд обрезания.

Тахта, тафта—мягкая кушетка с подушками.

Темджит—завтрак перед восходом солнца во время поста.

Телял—глашатай-комиссионер, в частности принимающий на себя продажу каких-либо вещей.

Тюрбан—то же, что чалма, повязка вокруг головы, служащая головным убором.

Ураза—то же, что рамазан (см.).

Халва—восточная сладость, готовится из сахара, масла, муки и орехов.

Хамам—баня.

Хеким—врач, лекарь.

Чабан—пастух.

Чалма—то же, что тюрбан (см.).

Чебуреки—пирожки из некавашенного теста на бараньем сале с начинкой из баранины и зелени, приправленные душистым перцем. Самое популярное национальное кушанье в Крыму.

Шариат—бытовое применение корана (см.) и других канонических высказываний пророков. Заключается в своде гражданских и церковных законов, обслуживающих все области жизни мусульманина. Шариат запрещает, например, женщине показывать посторонним свое лицо, предписывает употребление чадры и т. д.

Шериф—собственно начальник полиции (отсюда английский термин, заимствованный из Индии). В крымско-татарском фольклоре под шерифом разумеется градоначальник.

Эфтар—ужин, пиршество в ночь рамазана (см.).

Эфенди—господин, употребляется также как почтительное обращение к ученому человеку.

Ятаган—турецкая кривая сабля.

УКАЗАТЕЛЬ СКАЗИТЕЛЕЙ

Мустафа Топал—крестьянин середняк дер. Гаспры, Ялтинского района, дровосек, возраст—71 год. Анекдоты №№2, 3, 9, 13, 19, 24, 25, 27, 28, 29, 35, 42, 43, 44, 49, 54, 65, 67, 76, 80, 85, 86, 91, 97, 99, 101, 105, 107, 112, 113, 116, 118, 125, 128, 129, 132, 137, 146, 151, 154, 160, 170, 185, 195, 203, 206. Ахмет Ахай—№ 3.

Абибула Софу—колхозник дер. Биюк-Озенбаш, Куйбышевского района, возраст 53 года. Анекдоты №№ 10, 22, 26, 30, 31, 34, 35, 37, 40, 51, 56, 57, 62, 68, 71, 77, 79, 84, 87, 89, 90, 104, 106, 111, 119, 121, 123, 135, 139, 143, 144, 145, 148, 150, 152, 156, 158, 164, 168, 172, 175, 176, 182, 187, 190, 200, 211, 213, Ахмет Ахай №№ 2, 4, 5, 6, 10, 11.

Сейт халиль Шюкри—колхозник дер. Маркур, Куйбышевского района, возраст 45 лет. Анекдоты №№ 4, 6, 14, 33, 36, 39, 41, 55, 58, 63, 69, 70, 75, 77, 95, 98, 100, 103, 109, 122, 126, 136, 141, 147, 162, 163, 166, 186, 188.

Али-Бубуш—колхозник дер. Кикенеиз, Ялтинского района. Умер в 1932 году в возрасте 103 лет. Анекдоты №№ 1, 7, 8, 12, 16, 21, 23, 47, 53, 83, 94, 102, 120, 131, 157, 161, 167, 179, 180, 181, 191, 193, 198, 202, 207.

Абдураман оджа—учитель татарской школы дер. Уркуста Балаклавского района, возраст 42 г. Анекдоты №№ 5, 52, 60, 61, 92, 96, 134, 171, 184, 192, 194.

Земине Кенайская—крестьянка-единоличница дер. Алупки, возраст 54 года. Анекдоты №№ 20, 38, 64, 110, 117, 124, 149, 177, 197, 204.

Саидэ Усеинова—колхозница дер. Дереккой, Ялтинского района, возраст 70 лет. Анекдоты №№ 32, 45, 81, 82, 88, 142, 155, 159, 173, 199.

Ахтогай Хурбедин—колхозница дер. Симеиз, Ялтинского района, возраст 83 года. Анекдоты №№ 11, 48, 50, 114, 115, 140. Ахмет Ахай—1, 9.

Садык Топал—сын Мустафы Топала, зам. председателя колхоза в дер. Гаспре, возраст 35 лет. Анекдоты №№ 18, 66, 133, 178, 183.

Зейтулла Амет—колхозник дер. Кикенеиз, возраст 50 лет. Анекдоты №№ 59, 74, 138, 165.

Хатидже Умер—крестьянка-единоличница дер. Алупки, возраст 42 года. Анекдоты №№ 174, 205, 208, 209.

Эмир Усеин Дерменджи—колхозник дер. Кикенеиз, возраст 87 лет. Анекдоты №№ 73, 130, 201.

Ахтем—служащий дер. Кореиз, возраст 51 год. Анекдоты №№ 93, 153, 169.

Ибраим Софу—сын Абибулы Софу, зав. Куйбышевского РайОНО, уроженец дер. Озенбаш, возраст 27 лет. Анекдоты №№ 7, 12.

Рамазан Джетере—директор школы г. Ялты, род. в дер. Биюк-Ламбат, возраст 27 лет. Анекдоты №№ 78, 108.

Абдул Билял Оглу—колхозник дер. Гаспры, возраст 32 года. Анекдот № 15.

Бейше Гани—колхозница дер. Симеиз, Возраст 17 лет. Анекдот № 127.

Джемиле Сеттарова—учительница Гурзуфской семилетки, род. Кореиз. Возраст 25 лет. Анекдот № 210.

Ислям Халиль Демерджи—кузнец, колхозник дер. Кикенеиз. Анекдот № 212.

Гарун—пекарь, дер. Алупка, возраст 55 лет. Анекдот № 17.

Эмир Усеин оджа Асан—колхозник дер. Дереккой. Умер в 1934 г. в возрасте 81 год. Анекдот № 196.

Фатъма Бадур—ученица Алупкинской татарской школы, живет в дер. Кикенеиз, возраст 17 лет. Анекдот об Ахмет-Ахае № 8.

Абдураим Пармахсыс—служащий, род. в дер. Гаспре, возраст 48 лет. Анекдот № 189.

Биографии Мустафы Топала, Абибулы Софу, Ахтотай Хурбедин, Эмира Усеина Дерменджи и Исляма Демирджи см. в 1-м фольклорном сборнике Алупкинского музея („Сказки и легенды татар Крыма“. Симферополь, Крымгиз, 1936 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>С. Д. Коцюбинский. Оджа Насреддин и его место в крымском фольклоре</i>	5
---	---

АНЕКДОТЫ

1. О трех ответах оджи Насреддина и о том, как мулла остался в дураках	67
2. Рассуждения Насреддина о пользе корана	69
3. О том, как уместным ответом можно приобрести хорошее джуппе	70
4. О способе, которым можно спасти утопающего муллу	70
5. О том, в какую сторону обращать свой взор, когда услышишь священнослужителя	74
6. Об ошибках ханских детей и о их благоразумном наставнике	74
7. О том, как оджа Насреддин приобрел 99 рублей, хорошую шубу и доброго ишака	76
8. О том, как мулла захотел отомстить Насреддину и что из этого получилось	80
9. Свечка с мачту или о том, как Насреддин одурачил самого аллаха	82
10. Важно начинать с самого главного	84
11. О том, как оджа продал десять ослов и купил одну лошадь	85

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Строки	Напечатано	Следует читать
сверху 2	нет	гнет
сверху 2	Шевфик бей _{ХОМ}	Тевфик бей
снизу 3—4	исправлен я	исправления
сверху 10	дер. Кикенеив	дер. Кикенеиз

26

12. О том, как Насреддин взялся выпить Черное море. 88
13. О том, как оджа Насреддин отвадил своего кредитора 89
14. О первой смерти оджи Насреддина 91
15. О второй смерти оджи Насреддина 92
16. О третьей смерти оджи Насреддина 94
17. О тепле звезд, долготерпеливых гостях и несостоявшемся эфtare или о том, как обманщик остался обманутым 98
18. О цене оплеухи 103
19. О том, как оджу силой заставили есть халву 105
20. О рождении миски и смерти котла 107
21. О том, как оджа поспорил с соседом 108
22. Еще один спор Насреддина с соседом 109
23. О чудесном бурдюке или о том, как Насреддин отпустил грехи Сары-бею 110
24. Половина абдеста 112
25. Об одном неудавшемся абдесте или о том, что старая туфля ценнее молитвы, посылаемой аллаху. 113
26. Надо же когда-нибудь отдохнуть 113
27. О том, что ответил Насреддин дервишу, когда тот назойливо приставал к нему 114
28. Шутки аллаха не всегда уместны 114 ✓
29. Об ученых зайцах и глупом кадии или о том, как, не имея гроша в кармане, можно не только хорошо пообедать, но и приобрести тысячу червонцев . . 116
30. О том, что не следует, где попало, забывать лестницы 122
31. Тройная бухгалтерия 123
32. Первое завещание Насреддина оджи 124
33. Второе завещание Насреддина оджи 125
34. Совет оджи Насреддина на случай похорон 125
35. Об одноногом подношении хромоногому владыке . . 126

36. О том, как оджа Насреддин обучил грамоте тамер-	<i>Стр.</i>
ланова ишака	128
37. О том, что нужно знать хорошему педагогу	130
38. Насреддин на джериде Тамерлана	131
39. О том, как оджа Насреддин не пожелал присниться	
Тамерлану	132
40. О слоне Тимура и о сердобольном Насреддине . . .	133
41. О будущем человеческого рода	134
42. О том, как оджа Насреддин выполнил порученную	
ему дипломатическую миссию	135
43. Об одном разговоре, который произошел на свадьбе.	137
44. О четырех вещах, необходимых для изготовления	
халвы	138
45. Замечание Насреддина о временах года	138
46. Суп с утятинной	139
47. О возможных пределах гостеприимства	140
48. О том, как Насреддин помогал дровосеку	141
49. Почему Насреддин отказался писать письмо для	
соседа	141
50. О том, как Насреддин по-разному истолковал одно и	
то же проявление судьбы	142
51. Рассуждение оджи о качестве и количестве	143
52. О том, как любовь преодолевает стыд	143
53. О бороде священнослужителя	144
54. О сорока одной овечке и их догадливом чабане . .	145
55. Ловкий ответ	146
56. Об одной страшной угрозе Насреддина	147
57. О голодном одже и глупом пекаре	148
58. О том, что благоразумие никогда не мешает	149
59. Еще об одном благоразумном поступке оджи Нас-	
реддина	150
60. Как оджа потерял самого себя	150
61. Об орехе и арбузе	151
62. О том, как оджа Насреддин обучал садовника ис-	
кусству торговать лестницами	152

63. И покойники имеют память	153
64. Об одном разумном ответе оджи	153
65. О преимуществе индюка перед попугаем	154
66. Счастливая охота	155
67. О справедливости	156
68. О том, чему научился оджа на одной свадьбе и как применил он это на другой свадьбе	157
69. Об одном разговоре, который произошел на суде	157
70. И быки должны иметь память	158
71. О мудром решении оджи Насреддина	159
72. Еще более мудрое решение	160
73. И еще одно мудрое решение	161
74. Почему оджа отвернулся от своей лошади	162
75. Прежде чем судить о проступке другого нужно его проверить самому	163
76. О грехе одной собаки, ссоре соседей, глупости кадия и мудром решении оджи Насреддина	165
77. О том, как одже пришлось воочию убедиться в глупости его кредиторов	166
78. О том, что произошло в бане или как оджа Насреддин уместным ответом не дал себя одурачить	167
79. О том, как оджа устыдил своего кредитора	168
80. О том, как оджа уличил моряков в незнании дела	169
81. Что полезнее?	170
82. Почему Насреддин любил деньги	170
83. Рассуждение Насреддина о соловьином пении	171
84. Кто более велик?	171
85. Об одном разговоре оджи с нищим или долг платежем красен	172
86. Слово джигита свято	172
87. О пользе очков	173
88. Бережливость никогда не мешает	174
89. О способе, каким следует приучать людей к благодарности	174

90. Рассуждение Насреддина о сущности коммерции . . .	175
91. Чудесное превращение кувшина с золотом или как Насреддин выпутался из неловкого положения . . .	175
92. Об одном удивительном назначении обыкновенной веревки.	176
93. Он лучше знает	177
94. Средство против крыс	177
95. Как одже не удалось окончить начатого	178
96. Причины будущей смерти Насреддина	179
97. О том, как оджа помог разыскать перепутанные па- лучи	179
98. И неприятность при желании можно обратить на пользу	180
99. О двух дочерях оджи Насреддина, о профессии их мужей и о роли дождя в жизни человека	181
100. По кому оджа носил траур	182
101. О происхождении звезд	182
102. Рассуждение оджи о самостоятельности в работе .	183
103. Насреддин—проповедник	184
104. О том, что в любой неприятности нужно найти хо- рошую сторону	185
105. О том, как одже Насреддину удалось спасти луну.	186
106. Простой лаваш лучше пухового одеяла	187
107. Об одном бедственном приключении оджи или о том, как важно достигнуть намеченной цели	189
108. Отчего у оджи появились на теле синяки	191
109. О том, как оджа Насреддин изучал скорость распро- странения звука	194
110. О том, как Насреддин убедился в гимнастических способностях обыкновенной коровы	195
111. Календарь оджи Насреддина	196
112. О том, как оджа едва не прозевал выгодного дела.	197
113. Почему радовался Насреддин, когда его били . . .	198
114. Догадливые соседи	199

115. Об удивительной кошке или о том, почему одже
Насреддину не досталось шашлыка 200
116. О том, как оджа Насреддин уличил брадобрея в не-
знании арифметики 201
117. Еще один разговор оджи с брадобреем 201
118. Сила воображения 202
119. Еще о том же 202
120. О том, как оджа Насреддин успел предупредить
свою ошибку 203
121. О том, как Юнус перехитрил Насреддина и что ска-
зал на это Насреддин 203
122. Об одной существенной разнице 206
123. О глупом тюране оджи Насреддина 206
124. О границах человеческого легковерия 207
125. О том, как кадий не хотел, чтоб оджа поговорил со
своим старинным другом 208
126. О том, как одже не удалось обмануть старика 209
127. Для достижения разумной цели все средства хороши 210
128. О тех случаях, когда пожарная команда заменяет
врача 211
129. О том, как оджа Насреддин принял муллу за осла и
о том, как мулле пришлось согласиться с этим 212
130. О вороне и быке и о том, что ответил оджа благо-
верному кадию 215
131. Судебная ошибка 218
132. О том, как оджа Насреддин угостил муллу ша-
шлыком 220
133. О скорости распространения звука 222
134. Мечеть испоганит и хорошее пение 222
135. Насреддин занимается садоводством 223
136. Насреддин в трауре 224
137. О великих доходах, предстоявших Насреддину от
использования десятка куриных яиц и о том, почему
он эти доходы не получил 224

	<i>Стр.</i>
138. Чистота—залог здоровья	226
139. Разъяснение оджи Насреддина о законах наследственности	227
140. Руководство к родовоспомощствованию или о том, как оджа Насреддин помогал жене разрешиться от бремени	227
141. О неограниченных возможностях человеческой памяти	228
142. О проповеди Насреддина оджи и о замечании, которое сделал его сын	229
143. Кто старше	230
144. Упрямая теща	230
145. Об одном удивительном состязании и его благополучном конце	231
146. Ответ по существу	232
147. Еще более мудрый ответ	232
148. Новое в области деторождения	233
149. Предусмотрительность не мешает	233
150. Запасливый оджа	234
151. О чем плакали оджа Насреддин и его супруга	235
152. О том, как одже Насреддину из-за упрямства его жены пришлось вместо одного абдеста выполнить сразу два	236
153. О том, что необходимо знать хорошему истопнику	237
154. О цене меча и о чудесных свойствах печных щипцов оджи Насреддина	238
155. Поручение, доведенное до конца	239
156. Удивительная несообразность	240
157. О двух светопреставлениях	240
158. О подлинных причинах смерти насреддиновой супруги	241
159. Две смерти	241
160. Вычисления Насреддина по поводу вместительности двуспальной кровати	242

161. О том, как оджа Насреддин и его супруга искусно управляли своим хозяйством 243
162. Разделение труда или замечание Насреддина во время пожара 245
163. О том, что важно не столько само гостеприимство, сколько способность уверить в нём своих гостей . 246
164. О способе, которым можно неповоротливого ишака превратить в самое резвое животное 247
165. О том, как подобный же способ при умении можно применить и к самому себе, да и не только к себе, но и к своим ближним 248
166. Как оджа Насреддин разыскал своего украденного ишака 249
167. О том, как оджа Насреддин проучил своего непокорного осла 250
168. О неразумном теляле, своенравном осле и трагической участи оджи Насреддина 251
169. О привередливом ишаке и его неблагоприятной смерти 253
170. И с животными нужно быть справедливым 254
171. О покраже осла и о несправедливости соседей . . 255
172. Почему оджа благодарил аллаха, когда потерял своего единственного ишака 256
173. О причинах одной драки и о том, как, благодаря умелому подходу, Насреддину удалось эту драку прекратить 256
174. Подходящий случай 257
175. Чудесное избавление Насреддина от неминуемой смерти 258
176. О том, что не стоит особенно доверять аллаху . . 259
177. Заслуженная карьера 259
178. О назойливом соседе и о том, что ответил ему оджа, когда тот усумнился в его словах 260
179. И аллахово могущество имеет пределы 261

180. О том, как одним только словом оджа дал ответ на сорок вопросов	261
181. О том, как оджа Насреддин вылечил заболевших оружейников султана	262
182. О цене Тамерлана, или сколько стоит хан, если его раздеть донага	264
183. Дальнейшее ясно	265
184. О том, как оджа продавал по частям своего несравненного осла	265
185. Почему осел оджи отказался итти на работу к соседу	266
186. Еще нечто о своенравии Насреддинова ишака	267
187. Как оджа продавал собственную чалму	267
188. О том, как оджа Насреддин покупал себе новое платье	268
189. О новой шапке оджи Насреддина и о том, каким способом удалось ему избежать назойливости своих знакомых	269
190. О безрассудности некоторых предприятий	270
191. Об удачном ответе, которым оджа Насреддин посрамил одного толстого домовладельца	270
192. О том, что ответил Насреддин, когда его спросили о местопребывании Иисуса	271
193. Изыскания Насреддина в области погоды	272
194. Изыскания Насреддина в области строительного искусства	273
195. Наивный вопрос	273
196. В поисках утраченного	274
197. Надежное средство	274
198. О бессовестном соседе, неразумном осле и об обиде оджи Насреддина	275
199. Перед тем как иметь суждение по какому-нибудь вопросу, нужно сначала обстоятельно изучить этот вопрос	275

200. О том, как оджа постеснялся показаться на глаза грабителю	276
201. О том, как оджа Насреддин избежал страшной опасности	277
202. О том, как оджа использовал добрый совет теляла	277
203. Простой расчет	279
204. Подумаешь, затруднение	280
205. О двух способах сбережения винограда	280
206. Чем же, наконец, человек отличается от верблюда?	281
207. О необычайной позе оджи или о том, что ради соблюдения вежливости, чего только не сделаешь . .	282
208. Чрезмерная вежливость	283
209. О несовершенстве устройства человеческого тела .	283
210. Об одном приключении, которое произошло накануне светопреставления	284
211. Простейший способ вычислять расстояние	286
212. Доказательство налицо	287
213. О том, как оджа Насреддин выпустил воздух в нос Тамерлану	287

АНЕКДОТЫ ОБ АХМЕТ-АХАЕ

1. Ахмет-Ахай приобретает сапоги	293
2. Ахмет-Ахай учит премудрости муллу	295
3. Ахмет-Ахай наказывает зайца	297
4. Ахмет Ахай справляется с вороной	298
5. Ахмет-Ахай помогает мулле	299
6. Ахмет-Ахай дает совет торгашам	299
7. Озенбашцы находят арбуз	301
8. Ахмет-Ахай жалеет осла	304

	<i>Стр.</i>
9. Ахмет-Ахай указывает способ сбережения денег . . .	305
10. Ахмет-Ахай строит ворота	306
11. Ахмет-Ахай угощается мылом	308
12. Ахмет-Ахай не узнает самого себя	309
Примечания	311
Словарь	347
Указатель сказителей	353
Содержание	358

Сдано в производство 8/X-37 г. Подписано к печати 23/IV-37 г
Формат бумаги $70 \times 100^{1/32}$ Бумажн. листов $5^{3/4}$. Авторских
листов 11,1. Печатн. листов $12^{1/2}$. В печатн. лист. 55,6 тыс.
знаков. Крымгиз № 191. Уполн. Главлита Крым. АССР
№ А-266. Тираж 20 100 экз.

1-я Гостипография Крымполиграфтреста, Симферополь
ул. Кирова, 23. Заказ № 3354.

2015170449